

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2015

Февраль-Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2015

№ 1 (20)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 07.02 2015
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.
Тираж 100 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 20

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

- 3** *К. Левитин*
Палиндром (повесть)
- 28** *М. Гелприн*
Дикарь
- 38** *Ф. Федоров*
Древний город

БУДУЩЕЕ

- 48** *Ю. Молчан*
БНР
- 64** *Е. Гамаюнов*
Батарейка
- 70** *А. Смирнов*
Сжатый мир

КОНТАКТ

- 73** *А. Гагаринова*
Гений
- 78** *И. Алтухов*
Контакт невозможен

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 80** *Е. Джеро*
Иерусалимский синдром
- 91** *А. Титаренко*
Дети звезд

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 96** *А. Шатров*
Дорога на Марс

ЮМОРКОН

- 103** *А. Марков*
Мой первый космический корабль (повесть)
- 118** *И. Письменный*
От прилета до улета (повесть)
- 135** *В. Благов*
Чего только не сделаешь для любимой

Карл Левитин

*Аркадию Стругацкому и Игорю Можейко,
которые, каждый по своему и, в известном
смысле, противоположным образом заставили
меня задуматься о необратимости многих
наших решений и поступков.*

Палиндром

повесть

*С акустико-фонетической точки
зрения палиндром является
нелепицей, так как словесные звуки,
фонемы необратимы, они
униполярны в своем движении.*

А.КВЯТКОВСКИЙ,
«Поэтический словарь»

ПУТЬ ВНЕШНИЙ

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Экспедицию Разрешенных Экспериментов именовали этим гроыхающим словосочетанием только в официальных документах, в просторечье, на любой дальней космической трассе ее называли не иначе как «брачной конторой», — случаи, когда пилоты ЭРЭ не женились бы друг на друге, можно было пересчитать на кнопках скафандра. Немало тому способствовало то обстоятельство, что знаменитый параграф 26, составленный безвестным бюрократам в незапамятные времена, соблюдался неукоснительно, а он требовал «гетерогенного в половом отношении состава экипажа при сохранении фертильного возраста всех его членов вплоть до конца планируемого эксперимента с целью обеспечения возможности воспроизводства популяции при экстремальных условиях». Эта дикая тарабарщина означала всего-навсего, что в случае аварии, когда вернуться домой не удастся, инструкция требует, чтобы звездолетчики имели возможность озаботиться обзаведением потомством, которое впоследствии разрастется и каким-то образом сумеет связаться с Землей. Ответственность за выполнение этого, как, правда, и всех других бесконечных пунктов «Наставления по осуществлению экспериментального полета», лежала на первом пилоте.

Борис Рольсен, первый пилот «Чивера-2923», меньше всего думал об этом дурацком параграфе, когда его корабль входил в сектор, где, согласно все той же инструкции, следовало взломать нелепо огромные сургучные печати на контейнере со спецкассетой и вставить ее в коммуникатор, «обеспечив невозможность приема данной информации кем-либо из членов экипажа или утечку ее вне корабля». Рольсен усмехнулся, прочитав этот очередной шедевр уставной мудрости, высветившийся на экране, как только он, проклиная опостылевшие ритуалы, запросил корабельную машину о порядке выполнения всех необходимых в таких случаях действий. На парсеки вперед, назад, а также во все иные стороны локаторы интеллекта показывали полный ноль. Большого захолустья невозможно было отыскать во всем многострадальном космосе. Если бы даже благоглупости, которыми родная ЭРЭ, загнав сюда, намерена сейчас одарить его, Рольсена, и ускользнули каким-то образом через передающие антенны «Чивера», то все равно прошли бы годы, прежде чем их смог воспринять чей-то посторонний разум. Что же касается экипажа корабля, то второй пилот Энн Моран пребывала в данный момент, в полном соответствии с программой полета, в анабиотической ванне, куда он отправил ее неделю назад, что по земным понятиям составляло... не хотелось даже думать, сколько земных месяцев промелькнуло за эти семь дней. Других членов экипажа на «Чивере», естественно не было.

Все так же криво усмехаясь, Рольсен привычно положил правую руку на считывающее устройство сейфа и набрал нужную комбинацию букв. Ее вычурное, какое-то детское и вместе с тем грозное звучание в который уже раз вызвало в нем глухое раздражение, но корабельный мозг, сличив рисунок на пальцах с эталоном, хранящимся в памяти, и прочитав короткие слова-пароли, которые всегда использовали сотрудники ЭРЭ, приступая к выполнению операций, числящихся секретными, уже распахнул дверцу сейфа. Рольсен достал контейнер, облепленный печатями, едва взглянув на другие такие же коробочки, хотя рука сама тянулась вставить в прорезь коммуникатора одну из них. Но правила есть правила. Не ожидая ничего хорошего или на худой конец забавного, он послушно отключил все каналы внутренней и внешней связи и нажал клавишу «Прием». Прошла знакомая еще по курсантским годам игривая мелодия первой секретности, далее, после паузы, совсем уж легкомысленная песенка, означающая «секретность два». Рольсен невольно насторожился. И тут прозвучал мотив, который он слышал всего раз в жизни, да и то в полной уверенности, что запоминать его не имеет смысла, поскольку до конца дней своих ему более не суждено наслаждаться этими колокольными перезвонами, откопанными неусыпными конспираторами из отдела спецритуалов где-то во глубине веков.

Значит, наступало нечто чрезвычайное — если, конечно, это не очередная выходка космопсихологов, не еще один запрограммированный ими фортель, призванный спасти его драгоценную психику от обычной скуки экспериментального полета. Рольсен не успел додумать эту мысль, когда в центре каюты материализовался Главный во всем великолепии своего парадного мундира. Лицезреть его даже в штатском почиталось за большую

честь, а тут он стоял, положив руку на кобуру бластера, словно в День памяти Невернувшихся, когда все сотрудники ЭРЭ, до отказа намагнитив знаки различия, торжественным парадом проходили мимо своего величественного командира. Рольсен инстинктивно встал во фрунт, вытянув перед собой обе руки в уставном приветствии. Главный повернулся к нему, мелодично звякнули на груди бесчисленные стартовые жетоны, заскрипела портупея из чистой кожи. Не хватало разве лишь бриллиантовой булавки, вручаемой командорам при присвоении звания, но даже отпетые пижоны из военно-астрономического управления не решались носить ее из-за несусветного блеска. Голограмма была так хороша, что на миг Рольсену показалось, будто и в самом деле из черного космоса в каюту корабля шагнул его начальник — мудрый, сильный и бесстрашный человек, которого все они побаивались — скорее по традиции, чем по какой-либо разумной причине.

— Садись, сынок, — сказал Главный. — Садись, мне надо много чего тебе сказать.

Рольсен обалдело опустил в кресло. «Сынок»? Стабильные квазары! Он, конечно, ослышался.

— Да, второй лейтенант Рольсен, — продолжал Главный с той же непривычной для него интонацией. — Да, и устав имеет свои границы. Сейчас, когда ты слышишь и видишь меня, я уже покоюсь где-нибудь на нашем армейском кладбище, а на стене в моем кабинете стало одним портретом больше. Но не это заставляет меня говорить с тобой без чинов и званий. Наступил момент, когда я не могу больше тебе приказывать. Мне не хватает ума, быть может, силы воли. Но главное — я боюсь.

У Рольсена сдавило горло. Как в далеком детстве захотелось уткнуться во что-нибудь теплое и мягкое, и он глубже вжался в пушистую бейненсоновую обивку кресла. Главный стоял теперь перед ним, опустив руки и склонив голову. Ощущение нереальности происходящего, смешанное с предчувствием беды, охватило Рольсена.

— Ты знаешь наше первое правило, — сказал Главный, стряхнув с себя какие-то мысли. — «ЭРЭ никогда не оставляет поиск Невернувшихся». Никогда... Это значит, что и тебя, как бы ни повернулись дела, Земля будет искать сотни и тысячи лет, вопреки смыслу и логике, до тех пор, пока не станет абсолютно ясно, что именно произошло с тобой. Как ты сейчас должен дознаться, что стряслось с «Чивером».

Только теперь Рольсен понял, что на этот раз его ждет далеко не рутинный эксперимент вроде спирализации газовых скоплений, а предприятие скорее фантастическое, чем научное. «Чивер», легендарный суперкрейсер, не вернулся на Землю без малого пятьсот земных лет назад. Экипаж не послал сигнала бедствия, автоматика тоже не сработала. Ни одна гипотеза исчезновения «Чивера» не была признана достоверной. Тайна, окутывающая все обстоятельства, связанные с гибелью этого корабля, побудила в свое время ЭРЭ присвоить его имя самым шустрым, самым крохотным, но и самым современным суденышкам своего огромного флота. «Чиверы» выпускались сериями, внешне неотличимые от обычных транспортных кораблей каботажного внутригалактического плавания. В какое изумление пришел бы однако механик на станции техобслуживания,

если бы заглянул в двигательный или приборный отсеки — но такого, правда, не случилось, да и случиться, конечно, не могло. Как и все другие корабли ЭРЭ, «Чивер-2923» не нуждался в услугах техцентров, а его номерной знак позволял беспрепятственно проходить мимо автоматических пунктов контроля исправности бортовой аппаратуры. Этот малый внегалактический охотник лишь внешне выглядел как заурядный глайдер — он действительно мог многое. Но отыскивать своего прославленного тезку, пропавшего полтысячи лет назад... Да, ради этого стоило отлеживать бока в анабиозе.

— Мой мальчик, — произнес Командор, еще более, чем раньше, торжественно, — я не знаю, что ждет тебя. Тыходишь в квадрат, где после «Чивера» не было ни одной живой души. Ситуация может сложиться самая непредсказуемая. Поэтому все правила и инструкции теряют для тебя силу закона. Ты волен следовать им или же поступать вопреки уставным требованиям и регламентациям. Я, твой командир, снимаю с тебя все ранее данные тобой обязательства. Совет поручил мне сообщить тебе, что он верит: в своем сознании и сердце ты найдешь ответы на вопросы, не предусмотренные никакими наставлениями. Ты свободен в своих действиях и поступках. С настоящего момента ты не связан даже присягой. И, тем не менее, Совет присваивает тебе внеочередное звание командора, которое, надеюсь, ты будешь с честью носить, вернувшись на Землю.

Главный сделал длинную паузу, в которой утонули его последние слова.

— Теперь мы равны в званиях, командор Рольсен, — сказал он наконец. — Но по праву старшего по возрасту, по обязанности начальника и по привилегии человека, ушедшего с Земли, я советую, приказываю и завещаю тебе быть и оставаться прежде всего мыслящим существом, потом — человеком, землянином, и уж только в последнюю очередь — офицером-исследователем. Что бы ни случилось...

— А теперь, — тут Рольсен в первый и последний раз увидел улыбку на лице своего командира, — у тебя есть время поиграть в свои игрушки. Затем буди Энн. Она славная девушка, и ты за нее в ответе — опять-таки что бы ни случилось. Это — приказ. И последнее. Все сведения о «Чивере» и его экипаже, что удалось найти на Земле, — на этой пленке. Они не секретны. У Энн есть дубль.

Главный подтянулся, блеснув своей знаменитой выправкой, и вскинул руки в воинском салюте — прямо перед собой, открытыми ладонями к Рольсену, словно пытаясь обнять его.

— Прощай, командор. Счастливого космоса.

Голограмма кончилась. Прошли сигналы снятия грифов. Коммуникатор сообщил, что готов передавать сведения об объекте «Чивер», но Рольсен остановил кассету и перемотал ее к началу, чтобы еще раз увидеть лицо Главного, услышать его глуховатый голос. Ему впервые пришлось работать с информацией такого рода, и он просто забыл, что она уничтожается сразу же по предъявлению. Пленка впустую дошипела до начала открытого текста и автоматически остановилась. Рольсен опустошенно посмотрел вокруг. Ему необходимо было успокоиться, взять себя в руки. Раскрытая дверца сейфа задержала его взгляд. Машинально, механически он запу-

стил руку внутрь, достал наугад одну из коробочек и поставил ее в коммуникатор вместо спецкассеты. Он едва смог дождаться, пока проскочит раккорд. Медленно, один за другим в пустом пространстве каюты стали появляться, сменяя друг друга, его «игрушки». Старинные, напоминающие обычные жестянки, выкрашенные флюоресцирующими красками. Суперсовременные, почти сплошь состоящие из микросхем и пленочных источников автономного питания. Сделанные в стиле «ретро», бывшем модным столетие назад, экзотических форм и цветов, но, конечно, начиненные техникой на всю свою стандартную двухмиллиметровую толщину. Разложенное по сериям и годам выпуска, ранжированное по степени сохранности, каталогизированное и пронумерованное, проплывало перед Рольсеном его богатство, его сокровище, предмет его постоянного внимания и беспокойства. И на этот раз рассматривание коллекции, хотя это и были всего лишь голографические копии, которые нельзя даже подержать в руках, принесли ему почти полное успокоение. «Главный и тут рассчитал верно, — подумал он. — Старик знает меня лучше, чем я сам». Эта мысль принесла надежду, что и дальше все пойдет по продуманному плану, как это всегда и бывало.

И именно в этот миг взвыла аварийная сигнализация, замигали лампы на панели вызова и стены каюты заходили в омерзительной дрожи, словно корабль попал на гигантский вибростенд, включенный на максимальные амплитуды. Однако, когда Рольсен — это заняло не более минуты — добрался до пульта управления, приборы вновь показывали норму. Он отключил ревуны и световые индикаторы опасности, провел все контрольные и зондирующие тесты и только тут вспомнил об Энн. События последних минут настолько выбили его из колеи, что он, включив с пульта программу срочного пробуждения, ворвался в ее каюту безо всякого предупреждения.

Энн мирно просыпалась, вся теплая и домашняя. Странной грушевидной формы медальон, который она не снимала даже в анабиованне, мерно поднимался и опускался на ее груди в такт дыханию, короткие золотистые волосы разлохматились, сбились набок, полные, немного капризные, как у ребенка, губы приоткрылись и, видно, что-то хотели во сне сказать смешное и доброе. Волна нежности захлестнула Рольсена. Каким бы идиотским псевдонаучным языком ни составляли свои бумаги теоретики ЭРЭ, но дело они знали. Еще не было случая, чтобы хоть один пилот с неприязнью думал о перспективе оказаться перед необходимостью выполнять требование пресловутого 26 параграфа полетной инструкции. Подбор экипажа шел не только на психологическую, но и на всякую иную совместимость, врачи, психологи, психиатры и десятки других специалистов долго и дотошно исследовали каждого из сотрудников ЭРЭ, прежде чем выдать допуск к участию во внегалактических экспедициях. Но уж зато ошибок в их рекомендациях не водилось.

Энн сладко потянулась и, просыпаясь, посмотрела на Рольсена радостно и спокойно. Он непроизвольно протянул к ней руки. Счастливо улыбаясь, Энн прижалась к нему и прошептала в самое ухо:

— Все в порядке, командор. Все в полном порядке.

10.10.10/3030/VI.

Передано кодом «Ч»:

«БЛАГОДАРИЮ ГРУППУ СВЯЗИ ЗА ОПЕРАТИВНУЮ ПРОКЛАДКУ НУЛЬ-КАНАЛА В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ НЕЗНАКОМОЙ ПЛАНЕТЫ. ВЫРАЖАЮ ОСОБУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ СПЕЦКОМАНДЕ ЗА УМЕЛОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ТРАЛА И РАСПРЯМЛЕНИЕ МАГНИТНОГО ПОЛЯ ЛОВУШКИ, ВЫПОЛНЕННОЕ ЗА ВРЕМЯ, ВДВОЕ НИЖЕ НОРМАТИВНОГО. ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ НУЛЬ-ФЛОТА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПЯТИМИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ ДЕСАНТА НА ПЛАНЕТУ. ГРУСТКИН».

10.10.35/3030/VI.

ВТОРОЙ ПИЛОТ

Говорят, что анабиотику космопилоты сдают на втором курсе, а забывают на первом. Но общие положения Энн помнила неплохо. Глубокий холод в сочетании с индивидуально подобранной конфигурацией магнитного поля, воздействующего на активные точки организма, приостанавливает протекающие в нем естественные процессы. Таким образом старения практически не происходит. Однако существует вполне реальный риск потери сведений, хранящихся в памяти. Поэтому с определенными интервалами в мозг посылаются импульсы, вызывающие мгновенный всплеск его активности. При этом актуализируются наиболее эмоционально окрашенные переживания. Отсюда необходимость включить в устройство, управляющее анабиотическим комплексом, блок, отфильтровывающий все негативные эмоции и усиливающий эмоции положительные. Ну и так далее, до тактики вывода из анабиоза больших коллективов включительно.

Блок контроля знака эмоций действовал безупречно — Энн проснулась с никогда не покидавшим ее чувством, что жизнь устроена на удивление разумно, и все, что в ней происходит, — к счастью. Уютно устраиваясь в колыбели анабиоблока, она всегда засыпала с мыслью о том, что скоро проснется и увидит Рольсена, который склонится над ней, протянув руки. До сих пор такого никогда не случалось: он терпеливо ждал, пока Энн проснется, приведет себя в полный порядок и выйдет к нему уже вторым пилотом «Чивера-2923». Но усилители упорно держали этот образ как эмоциональную доминанту — и вот, надо же, дождались...

На радостях Энн проговорила. Ей не положено было знать о его новом звании. Она грубейшим образом нарушила правила. Хотя, в сущности, что такого произошло? Ну да, она не смогла побороть искушения и прослушала спецкассету до разрешенного срока. Честно говоря, Энн уже и раньше пыталась сделать это, но программа, введенная в корабельный мозг на стар-

товой базе, не позволяла ее коммуникатору пропустить информацию, передаваемую сигналами высшей секретности. И только неделю назад, отправляясь на свои очередные полгода анабиотической ссылки, она вдруг обнаружила, что запрет снят. Стало быть, расчетное время эксперимента приближается и, быть может, на сей раз ей не придется дожидаться конца сеанса. Эта мысль была такой радостной, что само сообщение почти не взволновало ее. Конечно, Главный был, как всегда на высоте, да только к ней все это имело косвенное отношение: голограмма предназначалась для первого пилота и представляла собой копию имеющейся у него — на тот случай, если с ним что-то произойдет. Но, слава Эйнштейну, с командором Рольсеном ничего не случилось. Командор! Вот это она услышала от Главного с особым удовольствием. Что же касается поисков «Чивера», то после того последнего разговора с Главным накануне полета, Энн догадывалась о чем-то подобном. Уж если говорить о том, что ее действительно поразило, так это информация о «Чивере», точнее, о его экипаже: среди прочих в нем оказался и однофамилец Игоря... забавно, что имел в виду Главный? И что скажет по этому поводу Рольсен? Вот только как сообщить ему, что она прослушала спецкассету..

Порой Энн казалось, что она знает о Рольсене все, но иной раз одним словом или поступком он рушил все ее представления. Та же его мальчишеская страсть к собиранию номерных знаков звездолетов, например. Невинное увлечение, даже с оттенком ведомственного патриотизма, поскольку он собирал только «Чиверов» разных лет выпуска, тоннажа, типа и назначения. Как и ко всему, чем он занимался, Рольсен относился к своему коллекционированию предельно серьезно, хотя делал вид, что и оно для него тоже не более, чем забава. Но как-то Энн совершенно случайно наблюдала, как он менялся какими-то значками с юнцом-первокурсником, и ей пришла в голову мысль, что она видит Рольсена первый раз в жизни. Его мягкая улыбка, которая, наверное и покорила ее, куда-то исчезла. Серо-голубые глаза стали стальными, жесткие складки легли вокруг губ. Лопухий мальчишка поплелся к своей казарме, а Рольсен остался с трофеем в руках. Глаза его вновь поголубели, неизменная улыбка вернулась восвояси, но Энн долго помнилось то странное выражение на его лице. С другой стороны, он легко и просто расставался с вещами — вот и теперь, улетаая, не задумываясь оставил все свои пожитки малоознакомому астронавигатору, с которым и виделся-то всего раз-другой.

Боб — так она называла его про себя — не был ни злым, ни упрямым, его не в меру разросшиеся борода и усы скрывали мягкость характера. Порой он долго не находил в себе сил принять самые простые житейские решения, а в то же время ему случалось совершать иной раз неожиданные необычные поступки, которые, впрочем, всеми воспринимались с улыбкой как маленькие причуды человека одаренного и увлекающегося и вместе с тем сердечного и простого.

Но, главное, он умел быть таким разным, таким непохожим на себя самого, что, казалось, Рольсен включал в себя сразу несколько людей — каждый со своим характером и темпераментом, увлечениями и страстями, часто настолько несхожими, что оставалось лишь диву даваться, как столь

полярно противоположные «Я» уживаются в одном человеке. И в то же время он был, безусловно, цельной личностью: все его бесчисленные ипостаси составляли некую плотно сложившуюся мозаику, они не жили независимо одна от другой, а управлялись каким-то центром, который и был по существу его натурой — при всей ее многогранности.

Но внешне Рольсен состоял из одних противоречий. Даже его невероятная трудоспособность и разнообразие занятий и то выглядели парадоксом: он месяцами спал не более трех часов в сутки, участвуя в десятках самых разных, непохожих одно на другое дел, которые давали ему возможность расширять круг интересов и знакомств, заводить новых друзей в самых неожиданных сферах, от космолингвистов до аудиавизуальщиков, — но при этом для старых друзей и знакомых у него не оставалось и четверти часа.

И даже с друзьями — тем главным, что есть у человека, — у Рольсена все обстояло не совсем просто. Его любили за открытость, обаяние, мужественный облик — он походил на большого доброго медведя. И он поддерживал отношения с сотнями людей и ни об одном из них никогда не сказал худого слова — даже в шутку. И только Игорь Грусткин, человек, с которым они бок о бок учились, летали, не единожды участвовали в одних и тех же программах, вызывал у него чувство, похожее на досаду. Конечно, речи не могло идти о том, что причиной тому было их положение в Списке Пилотов, где он шел сразу же за Грустковым, — а теперь, когда Рольсен стал командором, об этом и говорить не приходилось. Тем более странно...

Видимо, именно эта противоречивость, непредсказуемость Боба так нравилась ей. Но теперь, когда впервые от его решения зависела ее собственная судьба, Энн предпочла бы, пожалуй, чтобы поведение Рольсена было более прогнозируемым. Вариантов, в сущности, было всего два. Он мог пытаться по-человечески понять ее и оставить весь этот эпизод без административных последствий, но мог предпочесть и чисто официальный путь. В этом случае, по строгой букве устава, он был обязан не только немедленно отстранить ее от управления кораблем, но и прибегнуть к крайней мере, предусмотренной инструкцией — арестовать до возвращения на Землю.

Конечно, такие требования выглядели дикими и практически почти невыполнимыми, но в них была вся ЭРЭ — единственная не только во всем космофлоте, но и вообще на планете организация, где сохранилась армейская структура с ее чинами, званиями, уставами, сейфами, секретностью, спецритуалами и прочими анахронизмами. Все эти нелепые традиции здесь свято соблюдались — считалось, что лишь таким образом можно хоть как-то гарантировать безопасность экспериментальных полетов в неизведанном Глубоком Космосе. Поэтому малейшее отступление от уставных положений, пусть даже смехотворно устаревших, считалось в ЭРЭ преступлением, что и вызывало непрестанные шуточки и остроты как вне, так и внутри Экспедиции.

Энн все это отлично знала, но, тем не менее, прижимаясь щекой волосами, всем телом к куртке Рольсена, совершенно искренне сказала ему в свое ухо:

— Все в порядке, командор. Все в полном порядке.

Она раскрыла свой медальон, осторожно вынула из него булавку, украшенную крупным, прекрасной огранки бриллиантом, и торжественно протянула ее Рольсену.

10.00.00/3028/VI

– Но ведь это полное безумие – вновь надевать ярмо, опять окунуться в спячку!

– Что же делать? Корабль слишком мал, анабиоблок всего один. Охотники не берут пассажиров. Даже Тит остается с нами.

– После этих нескольких дней свободы, когда мы вновь были людьми, добровольно – подумайте, добровольно! – исключать себя из разумной жизни...

– Все варианты тысячу раз обсуждены и изучены. Только так у нас есть шанс сохраниться, чтобы вернуться на Землю. Мы слишком долго ждали, чтобы упустить его.

– Более, чем пол-эры! Подумать страшно, воображения не хватает.

– Именно воображение и должно нас спасти...

10.02.00/3028/VI

БОРИС РОЛЬСЕН

Он проснулся, и ночные кошмары, мучавшие его все эти десять лет, отступили в угол комнаты, нырнули в решетки климатизаторов, растеклись по серебристым стенам, которые уже начинали становиться прозрачными. Потонули в лиловой искусственной траве пола звуки недосказанных слов, взмыли к серо-голубому пока еще потолку искаженные сном земные образы и даже запахи, хранимые его памятью четче, чем все остальное, без следа растаяли в медленно свежающем воздухе, который автоматика с тупоумным усердием насыщала каким-то суррогатом не то аромата цветущего луга, не то дуновения близкого моря. Первые минуты пробуждения были самыми трудными, и он вдруг подумал, что так же не по себе должно быть и Возвращающимся.

Он сел на край кровати. Пронзительное до тоски воспоминание о сквознях, которые всегда гуляли по пластиковому полу их курсантской казармы, обожгло его. В этой треклятой оранжерее человека, словно редкостный фрукт, держали в оптимальном для него режиме – поэтому и мягкая, податливая синтетическая зелень под ногами отслеживала заданную температуру с точностью, способной свести с ума. Рольсен осторожно, чтобы не разбудить, повернулся к Энн. Она спала со своей всегдашней счастливой улыбкой на лице, такая же, как и вчера, и пять, и десять лет назад. Кажется, она даже помолодела немного. Эта мысль так ужаснула его, что Рольсен резко привстал и склонился над Энн, стремясь сейчас же, не дожидаясь, пока комната наполнится светом, убедиться, что страхи его напрасны.

— Не волнуйся, милый, — сказала она, не открывая глаз. — Я старюсь. Видишь — возле глаз появилась морщинка. Мне кажется, вчера я видела у себя седой волос. И вообще, сегодня у меня день рождения. Мне стукнуло тридцать!

Она раскрыла глаза, и Рольсен поцеловал ее.

— Все в порядке, Боб, — сказала она. — Все в полном порядке.

Но уверенности в ее голосе на этот раз не было.

...Сколько всего случилось с ними с того момента, когда она вот так же прошептала ему эти слова на ухо... Было еще несколько недель счастливого неведения, когда он, из-за чудовищного нарушения ею одного из самых важных параграфов «Наставления», вынужден был арестовать Энн. Это решение далось ему нелегко. Но экспериментальный полет — не пикник в лунных кратерах. Мысль, что безалаберности этой девчонки надо положить конец для ее же пользы, после долгих сомнений и душевных метаний возобладала над всеми другими. Рольсен безумно злился на Энн — и не из-за ее детски легкомысленного поступка, а потому что поступок этот заставил его выбирать между тем, что диктовало ему сердце, и чего требовал разум. И он, понимая, конечно, что в самом недолгом времени снимет с Энн арест, тем не менее мстительно один за другим прикидывал в уме варианты возвращения, при которых мог бы большую часть времени довериться автопилоту, находясь в анабиозе, и лишь на наиболее сложных, требующих безусловного человеческого вмешательства отрезках пути, брать управление вновь в свои руки. Видимо, клокотавшее в нем негодование не дало Рольсену сразу заметить, что с кораблем происходят странные вещи. Раз или два, обратившись к памяти машинного мозга и не получив ответа, он посчитал это обычными сбоями и, поскольку нужная информация в общих чертах была ему известна, не придал этим эпизодам никакого значения. Он вел корабль челночным курсом, «заметая» исследуемый квадрат. Особого умения такая операция не требовала. Локаторы интеллекта по-прежнему безмолвствовали. Рольсен начинал скучать и подумывал, не снять ли ему на время арест с Энн, которая, затворенная в своей каюте, ни разу даже не попыталась воспользоваться интеркомом и, если бы не корабельная мониторинговая система, Рольсен вообще не знал бы, жива ли она. В одну из таких минут, от нечего делать, он попросил бортовую ЭВМ просчитать один из тех вариантов экстренного возвращения на Землю, что он успел продумать вчерне. Запрос ушел уже довольно давно, но из динамиков слышалось лишь сплошное шипение, а в объеме изображения вспыхивали какие-то искры — и все. Еще не веря в случившееся, Рольсен прозвонил все узлы коммуникатора по тест-таблице, — снова только потрескивание в динамиках, и ничего более.

Он не мог вспомнить, что положено делать в подобной ситуации, и запросил компьютер. На экране появился сигнал, что запрос принят. Прошло минуты две, прежде чем Рольсен осознал, что электронный мозг безмолвствует, потому что и он тоже не знает, как надлежит поступать в таком положении. Простая вежливость, правда, требовала, чтобы он так прямо об этом и сообщил, но, быть может, такие нежности программой

не предусматривались. Предчувствие чего-то недоброго заставило Рольсена задать мозгу вовсе пустяковый вопрос. Ответа вновь не последовало. Тогда, чувствуя неприятную дрожь в руках, он запустил программу тотального контроля памяти компьютера. Экран несколько секунд молчал и Рольсен стал успокаиваться. Тем большим ударом явился для него результат проверки: «Базовая память пуста».

Но даже и тогда он не сумел в полной мере оценить размеры бедствия. Ведь оперативная память компьютера была в порядке и, следовательно, он мог выполнять любые вычисления. Кроме того, автономные запоминающие блоки автопилота тоже оказались поврежденными лишь частично, а именно — в них стерлось все до момента, отстоящего во времени на двадцать два дня. Рольсен взглянул в бортовой журнал. Именно в этот роковой день он услышал Главного, потом пошел будить Энн... да, в промежутке случилась какая-то странная авария.

Спокойно, говорил себе Рольсен, спокойно, нельзя впадать в панику. В конце концов не бывает совсем уж невероятных ситуаций, любая так или иначе предусмотрена, имеет некую аналогию. Надо лишь найти соответствующий случай, скорректировать предлагаемое решение, проиграть его на машине. И только тогда, пытаясь вот так привести мысли в порядок, он почувствовал себя совершенно беззащитным — голым и беспомощным, как младенец. Спасительных правил больше не существовало. «Полная самостоятельность действий, не обусловленных бюрократическими рамками полетных инструкций», — кажется так формулировал он свой идеал жизни в споре с Грустким? Что ж, командор Рольсен, сбываются все твои смелые и даже несмелые мечтания. «Вы хотели свободы? Ешьте ее, волки!» Энн была бы рада услышать, что он цитирует ее любимого Киплинга.

Уверенность в своих силах, чуть было не покинувшая Рольсена, возвращалась. Жили мы с инструкцией, проживем и без нее. Кстати сказать, Главный и так развязал нам руки, избавив от необходимости слепо следовать пунктам и подпунктам. Даже Энн... Действительно, какой резон в этой ситуации было арестовывать ее за нарушение отмененных правил? Что за логикой руководствовался он, Борис Рольсен, убежденный бюрократоборец и заклятый параграфоненавистник? Почему простое человеческое любопытство, тем более простительное, что речь идет фактически о девочке, он возвел в ранг всегалактического преступления? Какова, стабильные квазары, цена всей его уставофобии, если мертвые строчки, способные исчезнуть из памяти компьютера при первом же столкновении с неизвестным покуда космическим явлением, он предпочел живой Энн, не сделавшей, в сущности, никому ничего плохого. С кем он, Рольсен, — с Разумом против Инструкции или с Инструкцией против Разума?

В таком приподнято-покаянном настроении он постучался в дверь ее каюты. Энн открыла ему в тот же миг, словно знала, что он должен вот-вот появиться.

— Что-то случилось, — только и сказала она без тени вызова или обиды. — Раз ты первый пришел, Боб.

Она впервые назвала его так, и в какие-то считанные мгновения Рольсен вдруг все увидел и все понял. И то, как она ссорилась и мирилась с ним,

ничего ему об этом не сообщая. И то, с какой неохотой уходила на долгие месяцы в анабиоблок и с какой радостью возвращалась оттуда, чтобы бодрствовать вместе с ним несколько дней, дозволяемых правилами экспериментальных полетов.

С этой секунды они не разлучались. Они были рядом, когда локаторы интеллекта, вдруг словно очнувшись, застрекотали, как сумасшедшие. Они вместе увидели эту планету-ловушку. В четыре руки сажали они свой корабль на чужую лиловую землю. И весь этот не укладывающийся в нормальное сознание абсурдный, вывернутый наизнанку мир они встретили плечом к плечу. Их ничто не разделяло тогда ни днем, ни ночью, и в этом было их счастье и, возможно, спасение. Потому что иначе не смеялся бы теперь во сне за стеной Тит — единственная, в сущности, их надежда.

Сажать корабль вручную было непривычно и странно — тренировочный курс самостоятельного управления пилотажными системами всем курсантам ЭРЭ казался, разумеется, одним из множества бессмысленных предметов, лишь отягощавших их память: в космосе могло случиться, конечно, что угодно, но только не выход из строя бесконечно надежных и все-таки все равно многократно дублированных цепей и схем корабельного мозга. Но именно бортовой компьютер стал для них главной помехой. Упрямо, настойчиво, даже лихорадочно он одну за другой стал вдруг включать бесчисленные блокировки, не позволяющие экипажу совершить практически ни одного самостоятельного действия. Словно старая, потерявшая голову заботливая нянька, утратившая всякое представление о реальном мире, мозг их «Чивера» назойливо предостерегал Рольсена и Энн от любых поступков, предупреждал их ежесекундно, будто малых дитятей, о мифических опасностях, которые могли бы поджидать их разве что в чистой теории, точно всего и забот-то у него было, что спеленать по рукам и ногам двух вполне взрослых людей и именно для этого его посылали за тридевять земель. Эта утомительная, невесть откуда взявшаяся опека порой просто пугала их, не говоря уж о том, что готова была почти полностью парализовать всяческую осмысленную жизнь на борту. В конце концов им пришлось отключить корабельный мозг и взять управление в свои руки.

...Он держал ее за руку, готовый защитить от всех бед и несчастий, и, хотя индикатор угрозы отнюдь не требовал этого, не убирал пальца со спуска бластера. Наивный чудак, меряющий опасность земной меркой... Она замерла, не в силах пошевелиться, когда первое же живое существо, встретившееся им, оказалось диковинно одетым, моложе самого себя лет на десять, сильно похудевшим и отчего-то синеволосям Грусткиным. На груди его на цепочке болтался металлический прямоугольник. Он шел им навстречу, размахивая, как обычно, руками, а его прыгающую походку спутать с чьей-либо было невозможно. Настолько невероятно было увидеть его здесь, среди многоэтажных ядовито-оранжевых деревьев, за которыми скрывались какие-то низкорослые постройки, что Энн, изо всех сил сжав руку Рольсена, в то же время совершенно естественным голосом, очень светски, будто все они прогуливались в Луна-парке среди безобидных аттракционов, сказала:

— Кажется, мы где-то встречались. Но простите, запомнила ваше имя.

Незнакомец остановился и посмотрел на них без особого интереса. Он откинул со лба свои волосы-водоросли и, к огромному своему облегчению они увидели, что им просто померещилось — это был совсем еще мальчишка лет шестнадцати-семнадцати с неоформившейся фигурой и чертами лица, которые могли стать в будущем какими угодно.

— Грусткин, — сказал он. — Мое имя Грусткин. Генерация пять.

И зашагал прочь.

...Они не раз вспоминали этот свой первый день на Капкане, и Рольсена всегда поражало, насколько спокойно восприняли они оба чистый, без акцента выговор Грусткина, как мало, в сущности, удивил их сам факт встречи с обычным человеком, а не с какой-нибудь космической нечистью, и лишь непонятные тогда слова о пятой генерации показались чем-то, требующим объяснения.

Энн, храбрая девочка, держалась молодцом — и тогда, и позже. Она, правда, настояла, чтобы они вернулись на корабль, когда, войдя в город, они увидели группу людей, что-то делающих у серебристого куполообразного здания, каких на Земле давно уже не строили. Но наутро она первая собралась в путь, и первой вступила в разговор с людьми на площади. Только с Главным она все никак не решалась заговорить, но и этот свой глупый страх сумела потом побороть.

...Рольсен смотрел, лежа в кровати, как Энн выскользнула из-под простыни, набросила на себя халатик и исчезла в ванной, как появилась вновь, поправляя на груди свой неизменный медальон, напевая и раскладывая по местам разбросанные вещи, как, ступая легко и пружинисто, она двигалась по комнате, напоив цветы и смахнув по дороге пыль, — он смотрел на все это, такое привычное, спокойное и родное, и ощущение страшной необратимости происшедшего, чудовищной несправедливости, что оно случилось именно с ними, физически душило его, не давало распрямиться, встать, начать новый день — еще один шаг в никуда.

Но тут дверь распахнулась, ударившись о стену, и в комнату влетел Тит — долговязый, дурашливый, угловатый и все-таки чем-то неуловимо похожий на мать. Обруч, сдавивший Рольсену грудь, треснул, отлетел в сторону, и он легко, одним движением увернулся от прыгнувшего к нему на кровать сына, обхватил его руками и между ними началась обычная утренняя борьба-зарядка.

Энн несколько мгновений смотрела на них и, успокоенная, отправилась на кухню готовить праздничный завтрак.

06.00.00/3030/VI

— Спи, мой мальчик!

— Ну что ты, ма, не надо, все ведь хорошо, ты скоро прилетишь за нами.

— Конечно, сын. Не так, правда скоро, как хотелось бы...

— Ма, время пролетит быстро — ты его не заметишь, ведь ты будешь все время в полете.

— Тит, глупый, да я каждую секунду стану думать о тебе. Я и сейчас уже тоскую без тебя, хотя ты рядом.

— Ну вот, ты опять плачешь... Не надо, ма, надевай на меня, наконец, эту дурацкую пластинку — и скорей улетай. Ну, скорее...

— До встречи, Тит, обязательно до встречи!

— Да, ма, я буду тебя...

06.05.00/3030/VI

ЭНН МОРАН

...Самое трудное наступило, когда Титу стало года три — только что казалось: главное — чем накормить, как искупать, не заболел ли... впрочем, болезней тут не бывает, но это потом уже поняли, а тогда жили в постоянном страхе, ведь ни врача, ни лекарств, ни путного информатория, ни соседей, с кем посоветоваться — ничего, но вот, слава Эйнштейну, подросток, вроде здоровенький, умненький, к пище здешней привык, климат идеальный, можно, вроде бы, на какое-то время вздохнуть, заняться хоть немного Бобом, которого Энн, можно сказать, совсем забросила, и тут вдруг Тит приходит домой с улицы и спокойно так, по-деловому, говорит, что скоро ему пора в трансформаторий и пусть его любимую собаку Джули отдадут соседской девчонке, которой еще после него жить целый год; да, он так и сказал и стоял с этим своим бейненсонитовым сокровищем, которое Боб смастерил, разорив одно из корабельных кресел, и смотрел на Энн доверчиво и без всякого страха, и она тогда в первый раз за все время, что они жили на Капкане, заплакала: как объяснить ему, как растолковать, чтобы он понял, что все его друзья и подружки с каждым днем будут становиться все меньше, все беспомощнее и глупее, и только он один станет взрослеть, расти, набираться сил и опыта, как вместить в эту милую детскую головку то, что не умещается в их с Бобом сознании? Обмануть, успокоить, приласкать — глядишь, обойдется? но ведь не обойдется же... просить совета или помощи у Боба она не могла — он и так весь почернел, издергался, с утра до полуночи пропадая в корабле, пытаясь что-то вычислить, сконструировать, найти какой-то выход, и Энн стала рассказывать сыну правду, которая звучала как недобрая сказка: в некотором царстве, в некотором государстве, говорила она, далеко отсюда на планете по имени Земля, давным-давно жили умные и смелые люди, они построили огромный корабль, во много раз больший, чем тот, где теперь работает наш папа, и полетели так далеко, что сигнал от них шел бы домой долгие годы, поэтому они и не пытались его посылать, но так случилось, что они пролетали мимо звезды, которая притягивает к себе все, что ни окажется рядом с ней, если только оно летит медленнее субсвета... ну да, поэтому ему пришлось сесть на одну

из планет, которая вращалась вокруг этой звезды — они, наверное, долго выбирали, на какую, и нашли похожую на их родную землю: там был воздух и вода, растения и многое другое, без чего люди не могут жить, одно только там было плохо — оказалось, что на этой планете у людей не могут рождаться дети; Энн дошла до этого места и остановилась, потому что даже земному ребенку не так-то просто объяснить тайну человеческого появления на свет, а Титу, капканцу, единственному родившемуся здесь ребенку, и вовсе невозможно было сказать ничего разумного: как ни мал он был, а все-таки дважды уже видел, как приводили в дом Возвращающихся с нетерпением ожидавшие их капканцы, как считали они дни до того момента, как надо будет идти в трансформаторий, и с утра стояли у его желтых дверей выдачи... Тит смотрел на нее широко раскрытыми глазами, как все дети, которым рассказывают сказку, и Энн поняла вдруг, что он не станет задавать ей никаких вопросов, а будет просто слушать эту страшную правду, веря и не веря в нее, готовый принять самые невероятные условности, лишь бы все получалось интересно и понятно... так вот, сказала она, видя, что Тит нетерпеливо заглядывает ей в глаза, так вот, эти люди стали думать и гадать, что же им делать: вернуться на Землю они не могли, ждать помощи в ближайшие годы тоже не приходилось, а у них был такой закон — не они его придумали, это была мудрость всех людей на Земле, — чтобы в любых трудных случаях, если нет надежды вернуться домой самим, надо сделать так, чтобы после них остались другие дети, их потомки, которые либо дождутся землян, либо придумают, как выбраться из беды... да, и тогда они придумали вот что: если у них не может быть детей, то приходится самим молодеть и молодеть, а потом, когда станут совсем маленькими, им надо очень быстро состариться, чтобы дальше снова молодеть, и они так и сделали, и теперь на их планете живут одни и те же люди — в девяносто лет они появляются на свет, а потом все молодеют и молодеют, пока их вновь не отнесут в трансформаторий, там они полежат годик и возвращаются вновь, и так они живут уже пятьсот лет — пять поколений, пять генераций... вот такое дело, сказала Энн, думая, что теперь-то Тит хоть что-нибудь поймет, но он сидел насупившись, потому что волшебная история, так хорошо начавшись, превратилась под конец в самую что ни на есть заурядную, ведь он каждый день видел вокруг себя эту неинтересную, совсем обычную жизнь... Великий Космос, подумала Энн, в этом ненормальном мире даже сказки шиворот-навыворот, ребенку надо попросту рассказывать о Земле, все как есть, точнее, как было, и он станет слушать раскрыв рот и требовать продолжения, которое так легко вспоминать, и задавать вопросы, на которые так просто ответить, а пока она это думала, Тит все еще хмурился, не догадываясь, что перед ним готова открыться действительно сказочная страна, в которой живут те же люди, что и здесь, но совсем по-другому, намного интереснее, неправдоподобнее и, значит, лучше и веселее, но он не знал и того, что войдет вместе с этим чудесным миром в его сердце, а потом и в его жизнь, он не мог предугадать, какой горький конец у этой истории, рожденной материнской любовью — любовью землянки к маленькому капканцу, своему сыну; но ни по земным, ни по капканским меркам Энн неповинна

в том, что случилось, потому что нет и не может быть событий, не предопределенных заранее — на этой аксиоме держится заведенный на Капкане порядок: в известный день и час человек является в мир и покидает его, чтобы бесконечно повторять этот цикл, долгий внешний путь его проходит под присмотром климатизаторов, а краткий внутренний — в чреве трансформатория, любые случайности, таким образом, исключены, а поскольку все обитатели планеты участвуют в этом раз и навсегда заведенном круговороте, их встречи и расставания запрограммированы самими жизненными циклами, и всякий наперед знает, что и когда с ним произойдет, и в этом смысле судьба Тита предопределена заранее с той же точностью, с какой работает аппаратура поддержания искусственного климата, давления, температуры, влажности и других жизненно важных величин, поэтому нельзя даже ставить вопрос о том, что бы случилось, если Энн не внесла в душу Тита ту смуту, что определила собой впоследствии всю его жизнь, и, стало быть, по капканским понятиям ей не в чем себя винить, и не в чем раскаиваться, и это также очевидно, как то, что трава — лиловая, а деревья — оранжевые, но удивительно другое — этот же самый вывод получается и по земной логике, хотя будущее, скрытой завесой неизвестности для землянина такой же факт бытия, как для капканца — точное детальное знание своего завтра, благодаря каковому он только и может существовать, ибо свобода выбора действий основана именно на непредсказуемости их последствий — в противном случае ни о каком «выборе» не может идти и речи, а в то же время ни одна земная мать (не ведающая, естественно, что проистечет из ее слов и поступков — иначе бы она и под пыткой не раскрыла рта во веки веков) не стала бы лишать своего ребенка, заброшенного на чужую планету, сказки, которая поведает ему о его прошлом и будущем; таким образом получается, что и с земной точки зрения судьба Тита была в известном смысле предопределена, впрочем, может все это вовсе и не так, да и вообще все эти софизмы и рассуждения понадобились много позже, когда ими ничего уже нельзя было исправить, а до этого злосчастного времени Энн каждую минуту рассказывала Титу о Земле, и он рос, мечтая о зеленой траве и голубом небе, темных ночах и солнечных днях, о зиме и лете, о снеге и дожде, о гриппе и коклюше, зубной боли и несчастной любви, о тысячах волшебных, сказочных, невероятных вещей, которые влекли его сильнее, чем... да, сильнее, чем все на свете, сильнее, чем даже сама жизнь... бедный мальчик... если только... если только...

12.00.00/356.947/V

— Мы собрались по просьбе члена Совета командора Морева. Ему слово.

— Сегодня двенадцать лет со дня старта разведывательного корабля руководимой мною Экспедиции, направленного на поиски «Чивера-1». Как хорошо вам известно, это первая попытка поиска Невернувшихся, предпринятая через ползры после их исчезновения. Еще лучше известно вам, что объективные причины, ранее препятствовавшие организации таких поисков — недостаточная техническая подготовленность и отсутствие необходимых энергетиче-

ческих и людских ресурсов — более не оказывают влияния на наше решение. И оно может быть лишь одним: немедленно послать нуль-флот в квадрат, где в последний раз были приняты сигналы малого внегалактического охотника «Чивер-2923».

— Разрешите вопрос?

— Прошу вас, профессор Леонович.

— Подсчитана ли стоимость такой экспедиции и совместима ли она с ранее утвержденными Советом планами?

— Подсчитана. Ориентировочно — 15 миллионов человеколет, что составляет полпроцента наличных ресурсов Совета.

— Но это больше, чем любые две программы, вместе взятые.

— Едва ли стоит в данном случае проводить сравнения и параллели. Поиск Невернувшихся — а перед нами два экипажа землян, о судьбе которых ничего не известно — долг, не сводимый к цифрам и выкладкам.

— Однако безопасность и процветание всей Земли — тоже долг и тоже первостепенной важности.

— Можно ли говорить о процветании одних землян, купленном ценою забвения других? Кроме того, безопасности Земли никто в данный момент не угрожает, в то время как относительно экипажей посланных Землю двух кораблей нельзя даже сказать, живы ли они.

— Тем не менее, существуют планы, реальность которых не вызывает сомнений, и проекты, осуществимость коих под большим вопросом. Куда прикажете направить ресурсы, всегда, увы, ограниченные?

— Прошу прекратить неаргументированную полемику. Время Совета слишком дорого для неподготовленных дискуссий. Согласно ранее поданной просьбе докладчика предлагаю выслушать мнение эксперта Грусткина.

— Я буду предельно краток. Исследования, проведенные в ЭРЭ за последние несколько лет, — в некоторое нарушение инструкций мы не докладывали о них до сего дня — позволяют немедленно получить экономию в 25 миллионов человеколет, что полностью покрывает стоимость такой же немедленной посылки нуль-флота на поиски Невернувшихся. Подробные расчеты прилагаются.

— Кто дал право ЭРЭ игнорировать Исследовательский Устав?

— Никто не давал вам слова, коллега. Кроме того, победителей не судят.

12.00.15/356.947/V

БОБ

Корабль не получил никаких практически повреждений и внешне выглядел вполне исправным малым разведывательным «Чивером», прошедшим, правда, нелегкую дорогу и нуждающимся в профилактическом осмотре и мелком текущем ремонте. Рольсен не вылезал из двигательного отсека, копошился в реакторном отделении, колдовал над панелями блоков управления, прозванивая схемы, прогоняя тесты, настраивая аппаратуру, порой без особой нужды заменяя кое-что, благо ремонтные контейнеры

ломились от запасных деталей. Он с удовольствием занимался всем этим. Внутренняя потребность постоянно что-то делать, не слишком задумываясь о результате и тем более цели, отличала его с детства. О его работоспособности ходили легенды. Он ни разу не воспользовался послеполетным отпуском — проходил переподготовку, брался за короткие рейсы, осваивал новую технику полета и управление кораблей различных типов. Теперь накопленный столь разносторонний опыт мог ему очень пригодиться.

Однако, чем больше Рольсен приводил корабль в порядок, тем очевиднее ему становилось, что в нынешнем его виде «Чивер-2923» представлял собой по существу грудю отлично функционирующих узлов и агрегатов. Информация, стертая неведомым полем, окружавшим галактику, в которую входил Капкан, была невозполнимой, если хоть на секунду всерьез думать о попытке вырваться отсюда. Не хватало тех самых инструкций и параграфов, с которыми он, непрестанно ими пользуясь, боролся. Конечно, Рольсен вполне мог поднять корабль, проложить курс к любой из близлежащих планет, даже, вероятно, найти тот тоннель во внешней сфере, сквозь который они провалились в этот мир, — оперативная память работала без сбоев, весь путь сюда записался четко, можно было, следовательно, повторить его и в обратном направлении. Но что толку? Даже если и существовала какая-то теоретически мыслимая возможность обмануть замкнутость этой проклятой вселенной, найти слабину в ее дьявольских законах, шанс — скорее всего, единственный — требовал расчетов, моделирования, осмысления ситуации в целом. Нужно было строить и проверять гипотезы, пытаясь представить себе механизм, управляющий притягивающим полем, разгадать структуру этой чертовой ловушки. Всего этого Рольсен делать не умел — во всяком случае без полностью набитого программой корабельного мозга.

Он всегда считал, что наставления и уставы, которые портят столько крови в обычных условиях, как раз для того и служат, чтобы пилот мог воспользоваться ими в условиях экстремальных. Поэтому Рольсен и не мудрствовал лукаво — он просто летал, много и охотно, выполняя любые задания, сам искал новые, не отказывался ни от какой космической работы, но никогда не забивал себе голову соображениями, не относящимися к данному конкретному делу. Игорь Грусткин в пылу споров называл его за это приземленцем, но это было, конечно, несправедливо и потому оскорбительно. Это он-то, Рольсен, приземленец? Автопилот с вами, скафандр снимите, посмотрите вокруг. Приземленцев волнует лишь одно — число посадок, которые они совершили. Им безразлично, на чем и куда летать, — точнее, они предпочитают, конечно, легкие и короткие рейсы, не требующие ни сил, ни времени, ни ума. Столько-то приземлений — пожалуйста, новое звание. Еще столько-то — право выбора корабля и маршрута. И так далее. Понятно, приземленцев на бластерный импульс не подпускали к ЭРЭ. Неизбежно встречая их на космических трассах, пилоты Экспедиции по возможности не вступали с ними в контакт. Грусткин и вообще не сажал своего «Чивера» на базу, где по его сведениям оказывался хоть один приземленец, пролетал мимо — часто с риском оказаться без топлива и получить от начальства грандиозную

нахлобучку, что, кстати сказать, не раз и случалось. Рольсен не придерживался таких крайних взглядов, он не считал себя вправе казнить кого бы то ни было за то, что тот выбрал себе свой жизненный путь отличный от его, рольсенского. Среди приземленцев, между прочим, встречались неплохие ребята, к тому же они, как правило, стояли друг за друга горой, и это ему в них не могло не нравиться.

Но, разумеется, сам Рольсен и близко не был приземленцем. Да, он летал много и порой без разбора, но таков был его способ накапливать полетный опыт. Каждому — свое. Грусткин месяцами сидел на базе, дожидаясь своей экспедиции, каждый раз все более мудреной. Рольсен же за это время успевал вернуться из трех, а то и пяти более простых, принимая почти любое предложение — кроме, конечно, совершенно уж унижительных для пилота его ранга. Грусткин бил в какую-то одну, известную ему да двум-трем близким друзьям точку — он не просто исследовал самые запутанные космические феномены, но из них еще выбирал наиболее загадочные и, быть может, по рольсенскому разумению, не наиболее первоочередные задачи. В результате вокруг его имени стал сиять некий ореол, вроде электростатического пояса, и в Списке Пилотов — негласном, но всеми признаваемом табеле о рангах — он стоял первым. Между тем по служебной лестнице Грусткин продвинулся не слишком: они вместе начинали кадет-лейтенантами, но Рольсен через два года был уже пятым, а еще через три — вторым лейтенантом, а Грусткин, при всей своей мудрости, оставался третьим лейтенантом без особых надежд на скорое продвижение. Кажется, впрочем, его это мало трогало...

Поначалу Грусткин не упускал случая подковырнуть Рольсена, при каждой встрече издевательски просил у него разрешения взглянуть на персональный счетчик парсеков. Но потом отстал, ушел в свои сокровенные проблемы. Они не ссорились, конечно, потому что делали ведь по существу одно дело — работали вместе в ЭРЭ, а разрешенных экспериментов в Экспедиции пока еще хватало на всех. Забавно, что последним человеком на Земле, кого он видел, был именно Игорь, пришедший проводить их с Энн, а первым на Капкане — снова Грусткин, только, естественно, синеволосый.

И опять-таки — поразительно, как устроена человеческая психика! — самые простые и очевидные вещи вызывают наибольшее изумление. Сколько раз на Земле говорили они — кто с одобрением, кто с осуждением — о замкнутости космопилотской касты, о том, что в профессию эту идут люди по наследству, потому что с рождения привыкли слышать дома о звездолетах и млечных трассах, о субсветовом разгоне и парадоксе времени. Логично, казалось бы, сообразить, что и на «Чивере-1» улетели прапрадеды и такие же бабки сегодняшних курсантов-звездолетчиков. Если уж кого и суждено им было встретить, так именно кого-нибудь из таких вот знакомых персонажей — и все-таки долго не могли они привыкнуть к мысли, что в природе все всегда происходит именно так, как оно и должно происходить.

Портретное, фенотипическое сходство... Как, оказалось, этого мало! Но, конечно, если пять поколений подряд превращать человека в растение,

и не того можно добиться. Чудовищная, противоестественная идея... впрочем, единственно, вероятно, возможная. И надо признать, мастерски реализованная.

Оторванные от Земли, без малейшей надежды вернуться, они пытались, конечно, прижиться на Капкане, построить дома, наладить быт, растить детей, как требует 26 параграф, который трудно забыть из-за одних хотя бы шуточек, что всегда, очевидно, были с ним связаны. Но проходит несколько лет, и новое несчастье осознается экипажем «Чивера» — у людей, проживших на этой планете всего несколько месяцев, уже не может быть радостей материнства или отцовства. Годы, между тем, идут. Наверное, им пришлось схоронить самых старых и больных, прежде чем были запущены нынешние климатизаторы — остроумным образом переделанная корабельная мониторинговая система, ставшая похожей на те, несколько, правда, более совершенные устройства, что на Земле применяются в клиниках, чтобы поддерживать жизнедеятельность больных.

Но самые светлые головы из чиверян все это время не переставали думать о том миге, когда процесс естественного старения сотрет с Капкана память о землянах. Конечно, это лишь одна из возможных реконструкций событий пятивековой давности, но, похоже, вполне закономерная. Оставался всего один лишь путь — самый невероятный, но единственный: чиверяне — кто именно, теперь уж не узнать — сумели повернуть вспять биологические процессы, происходящие в организме. За полтысячи лет до того, как на Земле научились делать это на животных, другие земляне, подгоняемые неумолимыми обстоятельствами, разработали способ изменять направление ферментативных реакций. Закон униполярности движения жизни, под который делалось столько подкопов в самые разные времена, рухнул, оказывается много раньше, чем считается на Земле.

Но чиверяне по праву заслужили и еще одну Звезду Героев Разума. Они решили прямо противоположную задачу, которая на Земле даже не ставилась — да и к чему землянам нужно тратить свои умственные усилия на явно никчемную проблему: как быстро состарить человеческий организм. Вероятно им, столь глубоко проникшим в механизм физиологической активности, проще было совсем исключить старение, но это означало бы, что вся популяция землян на Капкане застынет на одном возрасте, станет статичной, подверженной неведомым и потому еще более грозным опасностям. Ведь как ни совершенны климатизаторы, но и они вносят постоянные ошибки, суммирующиеся со временем. Вечная молодость — вещь рискованная вообще, а на чужой планете — роскошь попросту непозволительная. Поэтому трансформаторий не только старит — он подправляет все биофизические программы, не дает накапливаться климатизаторному грузу, отягощающему наследственность капканской популяции, — если, конечно, допустимо говорить о наследственности внутри одного и того же организма.

Круговорот людей на Капкане — нереальная реальность, что-то вроде тех «сумасбродных мыслей», о которых твердил Грусткин, постоянно горя, что его собственные абсурдные планы и проекты недостаточно безумны. Но, с другой стороны, он, этот круговорот, — порождение Большого

Космоса, результат необходимости следовать четким установлениям, приравливаясь к самым невероятным обстоятельствам. В этом смысле он бы дал чиверянам и третью Звезду Героя — за образцовое и творческое выполнение требований параграфа 26 «Наставления по осуществлению экспериментального полета». Особенно, если бы они удосужились оставить описание устройства и принципов действия основных блоков своего трансформатория или хотя бы не сделали его полностью непроницаемым, словно военно-космический объект класса ноль.

...И все-таки любопытно было бы узнать, в чью именно голову впервые пришла эта гениальная в своей абсурдности идея вывернуть жизнь наизнанку...

15.15.15/3015/VI

ВСЕ СИСТЕМЫ ТРАНСФОРМАТОРИЯ ФИКСИРУЮТ НАСТУПЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ «Ч». СОГЛАСНО ПРОГРАММЕ НАЧИНАЕТСЯ РАССЫЛКА КОМАНД НА СЪЕМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЭКРАНОВ.

15.15.16/3015/VI

АННА

- *Как ты мог, Тит, как ты мог!*
- Но, ма, ты сама говорила: надо лишь
- *Я чуть с ума не сошла, когда ты исчез, я*
- очень захотеть — и все получится.
- *металась по всему Капкану, я всех*
- Только бояться не надо. Вот я и решил
- *расспрашивала о тебе, пока не встретила*
- сделать то, что невозможно. Как на
- *Грусткина-5, и он сказал мне, что видел*
- Земле! Ведь я землянин, ты сама мне сто
- *тебя у трансформатория и даже окликнул,*
- раз говорила. Ну, вот я и поступил как
- *но ты не захотел разговаривать с*
- землянин. Ты не плачь, мама, не надо.

- *трехлетним стариком, а пошел в Зону*
- *И прости, что я взял твой медальон,*

- *Запрета, но я же знала, что там только*
- *пока ты спала — я снял его, потому что*

- *люк, который открыть невозможно, да*
- *впадинка у люка мне показалась такой*

- *еще крохотное углубление*
- *же формы, как твой медальон — я все*

- *неизвестно, для чего — и это все, что*
- *время об этом думал с тех пор,*

- *есть в Зоне Запрета у трансформатория.*
- *как впервые эту впадинку увидел. И я*

- *Я помчалась, как безумная туда, и*
- *решил вставить его туда — ну хоть*

- *... ..*
- *увидела лишь отцовскую булавку командора.*
- *попробовать, что выйдет. И еще —*

- *... ..*
- *Как ты мог, Тит? Взять без спросу*
- *булавка с бриллиантом... Но, мама, ты*

- **Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ ПРИКАЗАТЬ ТЕБЕ, АННА, НЕ**
- *взять единственную ведь, оставшуюся нам*
- *пойми, пойми — мне так надо было*

- **ОТКРЫВАТЬ ЭТОТ МЕДАЛЬОН ДО ТОГО МОМЕНТА,**
- *от Земли. И тут я вспомнила про свой*
- *проверить, прав ли я насчет этих граней,*

- **КОГДА ВЫ ВОЙДЕТЕ В КВАДРАТ ПОИСКА. НО Я**
- *медальон. Он ведь тоже память Земли — и*
- *отец мне много раз показывал, как свет*

- **ЗНАЮ ТЕБЯ СЛИШКОМ ХОРОШО, ЧТОБЫ ХОТЬ НА**
- *тоже пропал! И тебя, Тит, нет — все,*
- *отражается от них и падает на стену. Я и*

- **СЕКУНДУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ТЫ ТАКОЙ ПРИКАЗ**
- *все исчезло. Поверишь,*
- *подумал: надо пустить эти зайчики на*

— СПОСОБНА ВЫПОЛНИТЬ. ПОЭТОМУ СМОТРИ: В

— *я не сразу сообразила, что это ты взял*

— стену у люка, ведь на ней процарапаны

— МЕДАЛЬОНЕ, КОТОРЫЙ Я ТЕБЕ ДАРИЮ, ЛЕЖИТ

— *и булавку, и медальон. Но и поняв, не*

— какие-то значки. Не сердись, мама,

— БУЛАВКА КОМАНДОРА. БЫТЬ МОЖЕТ, ОНА ЕЩЕ

— *могла на тебя разозлиться, потому что*

— и не плачь.

— ПРИГОДИТСЯ, АННА. И ВОТ ЕЩЕ ЧТО. НЕ

— *больше всего на свете боялась потерять*

—

— МОГУ ГОВОРИТЬ В ДЕТАЛЯХ, НО ОБА

— *тебя, Тит, тебя, тебя...*

—

— ЭТИ ПРЕДМЕТЫ — МЕДАЛЬОН И БУЛАВКА — ПО

—

—

— ПРЕДПОЛОЖЕНИЯМ НАШИХ МУДРЕЦОВ, В ПЕРВУЮ

—

—

— ОЧЕРЕДЬ ГРУСТКИНА, — ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? —

— *Да, Марк, я тебя слышу, но очень уж*

—

— ДОЛЖНЫ СЫГРАТЬ В НАШЕЙ ЖИЗНИ НЕКУЮ

— *издалека.*

—

— ВАЖНУЮ РОЛЬ.

—

—

...Бедный храбрый мальчишка, истинный землянин, хотя и родившийся на Капкане... Он не умел смириться с общепринятой нелепостью, с тем, что всем вокруг казалось самоочевидным, единственно возможным, а ему — абсурдом, дикостью, сумасбродством. Теперь, когда он был где-то за непроницаемыми стенами, дважды отгороженный от нее — неприступным металлом и непроходящим страхом — Энн с мучительной

ясностью понимала, что совсем не знала своего сына. Ей было невдомек, как мучительно переживал он обратный капканский ход жизни, когда сам он вырослел, а те, кого он считал своими сверстниками, превращались в младенцев. Она осознала вдруг корни его почти болезненной любви к деревьям и кустарникам, к мелким и крупным зверюшкам — ко всему, что растет как и он, а не уменьшается, как синеволосые люди вокруг. Рассказы о Земле, где все так прекрасно, разумно и счастливо, будили в его бесстрашном сердце решимость сразиться со злом, победить его, выполоть этот Красный цветок нелепости, срубить все, сколько их ни на есть, головы Змею Горынычу алогизма капканского существования.

И он ринулся в атаку — один, безоружный и беззащитный, безоглядно смелый и безнадежно наивный в своей вере в счастливый исход. Том Сойер, Дон Кихот и Иванушка-дурачок в одном лице, фантастический сплав реальных земных образов, бесконечной чередой проходивших перед ним в ежедневных сказках-былях Энн.

Но даже теперь, реконструируя в своем воображении последние годы, вспоминая отдельные поступки Тита и ее с ним разговоры, Энн не могла — в этом она отдавала себе полный отчет — представить себе, насколько ненавистен был для ее сына трансформаторий, это воплощение абсолютного зла, окутанный на Капкане тайной, замешанной на страхе и непонимании. Сколько раз пытались они с Рольсеном побудить кого-либо из капканцев хотя бы задуматься о том, какую странную роль в их жизни играет это противоестественное с точки зрения землянина учреждение, но всегда наталкивались на недоумение, даже раздражение. Энн в конце концов выдвинула гипотезу, что блок контроля знака эмоций в трансформатории включен полярно противоположно по сравнению с анабиованной: все, что происходит с человеком за желтыми стенами, когда он чудовищно быстро превращается из беспомощного младенца в хилого старика, окрашено отрицательно, причем негативные эмоции эти столь сильны, что они вытесняют всякую память о происходившем, да и любую попытку критического анализа чего бы то ни было, связанного с трансформаторием, — тоже. Ни с одним из двадцати пяти капканцев невозможно было обсуждать эту тему, как нельзя, скажем, было убедить хотя бы на миг снять с себя цепочку с металлическим прямоугольником, которые они все носили словно амулеты. А дома — дома оба они, не сговариваясь, никогда не напоминали Титу о том, что его детский ум, по их разумению, не мог осознать. Мальчик, наверное, приучился думать обо всем этом страшном и недоступном пониманию в одиночку, ни с кем не советуясь и ни перед кем не открываясь. Лишь мир земных сказок, где люди живут по-иному, где можно не только делать, но и думать как тебе заблагорассудится, поддерживал его — и постепенно Тит переселялся в этот выдуманный, нереальный мир и существовал в нем, подчиняясь теперь его законам.

Сколько раз, наверное, проникал он в Зону Запрета вокруг пугающе желтого куба, как внимательно исследовал каждый миллиметр поверхности, доступной его взгляду, как неотступно думал он о том, чтобы проникнуть в заколдованный замок, найти иголку — смерть Кашея бессмертно-

го — и сломать ее, чтобы дать людям... да, как ни дико это звучит, чтобы дать им обычную человеческую смерть, избавительницу от монотонного капканского бессмертия.

Об авторе

Карл Ефимович Левитин (1936 – 2010) – советский и российский журналист, популяризатор науки, писатель-фантаст. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор многих научно-популярных книг. Публиковался под собственным именем, под псевдонимом Лев Карлитин и в соавторстве с Анатолием Меламедом под общим псевдонимом Лев Католин. Долгие годы работал в редакции журнала «Знание-сила». Фантастические произведения: Лев Карлитин. «Инспектор по кадрам» (рассказ), «Знание-сила», №4, 1984 г.; то же – «Полдень. XXI век», №5, 2008. Лев Карлитин. «С вами ничего не случится» (рассказ), «Знание-сила», №12, 1984. Левитин К. Е. «Жизнь невозможно повернуть назад» (повесть), «Уральский следопыт», №10, 1986. Левитин К. Е. «Променянный рай» (рассказ), «Знание-сила», №9, 1988. Повесть «Палиндром» публикуется впервые.

Майк Гелприн

Дикарь

Низкий протяжный звук зародился на востоке, там, где опушка леса упиралась в ничейную землю. Сторожевой дровосек с размаху ударил обухом топора по полному стволу звук-дерева. Оно отозвалось тревожным гулом, который взметнулся к кронам лиственников, поплутал в них и понесся дальше, постепенно растворяясь в лесу. Через пару мгновений к дровосеку присоединился второй. Теперь они, чередуя длинные удары с короткими, попеременно колотили по стволу, и первоначальный звук, протяжный и низкий, сменился на резкий и отрывистый перестук — сигнал тревоги.

На расстоянии охотничьего перехода сигнал приняли. Здесь другая пара дровосеков заколотила в звук-дерево, передавая известие о надвигающейся опасности дальше. Через короткое время звук достиг окраины селения, ворвался в него, метнулся по главной улице, эхом разошелся по дворам и поднял людей на ноги.

Клаун выскочил из дома на холостяцкой окраине селения и замер, прислушиваясь. Сейчас в селении сигналу жадно внимал каждый охотник и каждый дровосек. Для людей леса тревога могла означать множество вещей — и яростный губительный пожар, и надвигающийся с южных пустынь ураган, и вторжение с востока подлого болотного племени.

Через полсотни вдохов Клаун облегченно выпрямился. Сбивчивый, прерывистый ритм звука тревоги изменился — поднявшие ее сторожевики, видимо, разобрались в обстоятельствах и теперь передавали осмысленно. Еще через сотню вдохов молодые охотники и дровосеки на холостяцкой окраине встрепнулись, выражение напряженного ожидания на лицах исчезло. Сигнал тревоги не стал звуком беды, он превратился всего лишь в предупреждение. Вскорости стало возможным разобрать и подробности — звук пришел с востока, но вызвала его не орда рыбаедев, накатывающая на ничейную землю из болот, а лишь их немногочисленная группа.

— Семь лодок, — сказал Клаун подошедшему Брейту, молодому охотнику, с которым обменялся в юности кровь-клятвой побратимов. — Видать, посланники.

Брейт кивнул. Количество людей болота исчисляли в лодках, в которых те передвигались, а зачастую и жили. Семь лодок означало тридцать пять человек — по четыре гребца и рулевому на каждую.

Посланники достигли селения к вечеру, когда солнце, стараясь удержаться на небосводе, отчаянно цеплялось за тучи, но всякий раз срывалось и обреченно валилось дальше, к горизонту.

Провожаемые настороженными взглядами, рыбоеды молча двигались вдоль по главной улице к площади. Коротконогие, коренастые, утрюмые, вооруженные боевыми острогами, которые одинаково хороши для того, чтобы пригвоздить ко дну жирного пудового налива и к стволу — не успешшего увернуться или отразить удар человека.

Старый Эрт, верховный вождь людей леса, как и предписывала традиция, встречал гостей, стоя в одиночку в центре площади спиной к закату. Предводитель рыбоедов, отделившись от сородичей, двинулся ему навстречу и на расстоянии десяти шагов остановился.

— Приветствую тебя, — неторопливо произнес Эрт. — Пусть твоя еда всегда будет обильной, одежда — теплой, жена — верной, а рука — твердой.

Рыбоед вернул приветствие, и через десяток вздохов вожди опустили на землю по разные стороны ритуального костра. Вслед за ними, скрестив ноги и упершись руками в колени, уселись пришлые. Люди леса остались на ногах. Мужчины образовали широкий круг, оттеснив женщин за спины. Над площадью повисла тяжелая, настороженная тишина.

— Боги разделили людей на два племени, — прервал ее вождь рыбоедов. — Людям леса они велели охотиться, собирать плоды с деревьев и строить дома на прогалинах и полянах. Людям болота — рыбачить, добывать бобровые шкуры, запасать ягоды и селиться на островах. Так было всегда.

— Ты сказал правду, — кивнул старый Эрт. — Восславим же богов в мудрости их.

— Восславим, — согласился человек болота. — Боги мудры и справедливы. Но они, должно быть, отвернулись от детей своих, когда позволили нарушить порядок, существующий испокон веков. Люди неба пришли к нам незваными. Они не охотятся и не рыбачат, не запасают ягоды и не собирают плоды. Может быть, людям неба нет нужды питаться, кто знает. Возможно, они поддерживают свои силы смрадным дымом, что испускают их железные звери. А может быть, они поглощают те омерзительные предметы, которые принесли в наш мир — изрыгающие огонь уродливые палки, отвратительную ветошь, покрывающую их тела, или те прозрачные штуковины, которые они цепляют на глаза, чтобы, по их словам, лучше видеть.

— На этот раз ты ошибся, — сказал Эрт. — Люди неба питаются содержимым, извлеченным из круглых железных посуды или прозрачных склянок. Да, вид их пищи неприятен глазу, а вкус отвратителен и гнилостен, но они так же нуждаются в еде, как и мы.

— Возможно, — не стал спорить человек болота. — Вы, люди леса, живете со спустившимися с неба бок о бок, вам лучше знать. Но я пришел сюда не обсуждать их привычки. Люди неба чужие на нашей земле. Они малочисленны, но могущественны, и кто знает, не придут ли вслед за ними другие. Тогда им перестанет хватать места на том холме, где они живут. И тогда они войдут в лес и отберут дома у твоих людей, а вместе с ними и жизни. А затем переплывут на железных лодках на острова

и умертвят плюющимися огнем палками наших мужчин, и заберут себе наших женщин.

— Твои слова мудры, но несправедливы, — возразил Эрт. — Люди неба дружелюбны, они не питают к нам злости. Человек неба по имени Джон — отличный лекарь, немало моих людей продолжают жить потому, что он покрыл их тела чудодейственной мазью, заживляющей раны. Или потому, что велел проглотить белый порошок, унимающий жар и изгоняющий из тела хворь. К тому же, людям неба нет нужды забирать наших женщин — у них есть свои.

— Я знал, что разумные слова не достигнут твоих ушей, — выдержав паузу, произнес предводитель посланцев болота. — Тогда я буду говорить по-другому. Людей болота в пять раз больше, чем лесовиков. Да, твои охотники — отличные воины, моим собратьям не сравниться с ними в боевых умениях. Но на каждого охотника придется по пять островитян, если мы пойдём на вас войной.

— Ты угрожаешь мне? — спокойно спросил старый Эрт.

— Нет. Пока я лишь предупреждаю. Мы не хотим войны, ты ведь знаешь, мы сурово караем тех из нас, которые, послушавшись вождей, совершают набеги на лесные селения. Война не нужна никому, она унесет много жизней понапрасну. Нам ни к чему ваши земли — рожденные плавать не станут жить среди деревьев. И вам не нужны наши болота, озера и протоки — те, кому боги велели охотиться, не будут рыбачить.

— Это так, — подтвердил Эрт. — Но я пока не знаю, с чем ты пришел ко мне. Ты скажешь мне это?

— Скажу. Я пришел к тебе с просьбой. Позволь нам пройти через ваши земли. Мы не причиним вам вреда и не заберем вашу еду, свою пищу мы принесем с собой. Мы нападём на людей неба, уьем их мужчин, а женщин заберем себе, и они родят нам воинов. И палки, изрыгающие огонь, заберем тоже. И чудодейственные порошки и мази, о которых ты говорил. Часть мы отдадим вам, а железных зверей можете забрать всех, они ни к чему на болотах. Что скажешь?

— А если я откажусь? — после долгой паузы спросил Эрт.

— Тогда будет война, — сурово ответил вождь рыбоедов. — Мы переьем вас, а потом все равно нападём на людей неба и сделаем, как я сказал. Ты — мудрый человек, что тебе до этих чужаков? Разве стоит твоей жизни и жизни твоих людей их притворная дружба?

Эрт опустил голову. Над площадью вновь повисла вязкая, тягучая тишина. Люди застыли, ожидая решения вождя. От которого будет зависеть, жить ли им дальше или придется идти умирать.

Молчание тянулось долго, очень долго. Наконец, старый Эрт вздохнул, поднял голову и сказал:

— Я слышал тебя. Столетие назад такие дела решались у нас на совете вождей. Мне жаль, что сейчас совет больше не собирают и мне, как вождю вождей, придется дать тебе ответ своей волей. Что ж, вот мое слово — твои речи были разумны. Я согласен.

В тот миг, когда вожди, поднявшись на ноги, в знак достижения согласия хлопнули друг друга по предплечьям, Клаун решил. Как подобает

мужчине и воину, он остался невозмутим. Даже Брейт, связанный с ним кровью-клятвой побратим, не смог бы, глядя на Клауна, сказать, что тот только что велел себе умереть.

Ольга закончила обработку лабораторных данных, теперь оставалось лишь наскоро набросать отчет, и можно было, наконец, основательно поразмыслить над тем, что произошло вчера. Впрочем, отчет подождет до завтра, подумала Ольга, и решительно захлопнула крышку портативного ноутбука. Случившееся гораздо важнее и, что ни говори, приятнее. Получить предложение руки и сердца, это, в конце концов, не безделка, на которую женщина не станет обращать внимания. Тем более, если эта женщина хороша собой, — Ольга показала язык своему отражению в зеркале, — неглупа, остроумна и вообще привлекательна.

Грег Уильямс. Высоченный красавец, рубаха-парень и фантастический бабник. Которому строила глазки и о котором мечтала большая половина незамужних барышень на биостанции. А возможно, и замужних тоже. С Грегом Ольга встречалась чуть больше месяца и влюбилась, чего уж там, основательно. Да и не мудрено: отчаянный, сумасбродный, щедрый до безрассудства, Грег оказался ко всему и хорош в постели. Ольга невольно покраснела, вспомнив их последнюю ночь. И в то же время... Да, она увлечена, но настолько ли, чтобы связать с Грегом свою жизнь? Сумасбродство и безрассудство в мужчинах нравятся женщинам, но отнюдь не когда эти качества присущи их мужьям. А у Грега Уильямса и того, и другого в избытке.

Грег оказался легок на помине. Первым, что увидела Ольга, перешагнув порог лаборатории, была огромная охапка сногшибательных местных цветов. Ольга ахнула — охапка, покачиваясь, плыла на двухметровой высоте прямо на нее и, казалось, проделывала это сама по себе — лица Грега за буйством пурпурного, бордового и алого видно не было.

— Спасибо, милый, — Ольга сбежала по ступенькам. В следующую секунду Грег вырос перед ней во все свои метр девяносто, затем стремительно нагнулся, подхватил на руки, и девушка буквально утонула в цветах. Ольга радостно рассмеялась и, обхватив Грега за шею, поцеловала его в губы. — Поставь меня на землю, пожалуйста, — попросила она. — А то я чуть ли не физически чувствую порицание в глазах десятка прилипших к окнам биологинь. И потом... Ты что, опять в одиночку бегал за этой флорой в лес?

— А что такого? — Грег размашисто шагнул к притулившейся у лабораторной стены скамье и осторожно опустил на нее Ольгу. — Большое дело, побродил по опушке. Это совершенно безопасно. А учитывая некоторые подробности, — Грег водворил охапку Ольге на колени и похлопал по наплечной кобуре, — если и опасно, то отнюдь не для меня. Любого зверя эта штука свалит шутя.

— Тебе никогда не говорили, что самые опасные звери — двуногие? — улыбнулась Ольга. — Правда, к здешним аборигенам это не относится. С ними нам повезло, туземцы на этой планете просто милашки, несмотря на достаточно грозный вид.

— Хороший туземец есть туземец издохший, — поучительно возразил Грег. — Поверь уж мне на слово, малыш, я второй десяток в десанте разменял. Всякое бывало. Но ты права, здешние папуасы действительно неплохие ребята. Хотя по данным разведки за лесом живут более воинственные племена. Помнишь, однажды явилась пара обормотов, от которых воняло несвежей рыбой? Так это, по всему, и были те самые плохие папуасы.

— Не называй аборигенов папуасами, — строго сказала Ольга. — Это совершенно удивительная цивилизация, уникальная, не похожая ни на одну, известную нам доселе.

— Да ладно, — отмахнулся Грег. — Как вы, ученые, это называете? Первобытно-общинный строй, я не путаю?

— Эта цивилизация не имеет земных аналогов. И очень далеко отстоит от первобытно-общинного строя. Родовых структур у них нет или почти нет. Зато есть две касты — дровосеки и охотники, не правда ли, звучит здорово? А также есть культура, есть знания. Взять хотя бы их способ связи — куда там до него нашей азбуке Морзе. А какой поэтический, образный язык — звук-дерево, сон-трава, огонь-птица... Не говоря уже о том, что местные жители высокоморальны. Посмотри хотя бы, с каким достоинством они себя ведут, как дают и держат слово, как выражают свои мысли.

— Неумение скрывать свои мысли — первый признак дикаря, — усмехнулся Грег.

— Первый признак дикаря — это твоя ксенофобия, милый, — парировала Ольга. — Аборигены кто угодно, только не дикари. Спроси хотя бы этнографов — у туземцев потрясающие предания, совершенно волшебный фольклор. И потом...

Закончить фразу Ольга не успела.

— Лейтенант! — раздался звучный голос. — Лейтенант Уильямс!

Грег, обнимавший Ольгу за плечи, отпустил ее и взгляделся. От окружающего станцию периметра к ним бежал охранник. Анжело Монгиови, отличный исполнительный парень и закадычный друг, когда не в строю. Под начальством Грега Анжело отслужил без малого десять лет.

— Вольно, — обронил Уильямс. — В чем дело, дружище?

Анжело перевел дух и расслабился.

— К нам визитер, — сказал он, улыбнувшись Ольге. — Синьорина его знает. Тот красавчик, который вечно тут отирается и строит ей глазки. Как его, подзабыл... Клоун, что ли?

— Не Клоун, а Клаун, — рассмеялась Ольга. — Между прочим, красивое имя, так у них называется местное животное, что-то среднее между гепардом и волком. И сам парень хорош собой, — кокетливо добавила она.

Грег внезапно с удивлением почувствовал, что ревнует.

— Ладно, Анж, веди его сюда, — бросил он. — Поглядим, чего хочет от нас этот клоун.

Зажав в кулаке пучок беды-травы, знак обрекшего себя на смерть, Клаун медленно шел через покрытую гладким камнем землю людей неба. Женщина, ради которой он решил умереть, ждала его у дверей уродливого дома, в каких спустившиеся с небес по неизвестной причине предпочитали

жить. Ольха... Волшебное имя, так называют дерево, листьями которого люди леса выстилают ложа для новобрачных. Ольха была не одна, рядом стоял одетый в пятнистую шкуру воин. Это не имело значения, Клаун скажет то, ради чего он здесь, и уйдет. Люди неба проникнут во чрево летучего железного таракана и вознесутся туда, откуда спустились на эту землю. А Клаун вернется в селение и признает себя предателем. Его, скорее всего, выдадут рыбоедам, и тогда войны, возможно, удастся избежать.

Клаун приблизился к людям неба и остановился в пяти шагах. Он смотрел в прекрасные глаза Ольхи, женщины с волосами цвета коры злата-дерева. Той, которая грезилась ему по ночам. Той женщины, о любви к которой он не говорил никому, даже Брейту. И той, которая никогда не станет матерью его детей.

По обычаям предков гостю следовало растолковать хозяевам, почему он пришел, и только потом — для чего. Клаун сорвал с шеи страсть-камень, тот, что мужчины дарят своим избранницам прежде, чем начать речь любви, и протянул его Ольхе. Затем расправил плечи и заговорил. Он произносил те слова, которые испокон веков дарили своим любимым его предки, а до них — предки его предков.

— Я хочу, — медленно и торжественно выговаривал эти слова Клаун, — обладать твоим лоном, полным жизнь-соков и желанным больше, чем все прочее на земле. Я хочу войти в него и излить туда семя, чтобы зародить в тебе новую жизнь, и делать так много раз. Я...

Клаун прервался. Говорить мешали слова на чужом языке, вылетающие из блестящей черной коробки, притороченной к поясу Ольхи. Клаун знал, что это его собственные слова, ему объясняли, что живущий в коробке невидимый человек неба переводит их на язык своих сородичей.

— Я хочу твою мокрую вагину, — неслось из коробки. — Я хочу ее больше всего на свете. Я хочу совокупиться с тобой и слить в тебя сперму много раз. Я хочу заделать тебе ребенка. Я...

Страшный удар кулаком в лицо швырнул Клауна в воздух и опрокинул на землю. Голову прошила шипастым побегом дикобраз-роза. Окружающий мир закачался, потускнел и покрылся трещинами. В трещины заползал застывший глаза туман. Выдернув из-за пояса нож, Клаун рванулся с земли.

Он не закончил движения. В последний момент ему удалось сдержать себя, остановиться и отбросить нож в сторону. Пронзительно кричала на своем языке Ольха, подлый человек неба, размахивая руками, орал в ответ, но для Клауна это уже не имело значения. То, что произошло, было невозможно, это было немыслимо. Хозяин, опозоривший гостя, не мог больше считаться человеком. Он и себя покрыл вечным позором и бесчестьем. Он не заслуживает даже того, чтобы быть убитым, его кровью не станет марать руки ни один воин. Отныне его удел — лишь людское презрение.

Клаун закрыл руками лицо в знак того, что его глаза не хотят больше видеть опозорившего себя бывшего человека. Потом повернулся и пошел прочь. Затем побежал. За его спиной порывом ветра поволокло по земле не нужный больше пучок беды-травы.

Через три дня Ольга Грега простила. Да и как не простить — на Грега

в эти дни жалко было смотреть. Он извинялся, каялся, при встречах по-мальчишески краснел и уверял, что потерял голову из любви к ней.

— Откуда же я мог знать, — удрученно оправдывался Грег, — что такие вещи у них в обычае. Этот папу... прости, этот абориген вел себя с тобой, как со шлюхой. Вот я и не сдержался. Да и кто бы стерпел на моем месте?

— Интеллигентный человек бы стерпел, — расслаблено отвечала Ольга. — Впрочем, она уже не сердилась, да и нелегко сердиться на мужчину, с которым лежишь в постели, тем более после пары совершенно безумных часов.

— Ты подумала над моим предложением, малыш? — дрогнув голосом, спросил Грег. Обняв Ольгу за плечи, он притянул ее к себе.

Ольга прильнула к Грегу, сейчас он казался ей самым желанным и самым лучшим мужчиной на свете. Мужественный, храбрый, красивый, в конце концов. Не устает повторять, что любит ее, вон как расстраивался после их ссоры.

— Да, подумала, — сказала Ольга. — Правда, недолго. Что тут думать, дорогой? Как там говорили в старых пленочных фильмах? Я, сэр, имею честь сообщить, что согласна стать вашей женой.

Утром Грег легко поцеловал сонную Ольгу в губы и отправился в казарму к десантникам. Она понежилась в постели еще с полчаса. Она чувствовала себя абсолютно счастливой. Не зная, что этого счастья ей осталось всего на один день.

Ночная атака застала Грега врасплох. Пронзительно и яростно завывала тревога, он выскочил из казармы и в свете прожекторов увидел катящуюся вверх по склону холма толпу дикарей. В следующее мгновение все смешалось — исходящий от толпы рев, редкие выстрелы разленившихся от безалаберной жизни зазевавшихся часовых и крики ужаса, несущиеся из окон жилого корпуса.

— Грег! — услышал Уильямс отчаянный крик. — Гре-е-е-е-ег!!!

На секунду его охватила паника, он узнал Ольгин голос. Грегу даже показалось, что он видит ее в окне. Первым помыслом было рвануться туда и погибнуть вместе с Ольгой, но в следующую секунду способность трезво мыслить вернулась к нему.

Тренированные навыки десантника позволили мгновенно оценить обстановку — шанс спасти Ольгу и уцелеть самому был слишком мал. Смерть, вопя в тысячу глоток, неслась на Грега, и меньше чем через пару минут должна была его настигнуть.

— Отходим, — заорал Грег выскочившим из казармы вслед за ним десантникам. — К челноку! Анжело, Пабло, Рик — отходим, мать вашу!

Повернувшись к атакующим спиной, Грег бросился к посадочной площадке. Минута ушла на отпирание ворот в окружающей ее оgrade. Когда они, наконец, отворились, Грег обернулся.

Нападающие были уже в сотне метров. Десантники дали залп, он выкопал первые ряды, но толпа дикарей, перескочив через тела сородичей, неумолимо катилась дальше. Рухнул пронзенный копьем сержант, со стрелой в горле повалился на землю рядовой.

Пластаясь в беге, Грег бросился к посадочному модулю и, достигнув его, принялся лихорадочно вводить код. Сзади верный Анжело прикрыл Грега огнем. Когда створки шлюза, наконец, разошлись, Уильямс нырнул в проход головой вперед, перекатился на руках и выглянул наружу. Оставляя за собой кровавый след, Анжело трудно полз к челноку. До него оставался всего десяток метров, и Грег метнулся было навстречу. В следующее мгновение стрела ужалила его в предплечье, вслед за ней упало на излете у ног копьё. Выругавшись, Грег отшатнулся вглубь челнока и принялся задраивать шлюз. Закончив, рванул по коридору к рубке, упал в кресло пилота и начал лихорадочно готовить челнок к старту. Через обзорное стекло было хорошо видно, как трое дикарей копьями добивают Анжело Монгиови. Грег стиснул зубы и заставил себя забыть об Анжело, так же, как пять минут назад он забыл об Ольге. Через минуту челнок, оторвавшись от земли, взмыл в небо. Грег задействовал автопилот. Через полтора суток челнок достигнет базы. Там можно будет рассказать любую историю — время придумать ее у него есть.

Лодка мягко ткнулась в островной берег. Брейт выскочил, прикопал нос в песок. Клаун, бросив весла, схватил за грудки связанного пленника. Четверо его сородичей потеряли жизни в тот момент, когда собирались оттолкнуть лодку от обрывающегося в болото склона на ничейной земле.

— Где? — яростным шепотом спросил Клаун. — Где этот дом?

— Вон тот, — пленник мотнул головой в сторону едва очерченной в темноте приземистой хижины. — Женщину неба с золотыми волосами взял себе большой рыболов — владелец четырех лодок. Теперь можешь забрать мою жизнь, лесовик.

— Я дарю ее тебе, — Клаун спрыгнул на берег. — Уходи.

Через сотню вдохов он, ногой вышибив дверь, ворвался в дом, где держали Ольху. Кровь-брат, отставая на полшага, бежал следом. Дочь неба Клаун увидел сразу. Обнаженная, она забилась в дальний угол, слабо освещенный мазками огня из площадки с бобровым жиром. Клаун увидел в глазах Ольхи плещущийся ужас и потерял голову. Тень метнулась наперерез — ножом под сердце. Другая — обухом топора по черепу. Срубив третьего, Клаун бросился к женщине и подхватил ее на руки. Ольга судорожно обхватила его за шею, и он, замерев на месте, прижал ее к себе.

— Бежим, — прохрипел сзади Брейт. — Быстрее, брат.

Через сотню вдохов Клаун запрыгнул в лодку, метнулся к корме и бережно положил женщину на дно. Сорвав с себя медвежью шкуру, прикрыл ее наготу.

Брейт оттолкнул лодку от берега, вскочил на нос и схватился за весла. Полсотни гребков вынесли их в протоку, и в этот миг на оставленном за спиной острове начали зажигаться огни.

Со дна лодки Ольга заморожено смотрела на залитое потом, искаженное от физических усилий лицо Клауна. Туземец, безграмотный дикарь. Вытащивший, вырвавший ее из лап позора и смерти. Униженную, полуживую, изнасилованную воняющим рыбой и протухшим жиром уродом.

За ней обязательно прилетят. Не может быть так, чтобы не прилетели. На базе сотня командос, они рассчитаются с этими подонками, сравняют с землей их жилища, выжгут напалмом острова и перетопят лодки в речных и озерных протоках. Они найдут ее, заберут, выдернут из этого мира, из идиллии, обернувшейся первобытным кошмаром.

Кто заберет, пришла следующая мысль. Кто выдернет? Грег? Он ведь слышал, как она звала его, не мог не услышать. Ольгу передернуло, стоило ей вспомнить исчезающий на горизонте челнок с удравшим Грегом на борту. Она вновь посмотрела на Клауна. Дикарь, человек из леса. Как теперь благодарить его? Не оставаться же с ним на этой планете нянчить его детей и жарить добытое на охоте мясо. И не брать же его с собой. В мир, опередивший его собственный на тысячи лет.

А почему, собственно, нет, внезапно подумала Ольга. Он благородный человек, по-настоящему благородный и мужественный, такому найдется место в любом мире. О боже, о чем она думает, лежа на дне убогой туземной лодки, несущейся невесть куда, возможно, напрямик на погибель. С двумя дикарями на веслах. Или все же не дикарями? Ольга, приподнявшись на локтях, посмотрела на Клауна в упор и внезапно с удивлением осознала, что ей почти не страшно.

Клаун почувствовал взгляд. Напряжение вдруг покинуло его лицо, судорожно сведенные челюсти разжались. Он на мгновение замер, улыбнулся и, протянув руку, коснулся Ольгиной щеки. Затем снова схватился за весла.

Клаун не знал, сколько длилось бегство. Вздых за вздохом он, выкладываясь, рвал жилы. Рывок, выдох, взмах, рывок, выдох, взмах, рывок...

— Быстрее, брат, быстрее, — обернувшись через плечо, кричал Брейт. Первая лодка преследователей была уже различима позади, в белесой утренней хмари. — Еще немного, брат!

До ничейной земли оставалось не больше пяти сотен вздохов. Обдирая в кровь ладони, надрывая мышцы спин и предплечий, побратимы гнали лодку к берегу.

Опушки они достигли, когда сил у Клауна почти не осталось. Отсюда вглубь леса уходила тропа. Две лодки преследователей уже пробили носами вязкие скопления тины и водорослей у берега ничейной земли. Восемь гребцов и двое рулевых разом вымахнули из лодок на мелководе.

— Их надо задержать, втроем нам не спастись, — прохрипел Клаун. — Забирай эту женщину, брат. Ее зовут Ольга, люди неба вернутся за ней. Забирай ее и уходи.

Брейт выпрямился и расправил плечи.

— Уйдет мой брат, — сказал он. — Я останусь здесь и встречу людей болота.

Клаун схватил побратима за предплечье.

— Забирай женщину! — закричал он. — Отвечать за содеянное мне, а не тебе. Твои уши слышат меня!?

Брейт рванулся и высвободил руку.

— Я сказал свое слово, — сурово проговорил он. — Уходит мой брат, я остаюсь. Уходи же! — закричал он Клауну в лицо. — На счету каждый

вздох. Убирайся, если хочешь, чтобы эта женщина осталась жива и родила тебе сыновей!

Клаун посмотрел побратиму в глаза. Затем вновь подхватил Ольху на руки и грузно побежал по тропе вглубь леса. На повороте он перевел дыхание, крепче прижал к себе дочь неба и оглянулся. Привалившись плечом к стволу, его кровь-брат готовился встретить смерть. Великие боги наградили Брейта — немногим выпала честь обменять свою жизнь на жизнь брата. Клаун втянул в себя воздух, выдохнул и через мгновение, глотая скапывающиеся по щекам слезы, вновь размашисто понесся вдоль по тропе.

«Только бы за ней не вернулись, — отчаянно молил и заклинал на бегу Клаун. — Милостивые боги, сделайте так, чтобы за ней не вернулись. Не вернулись. Не вернулись. Не вернулись».

Об авторе

Майк Гелприн, известный также под псевдонимом Джи Майк, родился 8 мая 1961 года в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт в 1984 году по специальности «инженер-гидротехник». В 1994 году переехал на постоянное место жительства из Санкт-Петербурга в Нью-Йорк. Сменил множество работ и профессий. Живет в Бруклине.

Литературное творчество Гелприн начал в 2006-м году как автор рассказов об азартных играх, в которые долгое время играл профессионально. В 2007-м переключился на фантастику. За семь лет написал и опубликовал в журналах, альманахах, сборниках и антологиях 110 рассказов в периодике России, Украины, США, Германии. В 2013-м в «ЭКМО» вышел роман «Кочевники поневоле». В 2014-м в «Астрели, Спб» — роман «Хармонт. Наши дни», прямое продолжение «Пикника на обочине» АБС. Там же готовится к изданию авторский сборник рассказов. В номере №2 (7) за 2008 год «Знание-сила: Фантастика» напечатан рассказ «Дождаться своих», в №2 (17) за 2013 г. — рассказ «Камикадзе», в №1 (18) за 2014 г. — рассказ «Когда взлетает рыба».

Федор Федоров

Древний город

Сегодня похоронили Бориса Михельсона, геолога. Солнце уже садилось, когда они собрались в конференц-зале. Мягкий флуоресцентный свет, исходивший от стен, усиливал мертвенную бледность участников второй экспедиции.

— Это уже пятая смерть за последние три месяца, — Ив Бушер, биолог посмотрел в сторону врача, тот разливал спирт по стаканам. — И снова причина неизвестна, так ведь Док?

Док поставил пятилитровую бутылку на пол и ответил:

— Да. Просто остановилось сердце.

— Мы должны остановить колонизацию планеты. Пока не выясним, в чем дело.

— Это не вам решать! — с кресла поднялся маленький пухленький мужчина, очень напоминающий хомячка. — Я плачу вам за вашу работу, вот и занимайтесь ею.

На лице Бушера появилось выражения, какое бывает у людей, случайно раздавивших босой ногой собачью кучу. Он всегда недолго любил Илью Матюшина, но в последнее время это чувство трансформировалось в ненависть, смешанную с отвращением. При первом знакомстве Матюшин производил на всех ложное впечатление. Мало кто догадывался, что за фасадом добряка и рохли скрывался жесткий и беспринципный бизнесмен. В двадцать три года он стал владельцем строительной компании, а уже через десять лет его имя возглавляло список богатейших людей Земли. Однако, люди часто ошибались и насчет Бушера. Он был прямой противоположностью Матюшина — слишком высокий и слишком жилистый. А его нахмуренный взгляд отпугивал многих. Но при близком знакомстве оказывалось, что доброжелательнее человека вы не найдете.

— Но Ив прав. Что-то не так с этим городом. — Чан покачал головой.

— Вы совсем рехнулись со своим городом! Когда вы в последний раз выходили за его пределы? Вся работа переложили на роботов-разведчиков. Разленились! Сидите взаперти. Не удивительно, что у вас едет крыша.

У Бушера вспотели руки.

— Вы не правы. Здесь не трусы работают. Однако никто не даст мне соврать — дальше километра мы не можем уйти — паника толкает нас назад. Так ведь, Йоханне? — он посмотрел на норвежку. Девушка отвернулась и ничего не ответила.

— На этой планете сила тяжести немного больше, чем на Земле, — ска-

зал доктор. — Нагрузка на сердце... Возможно, некоторые из нас за полгода еще не адаптировались. Так что вот вам мой совет, старайтесь немного меньше работать и чуть больше отдыхать.

Матюшин скривился:

— По-моему, они и так немного работают. Сидят над микроскопами или лясы точат... Мне нужны результаты.

Бушер побагровел и подошел вплотную к миллиардеру. В этот момент в воцарившийся тишине послышался громкий звук, от которого все вздрогнули — как будто кто-то швырнул стакан в кафельную стенку. Все обернулись — это доктор, закончив разливать медицинский спирт, с силой поставил бутылку на пол.

— Ребята, все налито. Давайте помянем нашего друга и коллегу.

— О'кей. — Матюшин отвернулся от биолога. — Завтра устроим выходной день, а после начнем готовиться к прилету колонистов. Они будут здесь со дня на день.

Когда все молча закусывали консервированной рыбой, кто-то потянул Бушера за рукав. Это был Чан.

— Не мог бы ты завтра подъехать ко мне? Я хочу кое-что показать...

* * *

На следующее утро, сразу после завтрака, Бушер отправился к Чану. Он взял легкий одноместный вездеход, поскольку китаец предпочел поселиться на краю города, в полчасе езды от центра. Настоящее имя китайца было Чан Тао. После переезда в Америку он превратился в Тео Чана, но предпочитал называться фамилией.

Разворачивая вездеход, Бушер не сразу заметил Матюшина — тот склонился над образцами грунта, привезенного роботами. Бушер хотел проскочить побыстрее, но было уже поздно — миллиардер поднял голову и остановил изучающий взгляд на лице биолога, потом кивнул. Ив кивнул в ответ и вдавил педаль газа. На Земле свои миллиарды Матюшин добывал не всегда честно и не всегда справедливо, с точки зрения обычных людей. Ничего святого для него нет, так говорили про Илью Матюшина. Он не задумываясь снес бы Колизей, чтобы на его месте построить очередную торгово-развлекательный комплекс. До Колизея, конечно, дело не дошло, но многие архитектурные и исторические памятники от его бизнеса пострадали. В прессу просачивалась информация, что и у Закона были к нему вопросы. Так что открытие планеты, богатой залежами урана, стало своеобразным выходом для Матюшина. Ему повезло вдвойне. Во-первых, Земля задыхалась от очередного экономического кризиса, и никто не хотел вкладывать деньги в сомнительные предприятия. Во-вторых, на новой планете были города! И никаких аборигенов! Это избавляло его от затрат на строительство жилых комплексов. Матюшин купил себе право на разработку всех месторождений, которые будут обнаружены, финансировал вторую научную экспедицию и развернул на Земле мощную рекламную кампанию для набора добровольных переселенцев

на новую планету. Таких оказалось немало — многие желали избавиться от земных проблем и начать новую жизнь.

Бушер вспомнил, как после прилета их больше всего поразили не буйная растительность, не богатый животный мир, а многочисленные города, разбросанные по всей планете. Дома в этих городах напоминали гигантскую тыкву, разрезанную пополам и поставленную куполом верх. Были двери, но не было окон. В жару в домах сохранялась прохлада, в холод — тепло. Внутри — многочисленные «отсеки». Один площадью двадцать квадратных метров имел купальню. О назначение другого отсека, размерами поменьше, догадаться тоже было несложно — посреди комнаты находилось возвышение, напоминающее небольшую тумбу, с отверстием сверху. Это наводило на мысль, что исчезнувшие местные жители очень походили на человека — по внешнему виду и по размерам. Как они выглядели, можно было предполагать по очень скупым данным — в городах от людей не осталось ничего, ни предметов повседневного пользования, ни техники, ни записей. Но аборигены имели развитую цивилизацию. Подтверждением тому служило само существование городов — чуда инженерной мысли. Когда однажды Бушер решил почистить свою «тумбу», то к своему удивлению обнаружил там такую чистоту, как будто в доме никто и не жил. Было в городе и кладбище. По крайней мере, это место подходило, чтобы им стать. Примерно через полтора месяца их пребывания в городе в домах вдруг появилось освещение — с наступлением темноты стены начинали равномерно флуоресцировать, причем, как снаружи, так и внутри. Чан, ради любопытства, отколупал кусочек стенки и обнаружил под верхним полупрозрачным слоем мириады микроорганизмов, которые светились в темноте наподобие светлячков. В месте, отведенном под помойку, вся органика разлагалась в считанные часы и впитывалась землей. Вопрос с вывозом мусора был решен автоматически.

Китайца Бушер обнаружил за домом — Чан стоял у подозрительной трубы и что-то наговаривал в диктофон.

— Дружище, — Бушер протянул руку китайцу и посмотрел в сторону, куда была направлена труба — над лесом кружила стая птиц. — Ты хотел что-то мне показать?

Чан кивнул и повел биолога по тропинке мимо дома за пределы города. Они прошли полсотни метров, и Чан ткнул палкой в круглый предмет, размером с тыкву, выглядывающий из густой травы. Бушер наклонился над тыквой и постучал костяшками пальцев по ее поверхности.

— Что за фрукт?

— Я обнаружил его месяца полтора назад, и размером оно было не больше яблока. И, по-моему, продолжает расти...

— Раньше я ничего такого не видел.

— Но мы дальше километра от города и не уходили.

— Семя ветром занесло? Или птицами?

— Тогда не одно семя. — Чан вытянул руку в сторону леса — Там я нашел еще пару, размерами поменьше.

— Вижу, ты уже протоптал тропинку сюда.

Китаец хмыкнул.

— Это тоже любопытно. Но в последний раз я подходил к этому овощу недели две назад. И обрати внимание, вокруг тыквы трава как будто хуже растет.

Они повернули назад.

— Ты уже слышал, что наш Хомяк затеял перестройку города? — спросил Чан. — Не нравится мне это... С этими неожиданными смертями я стал суеверным. Света скончалась через несколько дней после того, как наш гений-физик решил разобрать дом, чтобы посмотреть, как он устроен. А стоило нашему миллионеру неудачно развернуть вездеход и раскурочить стену, как приказал долго жить Борька.

— Чистое совпадение. А как ты объяснишь остальные три смерти? Ведь разрушений не было.

— Пока не знаю... Но интуиция меня не подводит. Ты, ведь, и сам это чувствуешь.

— Я чувствую, что мы, говоря словами классика, топчемся на прогнивших досках огромного нужника. Мы до конца не понимаем, с чем имеем дело.

* * *

Матюшин попытался открыть глаза, веки словно свинцом залили. Не поддавались приказам мозга. Черт! Что-то сегодня он разоспался! Который уже час? Илья Матюшин попытался вспомнить, как и во сколько он вчера отправился в постель. Последним событием, которое всплыло в памяти, был совместный обед. Это воспоминание заставило его вскочить на ноги. От резкого подъема закружилась голова, и в первую минуту он ничего не мог рассмотреть. Но вскоре туман перед глазами рассеялся, и от увиденного у него подкосились ноги. За большим обеденным столом в нелепых позах сидели его люди. Кто-то, положив на руки голову, полулежал на столе, другие сидели, откинувшись на спинку стула. Йоханне лежала на полу. Умерли! От этой мысли ему стало дурно. На ватных ногах он подошел к доктору — тот развалился на стуле, рот полуоткрыт, руки безвольно свисали.

Матюшин наклонился над доктором и услышал тихое посапывание. Миллиардер с облегчением выдохнул, схватил дока за плечи и энергично затряс.

— Док! Док, очнитесь же, наконец!

Док тяжело открыл глаза и медленно покачал головой.

— Голова трещит... Мы вчера напились?

— Вчера? Я полагаю, обедать сели мы сегодня.

Из-под стола послышались слабые стоны. Йоханне зашевелилась. Матюшин с доктором помогли ей подняться и с трудом усадили на стул.

— Что произошло?

В зале началось шевеление. Доктор подергал включенную бороду.

— Кажется, нам дали лошадиную дозу снотворного.

— Кто?

Матюшин посмотрел по сторонам.

— Где наш придурочный сухостой?

Доктор медленно развернулся и посмотрел на другой конец стола. Бушера нигде не было видно.

— Док! Бушер заходил к Вам сегодня? — лицо Йоханне уже приобрело естественный оттенок.

— Да. Вы думаете?.. Но он все время оставался у меня на глазах. Мы минут пять поболтали о пустяках и после — вместе вышли из лазарета.

Йохане быстро, но грациозно вскочила со стула и направилась к выходу.

— Я найду этого ублюдка! — бросила она через плечо.

Матюшин и доктор невольно посмотрели ей вслед и глазами пробежались по ее фигуре.

— Не позавидую я Иву, когда она его найдет, — сказал доктор. — Не зря вы ее в группу разведки взяли.

Матюшин кивнул головой в сторону выхода.

— Док, сходите к себе в лазарет, проверьте, какие препараты отсутствуют. Я останусь здесь и помогу людям.

Через пять минут вернулась Йоханне.

— Строительная техника пропала! Осталась пара вездеходов.

Матюшин бросил взгляд на часы.

— Мы спали чуть больше двух часов. Быстро же он справился! Йоханне, возьмите с собой пару человек и отправляйтесь на поиски этого придурка.

Он повернулся в сторону невысокого человека в замасленном рабочем комбинезоне.

— Тони, ты со своими механиками найди машины!

— Сейчас? Скоро начнет темнеть!

— Немедленно! Я не знаю, что я с ним сделаю, когда найду. А, Чан! Пришли в себя? — голос его стал приторно-ласковым. — Где Ваш дружок?

Чан невозмутимо ответил:

— За вашей спиной.

Матюшин с невероятной проворностью развернул свое толстое тело. Перед ним стоял Бушер и с удивлением озирался:

— Что у вас происходит?

Жирные щеки Матюшина побагровели и затряслись. Ему пришлось встать на носки, чтобы дотянуться до воротника биолога.

— Куда ты дел технику, гаденыш! — Чану показалось, что еще минуту, и воротник Бушера останется в руках Хомяка. И хотя короткие толстые пальцы крепко сжимали ткань, воротник оставался на месте.

— Я не понимаю, о чем вы толкуете? — пока Матюшин его тряс, голова Ива покачивалась как у китайского болванчика. — Я...

Но он не успел договорить, поскольку уже лежал, уткнувшись носом в пол, а в спину ему упиралось чье-то колено. Чье — он понял через секунду, когда услышал голос Йоханны, доносившийся сверху.

— Я держу его.

— Заприте его!

Двое крепких парней подхватили его под руки и потащили к выходу. Следом, пружинистой походкой, неслась норвежка.

— Парни, запрем его у него же в ванной.

— Йоханне, — Бушер еще не оправился от шока, — как же ты можешь?..

Девушка наклонилась к уху биолога:

— Ив, то, что мы пару раз на закате совершили разведывательные вылазки, еще ничего не означает. Я теперь жалею об этом. Не думала, что ты вобьешь себе в голову...

Бушер поморщился:

— Эй, парни! Полегче. Я могу двигаться и без вашей помощи.

Потом повернулся к Йоханне:

— Ты не понимаешь, что тут происходит. Я пока тоже не понимаю, но интуиция меня никогда не подводила, и сейчас она мне говорит: пора убираться отсюда.

— Я не меньше твоего хочу вернуться домой. Но я не хочу возвращаться с пустым карманом. Нищей мне там делать нечего. А Хомяк платит, и не плохо. Особенно за результат. Так что не стой у меня на пути!

Уже совсем стемнело, когда вернулась команда, отправленная на поиски техники.

Результат был ясен, стоило Матюшину взглянуть им в лицо.

Он выкатился на улицу. Дома в городе светились ровным зеленоватым светом. Илья повернул в сторону лазарета, но увидел доктора намного раньше, тот шел ему навстречу.

— Да, не хватает некоторых препаратов. Ими нас и усыпили... Но вот, что я думаю. — Доктор запустил пятерню в густую бороду. — Не успел бы Бушер отогнать технику за то время, что мы спали.

— Ты хочешь сказать...

— Да. У него был сообщник.

— Это его дружок — китаец! — Даже в зеленоватом свете, исходявшем от стен домов, было заметно, как побагровело лицо миллиардера.

— Но Чан спал вместе со всеми.

— Пошли к Бушеру — я вытряхну из него душу!

Они подошли к дому биолога. Двери была только в ванной комнате и туалете. Но обе двери были открыты настежь, и в доме — никого.

— Сбежал, сука! Скорее найдем его! — Матюшин рванул к выходу. В этот момент он напомнил доктору разъяренного быка. Док схватил его за рукав уже на улице.

— Где Вы будете его искать? Темень на улице. Дождемся утра.

Светать едва начало, когда в дом Матюшина забарабанили. Илья, не открывая глаз, сел в кровати, ногами нащупал тапки и, пыхтя, как паровой котел, зашаркал к дверям. Во всем городе входная дверь была только у него. Он приказал установить ее в первый же день их прилета.

На пороге стояла Йоханне.

— У Бушера окончательно съехала крыша!

— Вы поймали его? Где?

— Тони с ребятами нашли его на кладбище — он раскапывал могилу Бориса!

— Ок! Спасибо. Буду через пять минут. Проследите за ним.

— Не волнуйтесь. На этот раз он не сбежит.

Они собрались в столовой. Миллиардер — выбритый, бодрый, как будто пятнадцать минут назад он еще не был в постели. Бушер сидел на стуле посреди комнаты. За его спиной стоял Тони с одним из парней. Матюшин ходил взад-вперед. Йоханне сидела за столом. Было еще человек пять — все они также сидели за столом. Отсутствовали дежурные, занятые приготовлением завтрака — до него оставалось около часа. Не было Чана. Он жил на отшибе и за ним никто не съездил. А на связь он не выходил.

Матюшин остановился вдруг перед биологом и ткнул его пальцем-сарделькой в грудь.

— У нас к тебе будет несколько вопросов. Вопрос первый — где машины?

— Я их вам не отдам. Из-за вашей тупой упертости мы все погибнем.

— Твою песню мы уже слышали.

Послышался голос Йоханне:

— Правда, Ив. Очень опрометчиво полагаться только на твою интуицию. Доказательств у тебя нет.

— Я знаю, почему исчезли жители этой планеты. И то же будет с нами, если мы не остановимся!

Все напряглись. Напряженная тишина давила со всех сторон.

— Рассказывай, что тебе удалось узнать — сказал Матюшин.

— Мы немного ошибались, когда думали, что город этот — чудо древней технологии. Нет. Он — живой организм.

— Ха! — Матюшин звонко хлопнул по толстым ляжкам. — Разумный город! Я так и думал, что ты псих! Фантастики начитался?

— Разумный? Ни в коем случае — спокойно ответил Бушер. — Это — город-паразит. Вероятно, он появился вместе с местными людьми, когда они еще жили в пещерах. Миллион лет совместной эволюции и город подстроился под нужды людей.

— Доказательства! — потребовала Йоханне.

Бушер вскочил и стал носиться взад-вперед, размахивая руками. Никто его не остановил.

— Паразит, как вы помните, это организм, который существует, а именно, питается и размножается за счет другого организма. Город питается метаболитами его обитателей и объедками. Вспомните, мы все удивлялись, туалетам и помойкам. Их не приходилось чистить. Я решил проверить, а как же дело обстоит с кладбищем, и раскрыл могилу Бориса. — Биолог повернулся к Тони — Вы же сами видели, когда меня нашли. От Бориса почти ничего не осталось. И это всего за два дня!

Йоханне поежилась. Бушер продолжал.

— Городу-паразиту надо питаться, поэтому ему не выгодно, чтобы люди покидали его надолго. Вероятно, эволюционно был выработан механизм, удерживающий людей в пределах города. Что-то воздействует на наши мозги и вызывает панику, когда мы отдаляемся от него. Предположу, когда здесь будет больше народа, такого повода не будет, поскольку ему будет хватать пищи.

Доктор кашлянул.

— Но, ведь, это типичный пример симбиоза — взаимная выгода двух организмов.

— Я тоже сначала так думал. Однако даже привычному для нас паразиту не выгодно убивать своего хозяина-прокормителя. Иначе он просто погибнет без него. Возьмем аскариду...

— Да-да, — сказал Матюшин. — Перед завтраком давайте поговорим об аскаридах.

— Если аскарида поселилась в здоровом хозяине, то он, хозяин, не только не будет худеть, он будет набирать вес, благодаря метаболитам, которые выделяет паразит. В некоторых странах, даже добавляли перемолотых аскарид в пищу к свиньям.

— Тьфу, тьфу. — Бушер не понял, кто из слушателей отплевывался, но, похоже, что сразу несколько человек.

— Все, что Вы говорите, — сказал Дэнни Робертс, физик, — противоречит нашему опыту. Мы все видели, что человек, собака или кошка, зараженные солитером, стремительно худели. И если их не лечить, это может привести к смерти.

— Верное замечание. Однако есть некий баланс в системе паразит-хозяин. Пока хозяин здоров в его теле будет небольшое количество паразитов, которые всячески будут поддерживать своего прокормителя. Однако стоит только его здоровью слегка ослабнуть, этот баланс нарушается. Паразит стремительно размножается и губит своего хозяина.

— Значит, городу не выгодно нас убивать. — Матюшин, казалось, был доволен.

— Но ему и не выгодно, чтобы нарушали целостность его организма. Вспомните, когда Дэнни разобрал полдома, поскольку его очень интересовали древние технологии, через пару деньков умерла Светка.

— Вот, черт! — пробормотал физик.

Бушер не обратил на него внимания:

— Ему нужно дополнительное питание для залечивания ран. Мы были потрясены смертью девушки и про дом все как-то забыли. Однако, предлагаю прогуляться и посмотреть, как обстоят дела с домом. Я посмотрел. Разлом зарастает! Похожая ситуация произошла и с Борисом. Он умер после того, как Илья, вероятно, решил на своем вездеходе сократить путь и проехать прямо через дом.

— Занесло меня немного... Но у нас умерло еще три человека. Это ты как объяснишь?

— Город десятки, может быть, сотни тысяч лет был без пищи. Находился в спячке. Когда мы в нем поселились, он постепенно стал оживать. Но, по-видимому, ему не достаточно было пищи. Когда Город проснулся, наелся, в городе появились «бонусы», например, освещение. Пробудились симбионты — флуоресцирующие микроорганизмы, спящие в стенах домов. Более того, город начал размножаться.

— Что?!

— Чан...

— Твой сообщник, — уточнил Матюшин.

— ...позавчера показал мне на окраине города небольшие шары, кото-

рые появились там совсем недавно и они продолжают расти. Мы внимательней изучили их и выяснили — от города под землей в разные стороны идут отростки, на конце которых появляются шары — зародыши будущих домов.

Бушер помолчал, потом продолжил:

— Я думаю, что исчезнувший народ не успел развиваться до технологической эпохи. Они были детьми Природы и жили в городах, которые им предоставила Природа. Но потом они достигли той стадии, когда человечеству пора покинуть естественную среду обитания и начать строить искусственную. Они уже создали простейшие, а может и не совсем простейшие, орудия труда. И начали перестраивать Город под свои нужды...

Йоханне выдохнула.

— Что же нам делать?

— Я бы предпочел убраться отсюда. Но, разумеется, есть альтернативы. Можно поселиться в Городе, и жить в нем стараясь ничего не разрушать. Можно построить поселения в других местах, свободных от паразита. Можно...

— Можно выжечь это место к чертовой матери и построить на нем приличный поселок, — сказал Матюшин. — Правда это выльется в копеечку.

— Вы уничтожите город, но не его корневую систему. Как далеко она распространяется? Города размножаются вегетативным способом — отростками...

— Перероем всю землю. Для любого паразита найдем экскаватор. Кстати, — Матюшин прервал самого себя, — где мои машины?

— Илья, — сказала Йоханне, — Ив меня убедил. Я против перестройки города.

Доктор забарабанил пальцами по столу.

— Надо проголосовать. Пусть Ив еще раз все расскажет, когда все соберутся.

— Он запугал вас своими байками! Тьфу! — Матюшин с обиженным видом сел на стул и, закинув ногу за ногу, стал смотреть в дверной проем.

Доктор похлопал его по плечу.

— Илья, не все потеряно. Надо обживать здесь, исходя из наших знаний об этой планете. Нет хуже и опасней врага, чем неизвестность. Для этого ученых мы сюда и позвали.

— Ладно, посмотрим... С перестройкой города, я вижу, ничего не получится. Большинство меня не поддержит. Так что, можете без страха вернуть машины. Далеко они?

— Мы их прятали в разных местах, — сказал Тони.

— Ты?! — Матюшин привстал.

— Я поверил Иву, когда он мне высказал свои предположения.

— Не ожидал... И так, ведь, рьяно участвовал в поисках.

— Куда Ив спрятал экскаватор, а Чан погрузчик, я не знаю.

Прозвучал гонг.

— Ок, — Матюшин громко хлопнул в ладоши, — время завтрака. За этим приятным делом обсудим, как нам жить дальше, чтобы нами не позавтракали.

— Вы можете после всего случившегося спокойно завтракать? — Ив смотрел на Матюшина спокойными, изучающими глазами.

— А что делать? — искренне удивился тот. — Жить-то надо. Пошли, пошли...

Об авторе

Родился 1975 году в г. Краснодон, Луганской области. В 1997-ом закончил биологический факультет Петрозаводского государственного университета. Сразу же после университета поступил в аспирантуру. В 2003-ем защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время — старший научный сотрудник Института биологии Карельского научного центра РАН. Рассказы пишет недавно. «Древний город» — первая публикация.

Юрий Молчан

БНР

Гоша Смекалов не спал уже двое суток подряд. С утра до ночи он сидел перед включенным компьютером, перебирая на экране мышской схемы и чертежи, пытаясь найти решение.

Если через полтора дня он не справится — его работе в компании «Электрон-техникс» придет конец. Директор, Петр Хлеборезкин, и одновременно его кузен, сказал ему об этом без обиняков.

— Гоша, ты же знаешь, как важно для нас держать планку. Позавчера мой человек в «Бартон-компьютерз» переслал мне схемы процессора, который они только что разработали.

Гоша кивнул. Он уже понял, откуда ветер дует.

— Такая удача выпадает раз в жизни, — продолжал Хлеборезкин, доверительно наклоняясь к нему через стол, — мы должны выпустить процессор, превосходящий тот, что создали они. — Он положил перед Гошей флэшку. — Здесь все, что переслал мне агент. За три с половиной дня ты должен выдать хотя бы примерную схему нового процессора. Но так, чтобы конкурент даже не смог догадаться о промышленном шпионаже. Что-то на их базе, но с принципиальной разницей. Смекаешь, Смекалов?

Смекалов смекал. Он вытащил из кармана пузырек с ментоловыми леденцами и положил один в рот.

— Если не справишься — не обессудь, — директор откинулся на спинку широкого офисного кресла. — На твое высокооплачиваемое место у нас полно претендентов.

Смекалов не стал его поправлять, что это место уже давно не высокооплачиваемое. Но зарплата, правда, и не самая низкая в компании. Ни один уважающий себя специалист БНР за гроши работать не станет.

Однако в ситуации, что сложилась в стране сейчас — финансовый кризис, по прогнозам, в лучшем случае на два года — потерять даже эту работу, не имея никаких сбережений, как случилось у непрактичного Смекалова, равносильно смерти. Все БНРщики сейчас держатся за свои рабочие места, и ему лучше брать с них пример, даже если фирмой, где ты работаешь, руководит твой родственник.

Черт, как он вообще в это вляпался? Работать с родственниками — хуже некуда. Но в то время Гоша кровь из носу нуждался в деньгах, а двоюродный братец — в недорогом специалисте БНР на один заказ. С тех пор и завертелось. Петр всегда был предприимчивым, начал делать деньги

еще студентом. В Гоше проснулись гены деда-изобретателя. Вот братья и начали первые шаги вместе, вроде бы получалось. Однако теперь...

Смекалов вытряхнул из пузырька последние две таблетки нейроденка-ма и, запив остывшим кофе, бросил пузырек в мусорную корзину.

Гоша промахнулся, но стрельнувший из оборудованной электронным устройством корзины гравитационный луч направил мусор, куда следует.

Решив немного отдохнуть, он открыл мышкой папку, где хранились схемы нового изобретения. Изобретение, которого Гоше никто не заказывал.

Он работал над этим проектом около полугода, оставались последние штрихи.

Идея создать прибор, который заменит любые ноотропики, и при этом будет постоянно воздействовать на человека, вертелась в голове Смекалова уже давно. Он хотел сделать устройство, которое будет посылать импульсы в мозг, таким образом, стимулируя и улучшая его работу в десятки, если не сотни раз.

Чтобы сделать этот прибор доступным каждому, Гоша решил взять за основу устройство беспроводной связи «Bluetooth».

Создание такого стимулятора сделало бы его обеспеченным человеком и позволило бросить занятие БНРщика, посвятить жизнь изобретениям и научным открытиям в электронике. Он планировал назвать свой нейростимулятор «Блюсмек».

«Впрочем, я замечтался, — одернул себя Смекалов, — надо работать».

Следующие два часа он провел в относительно бодром состоянии в поисках решения. Нейроденкам в этом помог, благо ноотропики свободно продаются в аптеках, в отличие от веществ с более сильным стимулирующим действием, которыми Гоша перестал пользоваться около двух лет назад.

«Когда я закончу “Блюсмек”, — мелькнула у него мысль, — ноотропики больше никому не понадобятся».

Когда Гоше показалось, что он ухватил решение проблемы, его сморил сон.

Утром, позволив себе выспаться, он вновь сел за компьютер, и к вечеру примерная схема нового устройства была готова.

Процессор, созданный «Бартон-компьютерз» оказался очень сложным и — Гоша был уверен — для массового потребления не предназначался. Для чего его разработали — можно было только догадываться.

Но это в данный момент Смекалова не волновало, у него было конкретное задание и сроки. Поэтому он упростил бартоновский процессор, снизил мощность и переделал в такой, который вполне можно было запустить в массовую продажу.

Около полудня Гоша вышел из дома в прекрасном расположении духа. Стоял конец мая, солнце пекло так, что он снял пиджак и перекинул через руку.

Подземка быстро домчала его до бизнес-центра, в котором располагался офис компании.

Но едва он вышел на поверхность, как в кармане зазвонил телефон. На дисплее появилось лицо секретаря брата-директора — Церы Войнович. За долгое время совместной работы с «Электрон-техникс» у него с Церой сложились дружеские отношения.

Впрочем, у него вообще с женщинами часто и легко складывались дружеские отношения. Гоша мог запросто заговорить с девушкой на улице, познакомиться и вызвать к себе дружескую симпатию.

— Слушай меня, — заговорила Войнович негромко, время от времени оглядываясь, — в офис не приходи. Здесь ребята из БКБ. Через интерком я случайно услышала, что взяли человека Хлеборезкина в «Бартон-компьютерз».

— Вот черт, — вырвалось у Смекалова. Как же, случайно ты услышала. — Что там происходит?

— Они уже почти два часа у шефа. Не знаю, что именно эти ребята смогут доказать, но в любом случае им известно про этот новый процессор. Ты, кстати, что-нибудь успел?

— А это ты тоже случайно услышала?

— Да перестань, Гошик. Секретари всегда в курсе событий.

— Что ж, — буркнул Смекалов, подумав, что у братца отношения с Церой, видимо, больше, чем просто дружеские. — Флэшка у меня с собой.

— Тебе лучше пока залечь на дно. Да и гонорар тебе сейчас вряд ли светит. Я вообще опасаюсь, как бы он тебя не сдал. Смекаешь, Смекалов?

— Цера, — спросил Гоша, направляясь обратно к метро, — у тебя за плечами юрфак — что мне за все это светит?

— Переработка данных промышленного шпионажа с целью получения прибыли? От пяти до семи в камере с педиками. Если шеф окажется на соседних нарах, ты сможешь дать ему в морду.

— Я бы предпочел дать ему в морду, будучи на свободе. — Смекалов остановился, пропуская несущийся на зеленый свет пешеходам сиреневый «форд».

— Не сомневаюсь. Поэтому исчезни на время. Все, сюда идут. — Экран погас, и Гоша убрал мобильник.

* * *

Зажегся красный свет, он остановился вместе с другими пешеходами. Гоше хотелось поскорее оказаться в метро, вход в которое располагался через дорогу под столбом, увенчанным буквой М.

Все шесть полос заняты автомобилями. На большой скорости приближался автобус, намереваясь проскочить перекресток на зеленый свет.

— Григорий Смекалов, — услышал он за спиной и почувствовал, как на плечо легла тяжелая рука, — Бюро Корпоративной Безопасности.

Рядом с ним стояли двое в костюмах. Рослые, широкоплечие.

Гоша нервно сглотнул.

— Пройдемте с нами, — сказал здоровяк.

Народ вокруг поглядывал на них с любопытством.

Автобус подъезжал к перекрестку, даже не потрудившись сбросить скорость.

Гоша сглотнул снова. Однако как специалист по БНР он привык принимать верные решения сразу.

Резко стряхнув с плеча руку опера, Смекалов метнулся через наполненную машинами улицу. Впервые в жизни он вел себя не как добропорядочный гражданин.

Под надрывный скрип тормозов Гоша едва-едва успел проскочить перед автобусом, но тут же споткнулся и перелетел через капот затормозившего «электро-ауди». Сейчас названия большинства марок автомобилей начинались с «электро-», поскольку работали на электричестве.

Обалдевший от страха, он перебежал на противоположную сторону дороги, машина поехала дальше, невольно преградив путь агентам БКБ.

Расталкивая людей и на ходу пытаясь вытащить из кармана билет, Гоша пробился в метро, но налетел на какую-то женщину, и выскользнувшая из пальцев магнитная карточка исчезла под ногами толпы.

Он чертыхнулся. За спиной уже гремели возмущенные крики — через людей проталкивались «корпоративники».

Второй раз за сегодняшний день Смекалов совершил несвойственный себе поступок.

Оттолкнув солидного мужчину с чемоданом, для которого билетерша открыла специальный турникет у своей будки, он проскочил и, что было сил, побежал к поездам.

* * *

Сидя в вагоне метро, Гоша откинулся на спинку сиденья. Грохот сердца медленно переходил в привычный стук.

«Что теперь делать?» — думал он уныло.

Он вытащил из кармана пузырек с ментоловыми леденцами, и вытряхнул один на ладонь. Мятный шарик приятно охлаждал язык.

На подвешенном к потолку мониторе передавали новости.

«Сегодня утром был раскрыт случай крупного промышленного шпионажа, — говорил ведущий, — генеральный директор компании «Электрон-техникс» Петр Хлеборезкин обвиняется в коммерческом использовании данных, которые в течение двух лет получал от своего шпиона в концерне «Бартон-компьютерз». К делу также причастен работавший на «Электрон-техникс» специалист БНР Григорий Смекалов, которому удалось скрыться. Бюро Корпоративной Безопасности проводит выяснение всех обстоятельств этого дела. А теперь — к международным новостям...»

Смекалов в отчаянии опустил голову. Домой нельзя, туда уже наверняка нагрянули агенты.

Взять себя в руки Гоше помогли еще два мятных леденца. Он вышел на следующей станции. Нужно было раздобыть денег.

Банкомат обнаружился возле метро. Смекалов вставил в прорезь пластиковую карточку, набрал на сенсорном экране код доступа.

Подхватив несколько купюр, которые «выплюнул» автомат, он спешно сунул их в карман. Семьдесят тысяч, семь банкнот по «десятке». Этих денег хватит, чтобы подыскать дешевое и, скорее всего, паршивенькое жилье да продержаться какое-то время. Завтра, даже сегодня, его банковский счет заблокируют. Он удивился, что это не произошло до сих пор. Однако это не имело значения — вся имевшаяся наличность лежала в кармане.

В отличие от двоюродного братца, который использовал для получения прибыли любой шанс, Гоша был бессребреником, энтузиастом науки. В результате — сбережений кот наплакал. Повезло еще, что хоть что-то лежало на счете.

Теперь следовало подыскать комнату, где его не додумались бы искать БКБшники и полиция, которую уже наверняка подключили к поискам.

* * *

Генеральный директор «Бартон-компьютерз» Борис Телегин стоял у письменного стола у себя в кабинете. Одной рукой он вставил в рот сигариллу, второй поднес зажигалку в виде ступенчатой пирамиды Джосера (древний Египет был его страстью, дома Борис имел коллекцию подлинных артефактов, которые покупал на аукционах и у частных коллекционеров за баснословные деньги). Под повторным нажатием его пальца пламя лизнуло кончик сигариллы, и Телегин затанулся.

— Итак, господа, — обратился он к двум сидящим в креслах агентам БКБ. — Что нового вы хотели мне сообщить?

— Борис Викторович, — произнес один из них, крашеный блондин, — путем сравнения полученных данных с некоторыми старыми мы выяснили, что ваш сотрудник Рудольф Бежецки шпионил не только для «Электрон-техникс», но для двух других компаний. Он продавал ваши разработки вашим конкурентам в течение двух лет.

— Негодяй, — произнес Телегин угрюмо, снова затягиваясь. — Ущерб, наверняка, будет немалым. Его удалось разыскать?

Второй агент, шатен с орлиным носом, покачал головой.

— Мы делаем все, что в наших силах, господин Телегин. Видите ли, всплыла его причастность к еще одному громкому делу.

— Что этот мерзавец еще натворил?

— Доказано его участие в убийстве Бориса Левина в прошлом году.

— Того журналиста с G-TV?

— Его самого. Так что теперь Бежецки сядет надолго.

— Когда вы подсчитаете убытки, и их подтвердят независимые эксперты, — сказал БКБшник с орлиным носом, — компаниям «Компмариус» и «Электротрон» будет в судебном порядке вынесен штраф за заказ шпио-

нажа и коммерческое использование ваших разработок. Но это, разумеется, при условии, что «Бэктрэк» вычленил в основе их продукции ваши идеи.

Гендиректор поднял на него глаза.

— Разве компьютерная программа в состоянии это сделать?

— Не сомневайтесь, Борис Викторович, — заверил блондин, — программисты нашего Бюро специально ее разработали и уже опробовали несколько раз. Боюсь, это единственный способ доказать факт совершения плагиата.

В глазах Телегина по-прежнему стояло недоверие.

— Представьте себе клубок ниток, — принялся разъяснять орлиный нос, — этот клубок — изобретение компании «Компариус». Наш «Бэктрэк», после того, как мы введем в компьютер материалы по продукту «Компариуса», разматывает этот клубок до самого начала. Полученные результаты мы сравним с вашими разработками, и если будет соответствие, значит — их вина доказана.

— Хорошо, — сдался Телегин, — в конце концов, вы профессионалы. А что с «Электрон-техникс»?

Блондин развел руками.

— То же самое. Только с помощью «Бэктрэка».

— Но сначала нужно поймать этого БНРщика Смекалова — необходимые для анализа материалы находятся у него.

Хлеборезкин, после заявления свидетеля, был вынужден признать факт получения схем процессора у Рудольфа Бежецки и указал на Смекалова как на соучастника. После анализа переработанных им материалов, разумеется, при положительном результате, компанию приговорят к штрафу, а БНРщика — к тюремному заключению.

— Господа, — Телегин затушил окурок в пепельнице, — я не должен был об этом говорить, но теперь — вынужден, чтобы вы поняли всю серьезность ситуации. Найти этого Смекалова не просто важно, а — сверхважно. Этот процессор мы разрабатывали специально по заказу Министерства обороны. Понимаете? Для чего именно — разглашать не могу. Если эти схемы попадут не в те руки или уйдут за рубеж, для нашей страны это будет весьма неблагоприятно. Поэтому, надеюсь, что БНРщика вам поймать удастся и — очень скоро.

Он встал, давая понять, что разговор окончен, и «корпоративники» поднялись тоже.

— Благодарю за визит, господа. Держите меня в курсе.

* * *

Смекалов закрыл за собой дверь, и растянулся на кровати однокомнатной квартирki, которую снял у старушки, из тех, что не дают прохода приезжим на вокзале.

Несмотря на дешевизну, здесь оказалось довольно чисто. Кухни, правда, не было, но, помимо кровати, присутствовал стол (сверху — клеенка с желтыми пятнами), книжный шкаф и три жестких стула.

В углу белел холодильник, в ящике стола нашлись сигареты и упаковка презервативов.

Видимо, этим постояльцы пользовались наиболее часто, старушка взяла на вооружение и оставляла для каждого нового жильца, подобно тому, как где-нибудь в горном домике альпинисты оставляют для путников спички с дровами.

Смекалов обдумывал дальнейший план действий. В подобные ямы Гоша еще ни разу не попадал, хотя работал БНРщиком уже не первый год. Он решил позвонить Петру.

— Да, — на экране телефона появилось лицо директора «Электрон-техникс».

Смекалов сразу перешел в атаку.

— Что происходит, Петр? Почему ты меня сдал? Ведь мы договорились, что я на тебя работаю, а ответственность несет твоя фирма. Я был уверен, что ты человек порядочный. К тому же, мы с тобой братья, если для тебя это что-то значит.

Хлеборезкин невесело усмехнулся.

— Парни из БКБ пообещали мне только штраф, если я сдам исполнителя. Иначе — семь лет тюрьмы. Оно мне надо? Уж лучше прослыть непорядочным. Извини, братец.

— Зато теперь сяду я!

— Не кипятись, — сказал Хлеборезкин примирительно, — у меня идея. Что ты успел сделать из тех схем процессора?

— Да пошел ты!

— Гоша, не валяй дурака. У меня есть шанс тебя вытащить.

Смекалов недоверчиво помолчал.

— Ты серьезно?

— Да. Так что ты слепил из тех схем?

— У них такая мощная штука, — сообщил он неохотно, — что мне пришлось скорее упрощать, чем совершенствовать. Получилось неплохо, и станет легко продаваться.

— Здорово, — Хлеборезкин оживился. — Сбрось на флэшку и принеси мне. Тогда появится шанс тебе помочь.

— А как насчет гонорара? Я работал, как проклятый.

— Твой гонорар — не провести пять лет в камере на троих. Смекаешь, Смекалов?

— Ладно, где встретимся?

— Через два часа в «Московском Париже». Я буду за столиком на тротуаре.

— Договорились, — Гоша отключил связь.

* * *

Он уже вышел на улицу, когда на пешеходном переходе его сбил автомобиль.

К счастью, водитель успел затормозить, и удар получился слабым. Он выскочил и помог Смекалову подняться.

Люди на тротуаре с любопытством наблюдали за происходящим.

— Ради бога, извините, — бормотал водитель, — я вас не сильно зашиб?

У Смекалова ныло бедро, и это было красноречиво написано у него на лице.

— Позвольте, я отвезу вас в больницу, — продолжал неудачливый водитель, подхватывая Гошу под руку и ведя к машине. Мимо них, объезжая стоявший посреди дороги на «аварийке» фиолетовый «лексус», проезжали автомобили. — Вам нужно к врачу.

— Какой врач, у меня встреча! — Гоша скривился от боли. — Смотреть надо, а не ворон считать за рулем.

Однако водитель мягко, но настойчиво увлекал его к машине.

— Ну, так я вас до места встречи подброшу. Должен же я как-то компенсировать ущерб.

Смекалову еще оставалось пройти три квартала, а нога все еще болела. Так что он позволил усадить себя в комфортное сидение и захлопнул дверь. Водитель тронул машину вперед.

— Мне надо к кафе «Московский Париж», — сказал Гоша.

— Знаю, — кивнул водитель. С его лица исчезло виноватое выражение, он смотрел перед собой с уверенным холодком. Только теперь Гоша смог его как следует рассмотреть: невысокий, бритый наголо, с резкими чертами лица. От него шел резкий никотиновый запах.

— Не понял, — нахмурился Смекалов.

— На твоём месте, Гоша, — человек за рулем притормозил и повернул налево, в последний момент успев проскочить на мигающий зеленый свет, — я бы туда не ходил.

— Какого черта! — возмутился Гоша. — Кто вы такой?

— Я поставлял Хлеборезкину информацию из «Бартон-компьютерз». Все ждал, пока ты не выйдешь из квартиры.

— Что вам от меня нужно?

— Для начала — убедить тебя не отдавать им схемы микропроцессора. Едва ты это сделаешь, тебя тут же схватят парни из БКБ. Хлеборезкин, — Рудольф посмотрел на него, — та еще сволочь, заманил тебя в ловушку. И все ради того, чтобы отделаться штрафом, вместо тюрьмы. Им нужно кого-то посадить, вот и посадят тебя. А его — отпустят, как Варраву на Пасху.

— С какой стати я должен тебе верить? Вдруг это ты приготовил мне ловушку, и сейчас пытаешься запудрить мне мозги, чтобы я в нее угодил. Петька мне брат, не верю, что он пал так низко.

— Тем хуже для тебя. Он же приспособленец до мозга костей.

Бежецки свернул к тротуару и остановил машину. «Московский Париж» располагался в какой-нибудь сотне метров. За столиками на майском солнышке за столиками грелись люди, попивая охлажденные напитки.

— Раньше, — сказал Рудольф, настороженно оглянувшись по сторонам, — я сам работал в БКБ, и теперь у меня там остался друг, который желает мне добра. Ясно? Так что информация у меня из первых рук. — Он достал сигарету и закурил. Сизый дым, похожий на оживший сказочный ветер, выходил в открытое окно. — Но если ты по-прежнему сомневаешься, все можно легко проверить.

Они остановились на красном светофоре. Кафе располагалось на той стороне перекрестка. Смекалов уже видел сидевшего за столиком на улице Петра с чашкой кофе в руке.

Перед «лексусом» по дороге на зеленый свет мчались машины.

— Смотри, — сказал Рудольф, кивнув на крепкого молодого мужчину, что выгуливал собаку на газоне у «Московского Парижа». Возле газона был припаркован небольшой серый миниван. — Номер раз.

Гоша пригляделся. Мужчина старался придать своему лицу беспечное, расслабленное выражение, но все же он слишком часто, как бы невзначай, кидал взгляды по сторонам.

— Номер два. — Бежецки едва заметно указал головой на сидевшую через столик от Хлебрезкина девушку в оранжевом топике и шортах. — Я уж не говорю про вон того официанта.

Гоша проследил за его взглядом и увидел здорового мужика в белом фартуке, который сидел за свободным столиком с краю и поедал сэндвич. Видимо, у него перерыв.

Все они вместе составляли правильный треугольник, в центре которого за столиком сидел Хлебрезкин.

— Почему ты так уверен? — спросил Смекалов. — Девушка выглядит вполне обычной. Может, она просто пришла выпить коктейль.

— Я, по-моему, уже говорил про своего информатора. У меня есть имена этих троих и даже — послужные списки.

Сзади в унисон засигналили машины. Бежецки чертыхнулся — он совсем забыл про светофор — и «лексус» рванул с места. Перекресток остался позади.

— Что ты решил?

— Я выйду.

Рудольф разочаровано покачал головой, но все же остановился у тротуара через дорогу от кафе.

— Я ведь не успел высказать тебе мое предложение, — он повернулся к Смекалову. — Есть люди, которые готовы заплатить за нетронутые данные «Бартон-компьютерз» несколько миллионов. Подумай. Ты ведь не получил гонорара от Хлебрезкина, так же, как и я. Три миллиона просто за то, чтобы отдать им схемы. К тому же, сколько ты там над этим работал? Три дня? Четыре?

— Два, — ответил Гоша угрюмо и хлопнул дверцей.

Но едва он стал переходить дорогу, как Хлебрезкин посмотрел на него и едва заметно кивнул девушке в топике.

Здоровяк-официант оторвался от сэндвича и встал. В руке он держал небольшое переговорное устройство.

Девушка тоже поднялась.

Смекалов замер на середине дороги.

Из серого минивана вышли еще двое.

Гоша инстинктивно метнулся назад, «лексус» уже ждал с открытой дверцей. Как только он оказался в машине, Бежецки погнал ее прочь. На приборной доске мерцал экран прибора, на который Гоша до этого не обращал внимания.

— Засекли, — с некоторой долей удовлетворения, мол, я был прав, констатировал Рудольф. Он посмотрел в зеркало. — Вот черт. Нам сели на хвост!

На следующем перекрестке он погнал на красный свет и резко свернул влево, к мосту через реку. Миниван не отставал, из окна высунулась рука и прилепила на крышу мигалку на магните.

«Лексус» мчался с огромной скоростью, слева смазанными пятнами мелькали автомобили.

Они выехали на мост. Правая полоса впереди перекрыта электронными ремонтниками, машины уходили влево по противоположной полосе, так что едушим навстречу приходилось «ужиматься».

Огороженная часть моста совсем близко. Но вместо того, чтобы свернуть, Бежецки поддал газу и проломился сквозь деревянное ограждение со знаком «объезд».

Смятый металлический круг синего цвета с мигающей стрелкой, грохоча, отлетел в сторону.

Гоша вжался в сидение. Предупрежденные сенсорами безопасности, ремонтные «боксы» на воздушных подушках стремительно разлетались в стороны, автомобиль неся, как бешеный бык, сбивал доски, с треском проламывал деревянные ограждения.

Смекалову хотелось только одного — оказаться отсюда подальше. Иначе клеймо преступника останется с ним навсегда.

Пальцы потянули рычажок замка. Дверь заблокирована. Кнопка «общего» замка — у рычага переключения скоростей. Перехватив его взгляд, Бежецки покачал головой.

Приближался конец участка ремонта, за которым уже ничто не помешает ему уйти от погони.

* * *

Миниван, гудя сиреной, мчался следом. Сотрудник БКБ Алла Галанина давила на газ, стараясь не отставать от автомобиля с подозреваемыми, но управлять миниваном, когда перед тобой то и дело шарахаются в стороны электронные «боксы», разлетаются ограждения из досок, весьма непросто. Да и миниван — не лучший соперник легковушке.

Будь Алла на легковой, то на трассе давно бы уже обогнала и преградила путь этому чертовому «лексусу» — до работы в БКБ она участвовала в профессиональных гонках.

— Мост заканчивается, — прогудел сидевший рядом Сашка Кобылин — здоровяк в фартуке, остальных сейчас трясло в задней части микроавтобуса. — Там и нагоним.

— Лучше бы здесь, — отозвалась Галанина. — Здесь все огорожено, им труднее уйти.

Неожиданно «лексус» дрогнул, его пару раз мотнуло из стороны в сторону. Миниван притормозил.

Автомобиль подозреваемых все еще мчался, постепенно теряя скорость. Его снова повело в сторону носом, и он резко остановился.

Заскрипели тормоза, Аллу и Кобылина толкнуло на приборную доску.

Из поцарапанного «лексуса» выскочил человек и... на глазах у раздосадованных агентов прыгнул с моста в реку.

* * *

По телевизору и в Интернете по-прежнему шли сообщения, что Смекалов — в розыске.

Про Бежецки — ни слова, но Гоша был уверен, что его схватили.

В тот раз в машине Гоша отделался ссадиной на скуле, но сам переборщил и вырубил Рудольфа.

Хотя, как это было на самом деле, он уже не мог сказать точно — мозг старался заблокировать неприятные воспоминания, и каждый раз, когда Смекалов воскрешал их в памяти, они становились нечеткими, расплывчатыми.

Несколько раз звонил Хлебозезкин, его номер высвечивался на дисплее, но Гоша не отвечал. Зная, что его всюду разыскивают, он старался не выходить из дома.

Чтобы отвлечься, Смекалов ушел в работу. Он закончил разрабатывать свой «Блюсмек» и сделал опытный образец, установив в «Bluetooth» микроскопический генератор импульсного низкочастотного электромагнитного поля, который должен был через одинаковые промежутки времени выделять короткие импульсы.

Предварительно Смекалов перелопатил гору научной литературы, отчетов об исследованиях, экспериментах.

Из всего прочитанного напрашивался вывод, что электромагнитное поле хорошо стимулирует капиллярную систему кровообращения, снимает усталость, повышает работоспособность, внимание, жизненный тонус.

Работоспособность, внимание, тонус. Именно эти три составляющие имели особое значение, поскольку являлись прямыми результатами состояния мозга.

Смекалов опробовал прибор на себе. Голова работала превосходно, хотя сначала с непривычки болела. Гоша загрузил себя умственной работой, какую только мог найти: читал статьи в Интернете, делал заметки о пришедших в голову изобретениях, записывал идеи. Время летело незаметно.

За десять часов он прерывался только, чтобы перекусить, ни разу не выпил ни чая, ни кофе, не принимал ноотропики и не сосал любимые мятные леденцы.

После двенадцати часов работы он ощутил легкую усталость, снял прибор с уха и выключил.

«Блюсмек» работал. Помимо поддержания тонуса мозга и стимулирования его работы, прибор можно было применять в медицине, об этом Гоша также думал при его создании. О болезни Альцгеймера, Пика, Паркинсона, старческом склерозе и слабоумии, а также — амнезии в результате аварий и других повреждений мозга теперь можно забыть.

Конечно, «Блюсмек» — аппарат общего действия, и чтобы приспособить его для лечения вышеназванных болезней потребуются дополнительные исследования, доработки, но отправная точка уже есть, — думал Смекалов. — От «Блюсмека» можно отчалить в безграничный океан умственного здоровья, новых возможностей, идей, открытий, которые открываются перед людьми, когда «Блюсмек» войдет в обиход.

Гоша был уверен, что против его изобретения не выстоит даже умственная отсталость у детей и деменция, которой подвержены люди всех возрастов.

Как назло, его нелегальное положение начисто исключало лабораторные испытания над животными. Но испытать прибор все равно было нужно.

* * *

Подходящего ребенка он заметил давно. Это был мальчик лет семи, с которым каждый день во дворе его дома гуляла довольно милостивая женщина. Черноволосый мальчишка бегал вокруг матери с вытаращенными глазами, размахивал руками, что-то возбужденно говорил, однако звуки выходили корявые, речь была невнятной.

Или же он замыкался в себе и подолгу сидел в одиночку в песочнице, пересыпая грязный песок из руки в руку, что-то строя и тут же разрушая. При этом в глазах его был взгляд умственно неразвитого человека.

Все это Смекалов наблюдал вблизи, когда проходил мимо к подъезду.

Напротив стоял новенький элитный дом в пять этажей, окруженный забором, с двумя воротами и будками охраны у них. Гоша пару раз видел из окна своей квартиры, как женщина с мальчиком заходят в единственный подъезд этого дома, и сделал вывод, что они живут там.

На то, чтобы сделать второй прибор «Блюсмек», у Смекалова ушло еще полтора дня. Теперь, благодаря висевшему на ухе стимулятору мозга, он мог работать без усталости часами. Работа ограждала его от насущных проблем. Но все же иногда он вспоминал, что деньги заканчиваются, он числится в розыске, в любой момент его может выследить полиция или БКБ. Кто-то, черт возьми, может его узнать, когда он дважды в неделю выходит в супермаркет, и сообщить куда следует.

Гоша отчетливо понимал, что женщина, чьего сына он планировал использовать для эксперимента, также может его «заложить». Но все же решил пойти на риск. Это важно для его изобретения, а значит — и для него самого.

Увидев в окно, что мать с умственно отсталым ребенком сидит на лавке у песочницы, Смекалов положил в карман второй экземпляр «Блюсмека» (первый висел у него на ухе, имитируя «Bluetooth»), пригладил волосы и спустился во двор.

Женщина читала роман Гессе «Игра в бисер». Ее одежда была элегантной, но без вычурности. Изредка она поглядывала на сына, который воз-

ился в песочнице, тарашил глаза и время от времени что-то громко бормотал. Издаваемые им звуки походили на кудахтанье.

Делая вид, что прогуливается, Гоша сел рядом и заговорил. Женщина продолжала читать, изредка поднимая на него равнодушные глаза в обрамлении длинных ресниц.

Смекалову пришлось пустить в ход все свое обаяние и опыт прошлых знакомств. В ход шли замечания о погоде, комплименты, шутки, остро-ты. Наконец, ему удалось пробить брешь в защите — на одну из его шуток женщина рассмеялась. Этот тихий и мелодичный смех произвел на Гошу впечатление. Вообще, собеседница казалась ему привлека-тельной.

Ее звали Марина, сына — Вадим. С возраста трех лет у него тяжелая умственная отсталость. Вадика избили какие-то мальчишки постарше, били по голове.

Марина регулярно водит его к врачам, но в прошлом году тесты Поршаха и Векслера вновь дали неутешительные результаты.

К счастью, ее муж — крупный бизнесмен, содержит их с сыном и оплачивает его лечение, поскольку они уже год живут раздельно. Он винит Марину в том, что в тот злополучный день она не уследила за Вадиком, и теперь — жизнь мальчика искалечена, возможно, навсегда.

Гоша предложил ей мятный леденец, но Марина отказалась. Тогда Смекалов положил парочку себе в рот.

— Марина, — сказал он вдруг, вспомнив о своем недавнем опасении, — вы всегда вот так заговариваете с незнакомыми мужчинами, что подсажи-ваются к вам в парке? Вдруг я — маньяк, и меня разыскивает полиция, а мое фото показывают по телевизору?

Марина улыбнулась и покачала головой.

— Я не смотрю телевизор, — как бы в доказательство она подняла руку с зажатой в ней книгой, — я люблю читать и еще — слушаю джаз. А вы что действительно маньяк?

Гоша улыбнулся и покачал головой.

— Да нет. Но телевизор все же иногда смотрю.

— Понятно. — Она понимающе улыбнулась и обернулась на сына. Он молча сидел в песочнице, что-то строил, лепил.

Марина вновь повернулась к Смекалову. Ее внимание привлек закреп-ленный на ухе «Блюсмеке».

— Странный у вас блютус. Я довольно долго работала с сотовыми теле-фонами и аксессуарам, но такой модели не припомню.

— Видите ли, Марина...

Он рассказал ей всё. После нескольких упорных отказов она сдалась. Умственное здоровье сына было самым главным. Но сначала Марина захотела испытать прибор на себе.

Гоша в общих чертах объяснил принцип действия и включил свое изоб-ретение. Марина надела «Блюсмек» себе на ухо.

Они обменялись номерами телефонов, и договорились, что Марина позвонит через неделю сказать, не изменится ли состояния мальчика.

Попрощавшись, он отправился назад в квартиру, по дороге купив

в магазине шестибаночную упаковку пива. Теперь, когда он справился с этой неимоверно сложной задачей, нужно было расслабиться.

Он поймал себя на мысли, что Марина ему нравится, и Гоша рассчитывал, что если эксперимент пройдет удачно, то появится шанс встретиться с ней еще раз.

* * *

Через неделю она не позвонила. Не было звонков и через десять дней, и через пятнадцать.

Гоша нервничал. Несколько раз он сам порывался позвонить, но что-то его удерживало. Если вдруг Марина решила обратиться в полицию, для него лучшее — не высовываться, хотя бы самому. Она знала дом, в котором он живет, но не номер квартиры.

Смекалов ждал и сосал мятные леденцы, иногда просто разгрызая их, как орехи, подолгу не сводя глаз с телефона. Но его сотовый лежал на столе темный и неподвижный, как покрытый ржавчиной затонувший корабль на дне.

Через два дня в дверь позвонили. Смекалов вздрогнул, но потом вспомнил, что это, должно быть, хозяйка пришла за квартплатой. В прошлый раз они договорились на это число. По крайней мере, Гоше казалось именно так.

Вытерев ладонью со лба пот, он заглянул в дверной глазок. Там стояла бабулька, что сдала ему квартиру. Варвара Михайловна.

Трясущимися пальцами Смекалов принялся отпирать замок. Однако что-то было подозрительное в разлившейся по лицу старушки бледности и то, как она вертела в пальцах пустую гравитационную авоську, изо всех сил стараясь не смотреть на дверь.

Гоша продел висевшую на косяке цепочку в паз и медленно потянул дверь на себя.

Раздался звук лопнувшей цепочки, и дверь распахнулась от сильного удара.

Влетевшие в квартиру трое парней умело заломили Смекалову руки. На глазах у бледной, как смерть, старухи его повели к ожидавшей во дворе машине.

Когда его усадили на заднее сидение, водитель в лихо сдвинутой на затылок шляпе выплюнул в окно зубочистку и повел машину прочь из лабиринта старых высотных домов.

* * *

Телегин курил, глядя на сувенирные статуэтки богов Осириса и Изиды. Глаза его сияли нетерпением, которое было видно даже сквозь табачный дым. В эту минуту он был похож на воскуряющего благовония в честь богов жреца.

Когда Смекалова ввели, он оторвался от созерцания древней божественной пары и посмотрел на БНРщика.

— Так вот вы какой, господин Смекалов, — Телегин указал на стоявшее возле стола кресло, — прошу вас.

Гоша последовал его совету.

Директор «Бартон-компьютерз» налил виски в два стакана, добавил льда и, передав один Гоше, представился. Когда Смекалов услышал, к кому его доставили, в его взгляде мелькнула безысходность. Он сделал большой глоток виски и даже не поморщился.

— Ну что вы, Григорий, — рассмеялся Телегин, — все не так плохо, как вам кажется.

— Что вам от меня нужно? Впрочем, я догадываюсь.

— Отчасти, наверное, так и есть. — Борис Телегин затушил окурок в пепельнице. — Но уверен, вы не знаете все до конца.

— Так расскажите.

— Видите ли, Григорий... Мне известно, что вы работали на руководство компании «Электрон-техникс».

Смекалов даже не потрудился кивнуть.

— Ваш босс занимался промышленным шпионажем, а вы ему в этом помогали.

— Можно подумать, на вас никогда не работал специалист БНР.

— Когда-то давно, — Телегин отпил виски. — Но мы предпочитаем работать честно.

— Рад, если вам это удастся.

— Георгий, — вдруг произнес Телегин негромко, голос его радостно дрожал, — вы — чудотворец.

— Что? — Смекалов посмотрел на него, как на душевнобольного.

— Мы с женой вам обязаны.

Смекалов закрыл глаза и сжал виски руками. Он ничего не понимал и не хотел понимать. Ему казалось, что он видит кошмар, и он мечтал лишь проснуться.

— Прибор, что вы создали, вернул нам с женой надежду. — Телегин наклонился вперед. — Вы понимаете? Ваш мозговой стимулятор... Вы вернули нам нашего мальчика.

Смекалов открыл глаза, в них, наконец, отразилось понимание. Вид у него был слегка обалделый.

— Идемте со мной.

Не чувствуя под собой ног, Смекалов поднялся. Директор провел его к уставленной диванами и креслами просторной комнате отдыха с широким дверным проемом.

Марина сидела в кожаном кресле и не сводила счастливых глаз с сына — мальчик склонился над журнальным столиком с фломастером в руке и рисовал на листе бумаги.

Заметив БНРщика, она благодарно ему улыбнулась.

Мальчик тоже поднял голову и посмотрел на отца, рядом с которым стоял незнакомый человек. От «не от мира сего» выражения на лице мальчугана не осталось и следа. На него смотрели глаза ребенка, в котором если и была умственная неполноценность, то уже гораздо меньше, чем в день их встречи. На левом ухе мальчика синим огоньком мерцал «Блюсмек».

— Ма..ма, — произнес Вадим с трудом выговаривая слова и повернулся к Марине, — помоги... нарисовать.. самолетик...

Телегин кивнул жене и повел Смекалова назад в кабинет.

— У меня к вам деловое предложение, Гоша, — сказал он, когда БНРщик снова опустился в кресло. — Вы позволите вас так называть? Я бы хотел выкупить патент на этот прибор за сумму, которая вас устроит. Я предлагаю вам работать на меня, и мы вместе, используя ваше изобретение, совершим переворот в медицине. Все обвинения будут с вас сняты лишь при одном условии — верните мне данные, что вам передал Хлебозрезкин. Смекаете, Смекалов?

Гоша откинулся в кресле и некоторое время молчал. Затем он встал и положил на стол перед Телегиным флэшку с парой затертых царапин на корпусе.

— Я принимаю ваше предложение.

Все прекрасно, кроме одного — Марины ему не видать, как своих ушей. Выздоровление сына вновь сблизило ее с мужем, это ясно.

Но, по крайней мере, — размышлял Смекалов, — моя честь, свобода и финансовое положение — восстановлены.

Он вытащил из кармана пузырек с мятными леденцами, подумал и... бросил в корзину для мусора. Гоша промахнулся, но выстреливший из мусорницы гравитационный луч направил пузырек, куда надо.

Об авторе

Родился в Воронеже в 1981 году, лингвист и преподаватель английского языка по образованию. Жил и работал в Москве, сейчас временно проживает с семьей в Киеве. Издал свыше 30 рассказов в жанре фантастики в таких журналах, как «Техника-Молодежи», «Наука и Жизнь», Upgrade Special и других.

Ефим Гамаюнов

Батарейка

— Эй, чудила! — над развалинами взлетела «сигналка», на несколько мгновений осветив все вокруг зеленым светом. — Выкинь ее, и можешь сваливать! Тебя не тронут, слово даю!

Егор зло усмехнулся: ага, еще и до дома проводишь. Он, пригибаясь как можно ниже, обогнул кучу мусора: битый кирпич, торчащая тут и там арматура. Выглянул из-за обломка стены. Тут же рядом, почти в морду, забили пыльные фонтанчики, а секунду спустя в уши ударила автоматная очередь. «Черт!»

Все, и с этой стороны отрезали.

— Выкидывай давай, пока я добрый!

Егор сел у стены, обхватил голову руками и прикрыл глаза. Мысли лихорадочно металась в голове: выход должен быть, должен, должен... Может, бросить? Ну, уж нет, возмутилось внутри, совсем? Стоило лезть дьяволу в пасть, рискуя провести последние часы в страшных мучениях, кто знает, какая там радиация... или вирусы... или еще черт знает что... Не то! Разве это вело туда?... чтобы... Нет уж!

Подвалы! В высотках всегда были подвалы. Предположим, что не все засыпаны, найти бывший подъезд, попробовать спуститься. Пройти попробовать, на другой край там вылезти... Нужно всего ничего — немного отдышаться и сотню метров за спину. Так. Шакалье сейчас ползет. Думай, думай... Егор пошарил по карманам: три гранаты, пистолет, там еще четыре патрона и... все. Но шакалье не в курсе, стая кружит, выжидает: если силен — почему не выходит, если слаб — почему все еще жив?

— Слушай, давай поговорим, — вновь раздалось с далеких, скрытых в темноте «горизонтов». — Сам знаешь, край, некуда тебе бежать. Выкинь ее и вали. Живым, понимаешь? Для чего тебе она нужна, сам подумай, мертвому? А?

— А тебе? — в ответ крикнул Егор и тут же перебежал вокруг кучи обратно, на старое место.

— А я не себе, мне ни к чему. Я человеку хорошему обещал, а он мне консервов, смекаешь?

Не себе... это понятно. Мало у кого остались вещи, которым она нужна: выжигающие волны почти двое суток накатывали, уничтожали все, где бежало прежде электричество. Станции, компьютеры, телефоны, китайские детские машинки... Сердечные стимуляторы и электропроводку. Лишь

чудом некоторые вещи сохранились — то ли лежали в глубоких подвалах, то ли еще чего, кто знает?

Так, он сейчас где-то у угла дома, подъезд должен быть за той грудой. Бежать на самом виду. Но и ждать дальше нельзя. Егор решил.

Рубчатые бока «лимонки», кольцо, раз-два...

— Лови! — крикнул он и, размахнувшись, кинул гранату подальше, за обломок стены. Вперед! Видно плохо, главное не подвернуть ногу и на арматуру не напороться. Егор вскарабкался на гору обломков, каждую секунду ожидая гулко выстрела, удара в спину. Вместо этого шарахнула граната. Заорали, гады, застрекотали «Калашами», но это наугад, со страха. Перевалился за гребень, ударился локтем, шипя, выругался и пополз вниз.

Ищи. Ищи! Где-то тут, должен быть, только бы не засыпан. Только бы.

Везет лишь в сказках: груды искореженных лестничных пролетов показывала, где раньше располагался подъезд, могильным курганом похоронив надежду. Ничего, может следующий, пробовал успокоить себя Егор. Или следующий. Дальше искать смысла не было.

Он помнил, как выглядели высотки, многоквартирные, со множеством подъездов, с подземным гаражами. Высокие, красивые. Сотни окон, дерево, пластик, занавески, цветы в горшочках. Давным-давно, много дней назад. Три, четыре года? До, как теперь говорили.

— Где он? — крикнули справа.

— У меня нету пока, — отозвался другой голос.

— Ищите, босс нам бошки поотрывает, если не найдем!

Егор прислушался, осторожно двинулся вперед, вдоль уцелевшей, обломанной поверху, щербатой стены. Остановиться — умереть. А он-то думал, что самое опасное — пробраться на территорию завода и уйти оттуда живым. Всюду говорили — там опасно, никто не знал, почему, но мнение существовало одно: сунешься — каюк. Но зато там можно было найти Ее. И Егор нашел! И не одну — четыре, в упаковке, новые, без липких подтеков. Нашел и выбрался обратно, потратив почти целиком боезапас, потеряв АК, но выбрался! Ушел от озверевших, огромных, зубастых... Не зверей — не людей. Сердце бешено стучало — жив! Он бежал, внутренне ликуя, готовясь — сейчас, сейчас!

Еще не зная, что НАСТОЯЩИЕ шакалы только поджидают впереди.

На углу бывшей Советской и бывшего 1-го Мая Егора остановили. Тупо и без фантазии: шмальнули из дробовика чуть не в упор. Спасли только обострившееся чувство опасности и драная телогрейка, принявшая дробины в свое ватное нутро. Он удачно свалился за вал мусора и, не мешкая, пополз за защиту огрызков стен. Потом он бежал, вслед стреляли, он отвечал из «трофейного» «Макара». Пара гранат заставила преследователей с ним считаться. Считаться, но не отпускать.

А потом Егора загнали в эти вот руины.

Чертовы сумерки! Днем лишь чуть светлей, чем ночью. Чуть-чуть. Егор отвернул рукав и всмотрелся в часы. Ничего не видать, пропади все! Наверное, около девяти вечера. Ха, вечера. Вечная ночь опустилась на землю. Без вечеров, дней, утр...

А раньше они были. Все было: Солнце, синее небо с белыми облаками,

звезды ночью. Простые, нестрашные, он помнил, каким романтическим может быть россыпь льдисто искрящихся гвоздиков, вбитых в черный бархат нависшего над головой купола. Такого завораживающего и абсолютно безопасного.

...Первая волна, самая страшная, выжгла половину Америки, Японские острова, Дальний восток, часть Китая... Уничтожив тонкий слой озона, на Землю ворвались палящие излучения: и тебе альфа, и гамма, и хрен знает еще какие. Через час — следующая, потом еще одна, еще... В панических сообщениях по еще работающим в Европе телевизорам и радио — только пугающие новости: ученые предполагают столкновение неизвестных земной науке вселенских масс с последующей их аннигиляцией и выбросом огромного количества различных волн самого широкого спектра. Пока неизвестно, сколько световых лет назад, но в ближайшее время, после проведения спектрального анализа... Ага, в ближайшее, точно... Первая волна содержала световую часть излучений, будто гигантским лазером пройдясь по половине старушки Земли. Грубо и безжалостно кремировав людей, животных, деревья...

Егор потрянул головой: ой, не вовремя он развспоминался... И тут же услышал тихий разговор, совсем рядом.

— Слушай, Серый, а правда, что у босса есть этот, ну как его, плеер этот? Ипод?

— Да вроде. Мы тут торчим, по ходу, только из-за этой хрени.

— И чо, работает?

— Да, блин! Я откуда знаю? Сам думай, на кой ему столько штучек? В прицел лазерный, там одной года на два хватит. А куда еще? Все равно у них скоро срок годности выйдет.

— Слышь, Серый, а братаны говорили, он там порнуху глядит.

— И чо?

— Ха, будь у меня такие запасы жратвы, все бабы и так моими были бы...

— Дурак ты, Тимоха. Может он красоты хочет?

— В смысле?

Егор прикинул: сидят в трех метрах, прямо, за куском кладки. Ждут. Но не особенно. Надеются, что он все еще где-то достаточно далеко. Граната бахнула чуть дальше полста метров, блин, дураки все-таки. Рука сжала пистолет, ладно, ребята, ждите. Он высунулся «наружу», хотя какие тут «наружу»... Хоть глаз коли. Хоть тут помогает темнота, прикрывает. Ну, с Богом.

Он вылез в пролом и пополз, стараясь шуметь поменьше, а двигаться побыстрее. Правый локоть постреливал болью, заставляя морщиться, в боку колело. Только бы не заметили, пронеси. Егор дополз до следующего подъезда, глянул: та же фигня, гора мусора, темно еще, ничего не видать. Но мусор вот он, горища, выходит: все засыпано.

Пуля вжикнула над головой одновременно с сухим выстрелом, долетевшим до ушей. Егор сжался и пальнул в воздух. Сердце ухало и стучало там-тамами, в горле вырос комок. Внутрь! Скорее! Не понимая, что стрелять

могли и оттуда, Егор вскочил и, не разбирая, скачками, почти перелетел гору обломков. Куда? Куда, мать-премать! Со стороны засевших Тимохи с Серым жახнула двустволка. Ох, е!

Левая рука выхватывает из кармана гранату, правая, с зажатым «Макаром» на ощупь цепляет кольцо. Рывок. Бросок.

Егор упал наземь и съежился, сливаясь с кучей, углами торчащей во все стороны.

Грохот, свист рикошетов.

Куда?!

Выстрелы слышались отовсюду: спереди, сзади, по бокам. Даже, казалось, сверху и снизу. Крики, ярости, боли, страха. Вот теперь началось по-настоящему. Егор почувствовал ледяной комок в животе — кажись точно край. Теперь его не выпустят по-любому. Он еще дышит, желает, ощущает, но другие решили — нет его. Совсем как...

...Последующие накатили многим слабее, только и остатка хватило с лихвой. Мощные электромагнитные волны беспощадно и равнодушно жгли — уже не людей, а то, без чего человечество не мыслило себя, без чего оказалось совершенно неготовым встретить завтра: энергетические вены, артерии электростанций, компьютерные сердца и нервы проводов. Наверное, в последние мгновения жизни, отключенные от всех систем жизнеобеспечения последние космонавты МКС наблюдали точки жутких язв — взрывы: все, абсолютно все станции, заводы, производства обеспечивались электронным контролем. И, потеряв его, теряли подобие своей техногенной жизни, оставив людей со страхом доживать свои...

... — Все, козел! Ты слышишь меня? — заорал, будто усиленный рупором голос. — Теперь тебе кирдык. Готовься! Смерть!

Смерть. Страшное слово. Та самая черта, стоя перед которой понимаешь — обратно уже никак. А впереди тоже — ничто. Стоишь, глядишь, думаешь — ну жил, ну дышал и чего?

— Сейчас, Жека притащит «Муху» и ты, гад, ответишь за Тимоху! — заорало вновь — И мне пох на твои штуки, слышишь? Мне пох!

Дурак Тимоха, который не понимал «красоты». Ему не нужны штуки, как боссу, ему надо пожрать, поспать, баб. Егор вдруг ясно осознал, что смерть — фигня, только нужно успеть доделать дело, ради которого он так влип. Просто — взять и доделать, а потом будет уже неважно. Надежда. Тонкий лучик, такой неосязаемый, но удивительно прочный. Тянувший и не желающий допустить шага между никак и ничто.

Егор осмотрелся и увидел — вон оно: судьба, или рок, или удача, черт, какая разница! Вовремя, вот что. Позади и левее нависал над руинами кусок стены, с чудом уцелевшей изломанной, обвалившейся вроде-былестницей на второй этаж. Соваться на такую, в темноте да еще под обстрелом мог решиться только сумасшедший. Егор таким себя не чувствовал, но, тем не менее, подбежал и принялся карабкаться — выше, выше. Выстрелов не было. Он взобрался на крохотный уступ, оставшийся от плит перекрытия: полметра шириной и два в длину. Сел, съежившись как только

смог. Открытый с трех сторон всем ветрам и взглядам. А, черт, какая разница? Только бы успеть.

Он расстегнул телогрейку на груди и бережно достал Самую Драгоценную Вещь. Смешно сказать... было бы лет пять назад. Дешевый китайский «Уоки-Токи», собранный из радиоконструктора «без пайки», сохранившийся, выживший, и — работающий. Вернее, действующий. Для работы не хватает только одной маленькой детальки. Той самой, без которой любая сохранившаяся Драгоценная Вещь всего лишь составляющая огромной мусорной кучи.

Во внутреннем кармане, прилепленные к куску картона (оранжево-черному, даже глядеть не нужно: он помнил такие) тонким прозрачным пластиком, лежали, вынесенные со смертельной территории Они. Бочком к бочку. Батарейки. Те самые необходимые детальки, способные оживить и воскресить.

На ощупь открыть батарейечный отсек «Еу-тоу», на ощупь разорвать картон, бережно вынуть пару продолговатых цилиндриков и запихать их в нутро Вещи. Легко? Ага. При свете, не торопясь, не ожидая гулкового звука выстрела. Егор пытался вспомнить полярность и не рассыпать батарейки деревянными, непослушными, «пляшущими» пальцами. Крики утихли, пальба — тоже. Верно, и вправду ждут гранатомет, чего переводить патроны? Оружие... сколько его появилось на Земле после...

Щелчок переключателем. И...

...слабое шипение. Господи! Спасибо тебе, спасибо, Господи!

Светящийся маленький экран, не та частота. Егор крутнул колесико. А потом посмотрел на время. Поцарапанное стекло старых «Ракет» блеснуло, отсвечивая зеленоватый тусклый свет экранчика. Время.

Наверное, стоило помолиться, но больше чем «Помоги, Господи» Егор сейчас ничего не помнил. Пора. Теперь или уже никогда. Напыщенно до ужаса, и до него же правдиво. Ровно в двадцать один час. Ровно на минуту. Что дальше? Жуткий вопрос...

Он поднялся, осмотрел край стены, выбрал, где пониже, вскарабкался. Мишени лучше нету на целом свету. Или свете? Два с половиной этажа — высота, по-теперешнему. Со всех сторон открытое пространство. Руины, горы, кучи, темнота и мрак.

— Поля, Полюшка, ответь, — Егор отпустил кнопку вызова. Десять секунд, вновь нажал. — Поля, слышишь меня? Поля, ответь.

Отчего-то навернулись на глаза слезы. Ох ты, не вовремя, все всегда не вовремя.

Десять секунд.

— Поля, ответь, это Егор.

Десять секунд.

— Полюшка ответь.

Первый выстрел разорвал недолгую тишину. Заметили? Неважно.

Десять секунд.

— Поля, это Егор. Ответь, Полюшка, ответь родная.

Одна. Две...

— Егор? — прошипел дрянной динамик «Еу-тоу». — Егорушка, это ты?

— Поля! — не удержался, крикнул Егор. — Поля, родная, где ты?

Теперь точно заметили. Второй, третий выстрел. Но теперь ему все равно. Егор стоял в полный рост и не думал даже присесть. А вдруг связь исчезнет?

— Мы на старом карьере. Егор... ты?

— Я приду, жди меня, я приду, конец связи.

— Конец связи.

Щелчок переключателя. Надо беречь, то, что есть.

Везет только в сказках? Трескотня выстрелов вокруг, а сердце бьется не от страха. Егор рассмеялся.

— Я иду, — прошептал сам себе...

...Тонкий лучик надежды...

Во мраке окутавшего Землю облака пыли, в пронизанном радиацией воздухе, в агониях умирающего человечества. В первые минуты гибнут лучшие, даже не теорема — аксиома. Люди за сутки лишились тех, кто мог и знал. Миг для грузной, движущейся дальше вселенной. Егор помнил, как завидовал некогда давным-давно работникам компрессорной станции «Газпрома». Но только не в тот момент, когда отключившаяся электроника дала сбой, а пожар от горевших электроприборов спровоцировал взрыв, унесший ВСЕХ, кто пытался вручную, заслонками на рычагах, заблокировать рвущийся бесконтрольно газ.

Нет, не то. Хаос первых дней, огонь пожаров и ужасающий страх. Многие гибли, другие теряли себя по-иному. Исчезло электричество и словно унесло с собой все, что накопили люди за две с лишним тысячи лет: сострадание, жалость, доброту, любовь... Энергия, созданная для жизни, убила энергию самой жизни.

Егор достал гранату — последняя. И сколько... один?...два?... патрона в «Макаре». Неважно... Доделать. Они живы, люди живы... пока жива она и он.

...Невесомый и едва осязаемый, но удивительно прочный...

— Я иду! — закричал он.

Потому что не успел сказать той, единственной Самой Драгоценной Самые-Самые Главные Слова. Ту детальку, без которой этот мир умрет. А она у него есть.

Об авторе

Родился в 1976 году. Вырос и живет в городе Петровске Саратовской области. Работает в администрации города.

Рассказы выходили в журналах «Порог», «Полдень 21 век», «Уральский следопыт», «Меридиан», «Шалтай-Болтай», альманахах «Словесность» и «Фанданго», в сборниках «Настоящая Фантастика» (2008, 2014), «Аэлита» (2008–2013), «Антология Мифа» (2012–2013). В № 2 за 2008 год «Знание-сила: Фантастика» был напечатан рассказ «Похититель снов», в № 1 (14) за 2012 год — рассказ «Тот самый день», в № 1 (18) за 2014 год — рассказ «Поймать молнию», а в № 2 (19) — рассказ «В поисках свободы».

Александр Смирнов

Сжатый мир

Воды не было. Все, что мне удалось выжать из крана, вращая ручки, — это одна большая капля ржавого цвета.

Странности сегодняшнего утра на этом не закончились — газ в плите также отсутствовал, поэтому мне пришлось довольствоваться растворимым кофе, разведенным в повторно кипяченой воде. Электричество, по счастью, было.

Мои худшие опасения подтвердились, когда, выбрасывая обертку от сливочного масла в мусороприемник, вместо привычного Т-коридора, ведущего на свалку, внутри я увидел лишь серую цементную стенку.

Единственное возможное объяснение всему происходящему — что-то случилось с Т-сетью, и это объяснение пугало.

Еще полвека назад, задолго до моего рождения, была открыта нуль-транспортровка. Открытие породило транспортную революцию, которая, фактически, уничтожила расстояния. Отныне устаревшие средства сообщения — автомобили, самолеты, поезда, корабли — стали не нужны, ведь для перемещения из пункта А в пункт Б достаточно установить в конечных точках Т-камеры и обеспечить связь между ними, тогда любое путешествие будет практически мгновенным. Более того, отпала необходимость в коммуникациях вроде трубопроводов, поскольку передача ресурсов с помощью нуль-транспортровки экономически выгодней. Поэтому только подача электричества в современном мире осуществляется по проводам (даже Т-сети необходимо чем-то питаться), все остальное обеспечивает транспортная сеть.

Сбой в Т-сети произошел впервые на моей памяти. Лихорадочная проверка оборудования в квартире показала — кроме электричества нет ничего, и даже сотовая связь отсутствует. Осталась одна, последняя проверка.

Я распахнул входную дверь — серый бетон лестничной клетки и прямоугольник двери квартиры напротив. Лестничная клетка там, где должен был быть Париж и где я должен был встретиться с ней...

Картина мира обрушилась.

Следующий час прошел в каком-то оупении — в бессмысленном нажатии клавиш на пульте Т-камеры, тщетных попытках выдавить из крана воду или позвонить по бесполезному мобильнику. Молчание телефона нервировало даже больше, чем отказ Т-сети — сотовая связь

не зависит от нуль-транспортировки, а значит, кто-то заблокировал ее сознательно. Рефреном возвращалась неприятная мысль — а вдруг Т-сеть исчезла навсегда?

Пустая квартира угнетала, и, придя кое-как в себя, я решил сделать вылазку на улицу. Шестнадцать гулких пролетов вниз, серые ступени, серые неотделанные стены — все это казалось каким-то чужим, нереальным. Несмотря на то, что я жил здесь уже несколько лет, я впервые спустился по этой лестнице.

Снаружи было пасмурно, с неба сочилась мелкая морось. Среди некрасивых зданий и чахлах кустиков — никому раньше не могло прийти в голову гулять здесь — бродили редкие прохожие с потерянными выражением на лицах. Каждый с помощью Т-камеры строил свой мирок, компактный и комфортный, и вот в одночасье тот разрушен, и вокруг огромный мир, непонятный и пугающий.

Так и я, распрощавшись с детством, начал с бесплатного пути «дом — работа» и постепенно добавлял к своему сжатому миру сегменты, постоянные — различные места в городе, где можно побродить или просто приятно провести время — и временные — дорогостоящие путешествия в далекие города и страны. Достаточно было набрать на пульте Т-камеры номер нужного сегмента и открыть дверь, и вот уже там, за дверью нужное место, и надо только сделать шаг. Однажды, в одном из сегментов наши сжатые миры пересеклись, и я познакомился с ней. А теперь, вместо щекочущего ощущения при переходе, когда Т-сеть сканирует тело и взаимозаменяет его атомы с атомами парижского воздуха, вместо Парижа, вместо такого желанного путешествия и вместо нее я получил лестничную клетку и дождливую улицу с угрюмыми прохожими. И как добраться до нее в этом огромном мире, если я не знаю даже адреса?

Проплутав бесцельно несколько часов по хмурым улицам, плотно застроенным одинаковыми безликими домами, я вернулся к себе. Пообедав холодной едой из холодильника, я задумался, что же мне делать дальше. Не придумав ничего путного, я утешил себя мыслью, что людям, застигнутым отключением Т-сети во время перехода, пришлось гораздо хуже, и в очередной раз подошел к пульту управления Т-камерой. Совершив несколько бессистемных манипуляций, я внезапно обнаружил, что в примечаниях к имеющимся (или когда-то имевшимся) у меня сегментам указаны их реальные адреса. Значит, я все-таки могу найти ее!

Торопливо отыскав нужный адрес, я бросился на улицу.

Каким же чудовищно большим должен был казаться этот город людям, жившим в двадцать первом веке, вынужденным каждый день пересекать его пешком или на своем несовершенном транспорте! До самого вечера ходил я по городу, по этим лабиринтам многоэтажек в поисках нужной улицы и нужного дома. Мне пришлось опросить, наверное, сотню прохожих, но эти люди ориентировались в городе так же плохо, как и я, зачастую направляя меня в совершенно противоположную сторону.

Но в итоге я все же нашел ее дом и, поднявшись по такой же неприветливой лестнице, вошел в квартиру.

Никого!

И ни записки, ни даже намек, куда она могла деться. Может, она успела переместиться в Париж до отключения T-сети, а может, бродит где-то на этих бесконечных улицах...

Прождав до самой ночи, волнуясь и мучаясь, строя самые невероятные предположения и тут же их разрушая, но так и не дождавшись ее, я отправился восвояси через темный пустынный город.

Сон пришел ко мне лишь под утро. Разбудил меня сигнал мобильного телефона — пришло сообщение. «Работа T-сети восстановлена. Приносим свои извинения за доставленные неудобства», — и все, никакой подписи и номер отправителя неизвестен. Но мне это абсолютно не важно.

Вскочив с кровати и спешно одевшись, я подбежал к T-камере, набрал заветную комбинацию и открыл дверь.

За порогом был Париж. Утреннее солнце поблескивало на свежевымытых мостовых. Но самое главное — где-то там ждала меня она. Оставалось только сделать шаг.

Об авторе

Родился в 1986 году в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Кандидат физико-математических наук. Доцент кафедры теоретической информатики ЯрГУ.

Более 100 публикаций в жанре фантастики в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Машины и механизмы», «Журнал ПОэтов», «Очевидное и Невероятное», «Юность», «Нива», «Второй Петербург», «Вокзал», «Черновик», «Жемчужина», «Экология и жизнь» и др.). В приложении «Знание-сила: Фантастика» № 1 (12) за 2011 г. вышел рассказ «Пять шагов».

Алекс Гагаринова

Гений

Дышать в «Девятке» нечем. Они сидят в ней уже третий час. Окна запотели, гоняемый «печкой» воздух, перенасыщенный сигаретным дымом, режет глаза. Открывать окно — холодно, а курить хочется. Да и чем еще заниматься? Микола клюет носом, ему все осточертело. Зато Трофимыч — оживлен и бодр, рассказывает анекдоты, смеется и подпевает «шансону», звучащему по радио. Микола мечтает о борще, что ждет в холодильнике, о диване с теплым пледом и пытается понять, как его угораздило влипнуть в эту дурацкую историю.

Вчера они пили у Трофимыча и мирно беседовали. И лежал бы он сейчас на своем диване, если бы речь не зашла об этом давнем нашумевшем отказе.

— Нет, Микола, что-то тут нечисто! — Трофимыч мутными глазами посмотрел на собутыльника. Всех своих настоящих дружбанов он называет Миколами, независимо от того, как их зовут вне дружбы с Трофимычем.

— Вот скажи, ты бы отказался?

Микола, к тому времени уже лишившийся дара членораздельной речи, икнул и отрицательно покачал головой. Вид при этом у него был важный и сосредоточенный. Все его силы уходили на то, чтобы не упасть с кухонной табуретки. А ведь приходилось еще поддерживать беседу и вовремя кивать.

Трофимыч, распаяясь и все больше краснея круглым лицом, продолжал:

— И я бы не отказался! И любой бы не отказался! Хоть кого спроси! А этот, б...? Ему дают, а он не берет! — он стукнул кулаком по столу. — Что-то тут нечисто, нюхом чую! Это я тебе как мент говорю!

Ментом он был бывшим, лет десять, как вышел на пенсию по выслуге лет. Верней, находился в отставке, как Трофимыч любил о себе говаривать, каждый раз напоминая, что бывших ментов не бывает.

Микола утвердительно кивнул головой, мол, согласен, что-то нечисто, раз Трофимыч это чувствует.

— Заливают нам разное — мол, ему это не надо, у него свои принципы... Вот скажи — за квартиру платить надо?

Микола медленно кивнул.

— Жрать надо?

Микола опять кивнул.

— Одеться-обуться надо?

Миколу с каждым разом все трудней давалось возвращение головы на исходную для утвердительного кивка позицию.

— А он отказался! В голове не укладывается! Сколько лет над этим думаю — не укладывается и все! Но теперь я до него доберу-у-ушь, я его выведу на чистую воду! Давай, Микола, за это выпьем!

Выпили. Трофимыч закурил, взял гитару и, прищурив глаз от сигаретного дыма, запел из любимого Высоцкого: «Уж если я чего решил...» Микола отодвинул от себя тарелку с торчащими в ней окурками и с облегчением положил голову на освободившийся край стола.

На следующий день Микола жестоко страдал от похмелья. Он лежал на диване, тупо глядя в потолок своей квартиры и меньше всего испытывал потребность в общении. Когда ему вечером позвонил Трофимыч и в трубке раздался его энергичный голос, Микола содрогнулся от воспоминаний о выпитом вчера и отодвинул трубку подальше от уха.

— Я попросил ребят из отделения пробить по ЦАБу адрес этого деятеля! Представь, он живет недалеко от тебя! Жди, буду через час!

— Какого деятеля? — обреченно спросил Микола, едва шевеля шершавым языком.

— Как какого? — удивился голос в трубке, — Мы ж вчера о нем весь вечер говорили. Забыл, что ли?

— Забыл... Тут это... От меня Ирка ушла...

— Да ну? Надо же, как все удачно складывается! Тогда я у тебя заночую, если наше дело затянется! Все, еду! — и, не проявив ни капли ожидаемого сострадания, Трофимыч отключился.

Микола упал на подушку. «Откуда в человеке столько энергии? — недоумевал он. — И ни капли сочувствия».

Трофимыч приехал с бутылкой, зря Микола упрекал его в душевной черствости. Друзья снова сидели на кухне, выпивали. Разговор опять свернул на вчерашнюю тему.

— Я считаю, что все гении — выродки. Ну, в смысле, уроды. Вот смотри, я — нормальный человек. Нет во мне каких-то суперталантов. А суперталант — это что? Это когда у одного чего-то гораздо больше, чем у остальных. Ну, например... — Трофимыч задумался, подбирая аналогию. — Например, как высокий рост — раза в два выше остальных людей — это же отклонение от нормы, правильно? Значит — уродство. Но рост видно, это — снаружи, так сказать. А талант — он в глаза не бросается, человек выглядит обыкновенно, а может делать то, что не может никто другой. Разве ж это не отклонение? Отклонение! Значит, гении — уроды! Логично?

Уставший от рассуждений Трофимыча Микола опять сонно покачивался на стуле. Предмет беседы его совсем не интересовал. Организм, весь день мучимый похмельем, получил желанные градусы и затих, но захотел спать. А спать нельзя, долг гостеприимства не велит.

— Вот возьмем меня, нормального человека, — гнул свое Трофимыч, — почему я не могу, например, писать картины, как Шишкин? А? Или сочинять музыку, как этот... Чайковский, например? Почему? Потому что я — не урод, я — нормальный!

За свою более чем полувековую жизнь Трофимыч ни разу не усомнился

в правильности измерения людей собственным аршином. Все, что в этот аршин не укладывалось, было отклонением. Точка.

— Я должен его вывести на чистую воду! Живой, признанный во всем мире гений живет в нашем городе, я не могу упустить такой шанс!

Чтобы не уснуть, Микола решил перевести разговор в более конструктивное русло:

— И что ты собираешься делать?

— Проводить следственно-розыскные действия! — в голосе собутыльника сверкнул профессиональный металл, — Выводить на чистую воду этого гения!

— Каким образом? — Микола спросил из вежливости, даже не предполагая, что он уже числится напарником.

— Поедем проводить рекогносцировку!

— А потом?

— Ориентируемся по обстановке! — в охотничьем азарте Трофимыч полностью перешел на военную терминологию.

И вот они, как два идиота, уже несколько часов сидят в машине и тарашатся: Микола — на окна, а Трофимыч — на дверь парадной. Окна панельного дома уютно светятся сквозь падающий снег, тикают дворники на лобовом стекле автомобиля...

— Смотри, кто-то вышел! Кажись, это он, наш гений! — Трофимыч толкает локтем вздремнувшего Миколу. Тот трясет головой и старательно разглядывает мужчину, вышедшего из подъезда. Хоть они и изучили в сети все его немногочисленные фотографии, но при свете фонарей, да еще в зимней одежде опознать человека трудно.

— Едем за ним, — без колебаний объявляет Трофимыч и они, не спуская глаз с объекта слежки, выезжают со двора.

Объект движется в неизвестном направлении. Приятели, радуясь концу многочасового бездействия, следуют за ним, гадая, куда он держит путь. Спустя полчаса выясняется — в продовольственный магазин эконом-класса, откуда вскоре выходит с пакетом и идет в сторону дома.

* * *

Мужчина неопределенного возраста, где-то между средним и пожилым, бредет, согнувшись, навстречу холодным порывам ветра. Здесь, на купчинских просторах, ветру есть где разогнаться. Хорошо, хоть метель стихла. Длинная борода, залепленная снегом, превращается в ледяной компресс. Вязаную шапку продувает насквозь, впрочем, как и куртку на синтепоне.

Уже три трамвая проехали в сторону его дома. Ладно, дойдет, всего километра полтора осталось. Погруженный в свои мысли, человек не видит медленно едущий за ним автомобиль.

В парадной он чувствует себя почти дома. Рассеянно кивает двум мужчинам, вошедшим с ним, морщится от алкогольно-перегарного запаха. Не замечает, как пристально попутчики всматриваются в его лицо, как утвердительно подмигивают друг другу. Выйдя на своем этаже, не видит,

что они тоже покидают кабину лифта. Звонок в дверь, теперь он совсем дома.

— Замерз, сынок?

— Ничего мама, не так уж и холодно. Подержи, пожалуйста.

Мужчина раздевается, берет у матери пакет с покупками и проходит на кухню. Мать спешит за ним.

В неплотно закрытую дверь квартиры заглядывает Трофимыч, осматривается, входит и жестом призывает войти Миколу. В прихожей оба замирают, прислушиваясь. Микола, обливаясь потом, приваливается к висящим на вешалке пальто и курткам, борясь с желанием зарыться в них. Ни фига себе рекогносцировка — с проникновением в чужое жилище!

С кухни доносятся голоса:

— Как раз чайник вскипел, будешь?

— Нет, не хочется.

Трофимыч тянет приятеля за рукав. Приходится расстаться с вешалкой. На цыпочках они подходят поближе и осторожно заглядывают в проем кухонной двери.

Пожилая женщина вынимает продукты из пакета.

— Тут только молоко и хлеб...

— Да, мам.

Объект тяжело опускается на табуретку. Мать ставит перед ним блюдо, наливает молока. Садится на диванчик напротив. Подперев голову рукой и пристально глядя на сына, спрашивает:

— А сыр?

— Сыр не купил.

— Почему, Миша?

— Не купил, в другой раз куплю.

— Миша, у нас кончились деньги?

— Да, мама.

Женщина вздыхает:

— Ох, вечная история!.. До моей пенсии еще целая неделя...

— Мам, не драматизируй. Подумаешь, сыр не купил.

— Надо было все-таки взять тот миллион, Мишенька... За доказательство гипотезы...

— Мам, не начинай опять! Прости, но иногда ты ведешь себя, прямо как человеческая самка!

Приятель многозначительно переглядываются.

Помолчав, женщина начинает вновь:

— Миша, но ты же знаешь, как важен сыр для нашего метаболизма!

— А ты знаешь, что мне лучше всего работается на молоке и хлебе!

— Но сыр...

— Мама, тебе прекрасно известно, что нам не устоять перед гастрономическими соблазнами! Возьми я эти деньги, мы бы с тобой накупили сгущенки и Камамбера, ели бы с утра до вечера, и моя стажировка затянулась бы до бесконечности! А так — я уже нашел доказательства гипотезы Бёрча — Свиннертон-Дайера и гипотезы Ходжа. Подступаю к гипотезе Римана.

— Мальчик мой... Значит, ты успеешь решить до своего совершеннолетия все эти, так называемые, задачи тысячелетия?

— Да, мама. И мы сможем вернуться на родину.

— Мишенька, как же я рада! Но до чего хочется сыра... Все-все, молчу, только перестань фосфоресцировать! И втяни, пожалуйста, щупальца, ты уже большой!

Гений конфузится и начинает торопливо лакать молоко из блюдечка.

В коридоре что-то падает.

Очнувшись, Микола обнаруживает, что лежит на кухонном диванчике. Пахнет жареными котлетами. Привстав, напротив себя видит сидящего за столом Трофимыча со стопкой в руке. Тот что-то оживленно рассказывает гению, хлопает его по плечу и называет Миколой. Перед гением — то же блюдо, но теперь в нем налито что-то прозрачное — явно не молоко. У плиты хлопочет мать гения. «Сколько же я был в отключке?» — удивляется Микола.

Увидев пришедшего в себя приятеля, Трофимыч громко радуется:

— О, Микола, очухался? Ну, что я говорил? Гений-то — урод, инопланетянин! Но наш человек, тоже Микола!

Гений смущенно улыбается.

Уж в чем-чем, а в толерантности Трофимычу не откажешь.

Об авторе

Родилась в Молдавии, с 1992 года живет в Санкт-Петербурге. В 2006 году окончила экономический факультет СПбГУ по специальности «Экономика и управление на предприятии». Работает руководителем направления в коммерческой организации. Прозу пишет с 2013 года. В 2014 году закончила литературные курсы «Мастер текста» при издательстве «Астрель-СПб». В 2013 году рассказ «Янтарь Орьянсаари» вошел в лонг-лист конкурса «Сестра таланта» и опубликован на сайте интернет-журнала «Лицей».

Илья Алтухов

Контакт невозможен

В железной ячейке камеры хранения вместо фотонного ретранслятора лежал грязный мешок. Внутри оказались какие-то полусгнившие корнеплоды. Марсианин Заир Четвертый долго ругался с кладовщиком, но кроме невразумительного: «Что оставляли, то и получили», ничего не выяснил.

Он уже седьмой месяц жил на Земле, шестой планете от Солнца. Миссия по установлению контакта была явно провалена. После визита в академию наук Заира скрутили и увезли добрые люди в белых халатах. В санитарном пункте персонал твердо обещал Заиру непременно уведомить руководителей планеты о прилете посланника с Марса, но, как предполагал Заир, забыли это сделать. Несколько месяцев его держали привязанным к кровати в большом доме с решетками на окнах и трехметровым забором по периметру. Кололи какие-то вещества, вызывавшие сон и галлюцинации. В психиатрической больнице Заир изучал людей. Страдающие от различных припадков, видевшие его впервые в жизни соседи по палате всячески помогали ему, не давая впасть в полное уныние. Оставляли докурить сигареты в туалетной комнате, ослабляли ремни, которыми Заира привязывали на ночь к кровати санитары. Заир почти полюбил эту теплую планету с богатой кислородом атмосферой. Наконец он рассказал главврачу, как его научили сотоварищи по палате, что никакой он не марсианин, а погорелец из далекой деревни в Архангельской области, приехавший просить милостыню на улицах столицы. Тогда его отпустили. В махровой пижаме и надетом поверх нее клетчатом пиджаке с чужого плеча Заир день и ночь шатался по перрону Курского вокзала, вживаясь в придуманную для него легенду. На фоне всего произошедшего пропажа ретранслятора из камеры хранения даже не удивила.

По совету начальника вокзала в линейном отделении полиции Заир написал бестолковое заявление о краже аппаратуры. Без предъявления паспорта заявление у него не зарегистрировали, но обещали во всем разобраться.

* * *

Дежурный лейтенант долго смеялся, перечитывая очередной опус вокзального бомжа, видимо, страдающего от белой горячки:

«После столкновения с метеоритом, Марс сменил орбиту. Температура резко понизилась, атмосфера стала очень разряженной, все население ушло жить в подземные города, находящихся в нескольких десятках километров от поверхности. Я тогда проходил обучение в академии межзвездных отношений. С первого курса меня готовили к разведывательной деятельности. При этом ядро планеты начало остывать быстрее, чем прогнозировали наши передовые ученые. Теплогенераторы перестали справляться с потребностью в энергии, и в связи с этим программу по заселению ближайших планет решено было ускорить, для чего уже с третьего курса меня послали на Землю.

Ретрансляция через восемьдесят миллионов километров, и вот я в теле какого-то человека на Земле. При попытке установить контакт с руководителями планеты, был ошибочно принят за психически больного и направлен на лечение в больницу имени Кашенко. В период нахождения в данном учреждении неизвестными лицами из камеры хранения на Курском вокзале была похищена аппаратура для обратной ретрансляции, без которой мое возвращение на Марс невозможно. Прошу оказать помощь в поиске фотонного ретранслятора, индивидуальный номер М19ЖВ. С Уважением, рептилоид Заир Четвертый из рода Прамбопухпатров». В конце стояла замысловатая подпись и непонятный номер. «Покажу начальнику участка, пусть посмеется», — решил дежурный.

«Молодой еще совсем, а как все запущено, — думал подполковник Поломойцев. — Вот, что значит прерывать учебу и посылать с третьего курса на выполнение ответственного задания». Сам он был с планеты К600 в созвездии Тау Кита. Свой ретранслятор, отобранный неизвестными в подземном переходе, он искал уже пять лет. Так как он прошел полный курс подготовки к контактам третьего рода, ему не составило труда сделать себе новые документы и устроиться начальником отдела полиции на РЖД. Так удобнее продолжать поиски. Начальник полиции, конечно, поговорил бы с инопланетным сотоварищем по душам, но это могло поставить под угрозу миссию. Заявление хотел сначала уничтожить, но вспомнив, чему учили в академии межзвездных отношений, аккуратно разгладил, написал сверху крупными буквами «Юмор нашего городка» и приколол на доску для информации в коридоре, потом быстро зашагал к ближайшему пункту приема лома цветных металлов.

«Только бы успеть, — думал подполковник, — если ретранслятор еще не ушел в переплавку, его можно перенастроить под себя». Рептилоид с К600 тоже очень хотел вернуться домой.

Об авторе

Родился 27 апреля 1980 году в Новосибирске. По специальности юрист, также освоил дополнительные специальности: журналист, сварщик, каменщик. Публиковался в белорусском журнале фантастики Космопорт №8 (9), 2014 г., рассказ «Приговор». Российский журнал «Фантаскоп» № 06 от 24 ноября 2014 г., рассказ «Инопланетяне в сельской местности».

Елена Джеро

Иерусалимский синдром

— Пardon, месье, разрешите представиться, я — профессор Левин. Давид Левин, — почти прошептал странный тип и протянул Гийому руку. На вид профессор был лет сорока и ужасно похож на того актера из «Амели», как же его? Матьё! А фамилия? Ко... Косо... Кассовитц, точно! — Мне сказали, вы часто приходите сюда. Возможно, вам покажется странным мой вопрос... но вы, случайно, не слышите музыку? Сейчас, когда смотрите на эту картину?

Гийом вздрогнул от неожиданности, после чего резко покрутил головой, выискивая операторов какого-нибудь телевизионного розыгрыша, но в этом зале музея Орсе кроме них никого не было. Гийом сглотнул и поправил очки. Скорее всего, это простое совпадение, что нечаянный посетитель затронул так долго мучившую его тему. А вдруг он тоже ее слышит, эту незнакомую композицию? И те странные ощущения, может, он их тоже испытывает?

— Да... Иногда бывает и музыка. Не в этом ли сила искусства? — улыбка получилась только наполовину, и такая кривая, застыла на лице.

— Прошу вас, месье...

— Гийом Бель, рад знакомству.

— Месье Бель, это очень важно — вы слышите разную музыку или одну и ту же?

Конечно, этот похожий на актера профессор слышит тоже! Иначе б не спрашивал! Иначе не стоял бы в этом зале именно перед этой картиной, «Портретом доктора Гаше», единственной, которая «играет». Гийом проверял — не только в этом музее, но и в Оранжери, и в Мармоттан Моне — везде, где живут его любимые постимпрессионисты. Тишина. И только доктор Гаше выдает фортепианную композицию.

Профессор от этой новости встрепенулся и заблестел глазами. И тут же пригласил нового знакомого вместе пообедать, так как им надо много всего обсудить. Тут недалеко, тихое заведение, три мишленовских звезды. Одно из тех мест, которые, даже находясь на родной станции метро, никогда не попадают в ваш жизненный маршрут. Ну, почти никогда, бывают же дни, когда в музее к вам подходит Матьё Кассовитц, правильно? И заодно развеивает ваши страхи по поводу собственного душевного здоровья.

Правда, после антипасти, когда они уже были на «ты» — почти же ровесники, у Гийома закрались смутные подозрения, что сумасшедший

тут не он. Хотя повествование израильского, как выяснилось, профессора физики звучало вполне естественно и отсутствием логики отнюдь не страдало.

Начал рассказчик издалека — с Иерусалимского синдрома. Которым страдают исключительно паломники, прибывшие из очень дальних стран, желательно — пешком. Добирается такой вот пилигрим до священных мест и немедленно заболевает манией величия: сообщает всем вокруг, что он какой-нибудь библейский персонаж и пытается срочно начать спасать мир в лице местных жителей. Местные жители, естественно, спасаться не желают, а сразу вызывают «скорую», которая и отвозит новоявленного пророка напрямик в Кфар Шауль*. Там таких уже прилично.

Так вот, психиатры утверждают, что природа нашего Иерусалимского синдрома вовсе не уникальна, и истории подобных внезапных заболеваний известны еще хотя бы два: синдром Стендаля и Парижский синдром.

— Про синдром Стендаля я читал, — поспешил вставить Гийом. Не хотелось показаться совсем уж невежей. — Это про галерею Уффицы, вроде от обилия произведений искусства у людей едет крыша, так?

— Именно. Стендаль действительно писал про Флоренцию, но вот по поводу причин я с ним не согласен. — Профессор вздохнул и отложил вилку. — Ведь каковы симптомы? Внезапно, подчеркиваю, внезапно начинаются галлюцинации. Потерпевшие рассказывают, что видят определенную картину будто другими глазами, что вроде они ее и рисуют, или находятся в месте, изображенном на полотне. При этом сердцебиение и прочие физиологические показатели зашкаливают так, что нередко жертва синдрома теряет сознание. О чем это нам говорит?

Гийому это не говорило ни о чем. Но израильтянин и не ждал ответа.

— О том, что имеет место явление физической природы. И на что это похоже? Что это нам напоминает, если задуматься? — профессор взмахнул рукой с ножом, словно вел лекцию. — Резонанс, дорогой мой Гийом! И, как следствие, увеличение амплитуды вынужденных колебаний. Но мост ведь не обязательно рушится под строем марширующих солдат, так ведь? Надо, чтоб совпали частоты — солдатская и его, моста, собственная, как в нашем случае — зрителя и картины.

Вот тут Гийом и засомневался.

— Никогда не слышал, что у картин есть частота, — попытался он сказать ровно, без сарказма и иронии.

— Естественно. Но ты же слышал про ауру? Про энергию плохую и хорошую, про экстрасенсов, которые, потрогав вещь, находили хозяина?

— Конечно. Но, честно сказать, я в это не верю, месье... Давид.

— Я и не прошу тебя верить! Я прошу тебя — доказать.

Гийом подумал о десерте, который впереди, и о сумасшедших. Они же... не все опасные, полно таких вот мирных теоретиков. Наверное.

— Окей, дай мне пять минут. Просто слушай, — заторопился профессор, правильно проинтерпретировав паузу. — Допустим, всего лишь допустим, что гипотетическое мысленное поле, относящееся к торсионным

*Больница Кфар Шауль — психиатрическая клиника в Иерусалиме, является одним из наиболее известных центров изучения Иерусалимского синдрома.

полям, существует. И что волны, испускаемые мозгом, душой или какой-нибудь другой частью человека, теоретически могут «намагнетизировать» какой-то определенный, поддающийся мысленному излучению предмет, например, картину. Которая начинает испускать волну определенной частоты. Висит себе, испускает, и ничего не происходит, пока не приходит кто-то с очень похожей частотой, понимаешь? И, стоя перед «намагниченной» картиной, увеличивает эту частоту, пока — бум, не возникает резонанс. Хороший такой, с тахикардией и обмороками.

— Я понял. Гипотетически это возможно, — сказал Гийом, не желая расстраивать профессора, которому скоро должны были принести счет. К тому же хотелось бы получить пусть гипотетический, но ответ на свой вопрос. — Только как это связано с музыкой, которую я слышу?

Музыку профессор объяснить не мог, пока. Сказал лишь, что она — разгадка и ключ ко всему. Опрошенным жертвам синдрома Стендаля, как один, слышали — каждый свой — тихий мотив перед тем, как... Ну, резонанс, короче. То есть сначала тихий. Потом все громче и громче, пока в ушах не начинал бушевать оркестр. Вот поэтому-то израильское светило квантовой физики и считало, что приступ синдрома Стендаля можно легко индуцировать. Посредством постепенного усиления громкости конкретной музыкальной композиции. И им с Гийомом предстоит это продемонстрировать.

Здесь Гийом видел две существенные проблемы: во-первых, он понятия не имел, что это за музыку играет у него в голове доктор Гаше, а во-вторых, его совсем не прельщало падать в обморок посреди музея Орсе, и если уж на то пошло, вообще нигде не прельщало. Он про себя уже решил вообще туда больше не возвращаться, раз у него в перспективе — Стендаль, а вслух сказал:

— Очень польщен, Давид, правда. Но участвовать в научных исследованиях никогда не входило в мои планы. Ты найдешь другого «приёмника волн», я уверен!

Профессор не произнес ни слова, пока не доел свой шоколадный фондан. Вытер губы салфеткой и произнес задумчиво в своей обычной вопросительной манере:

— Тебе должно быть безумно интересно, мой друг, почему бедные туристы теряют сознание?

— Как почему? Резонанс!

— Да это-то понятно. Но куда девается сознание? Где душа в это время? Довольно долгое, надо сказать!

Они смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. Две голубые французские фиалки и зеленовато-карие миндалины пустыни.

— В картине? — предположил, наконец, Гийом.

— А может, в художнике? — склонив голову набок, отозвался Давид.

Гийом подумал, что правду говорят про еврейскую привычку отвечать вопросом на вопрос. Потом — что все это невозможно. Потом — что это может быть только так, это так — точно.

Он снял очки и надел обратно — жест, который знающие его люди интерпретировали бы как высшую степень волнения. Постучал пальцами

по столу, что знакомым указало бы на интенсивный мыслительный процесс. Зажмурился, несколько раз вдохнул прерывисто и выстрелил:

— Как мы определим, что это за музыка?

* * *

Если вам случайно повезло жить во время, в котором источник информации — интернет, а средство ее получения — смартфон, то достаточно не разучиться думать, чтоб найти решение абсолютно любой проблемы. Точнее, несколько десятков таких решений. В данном случае — программ по распознаванию мелодий. Поэтому, выйдя из ресторана, они направились в ближайший сквер и принялись мучить Гийомовский айфон. Безуспешно. Айфон сдаваться не собирался и мучил их в ответ: то была слабая связь, то слишком шумно, то определялись какие-то совсем непохожие песни на английском. Дело усугублялось тем, что напеть Гийом мог только начало мелодии, остальное воспроизвести никак не удавалось, поэтому пришлось вернуться в музей. Дождались, пока «доктор» останется без посетителей, и записали вполголоса несколько эмпитришных кусков, разных.

Тут выяснилось, что телефон у профессора — из прошлого века. В прямом смысле. То есть из музыки он, кроме пугающего звонка, не воспроизводил ничего. Поэтому мечтать, что один сотовый будет петь, а второй играть в игру «Отгадай мелодию» не приходилось. Но, к счастью, держа своего динозавра в руке, Давид переключился с современного образа мыслей на классический и позвонил своему соседу по танку. Бывшему, конечно, времен армейской юности, а нынче — первой скрипке Нью-Йоркского Филармонического. Проиграл ему записанный у картины двадцатисекундный хит и немедленно получил отгадку. Не отходя от кассы, можно сказать, сиречь от бронзового носорога, что напротив входа в музей.

— Франк Сезар! — радостно повторял профессор за трубкой, — Соната для скрипки и фортепиано A-dur!

— Что такое A-dur? — поднял взгляд вбивающий название в поисковик Гийом.

— Что такое A-dur? — переправил вопрос за океан Давид, — А-а, Ля-мажор!

К концу разговора с другом юности, Гийом уже включил вожделенную сонату. Его сонату, которая столько времени пряталась, манила, обещала, сводила с ума.

— Да! Да, это оно! Ха! — он не замечал ни что кричит на весь Париж, ни что машет кулаком стражнику-носорогу, подпрыгивая через шаг. Подлетел к смеющемуся Давиду, обнял, потрепал за курчавые волосы. — Нашли! Мы нашли ее! Соната А-дур, вот оно что! Соната А-дур! Ла ла ла...

Хотелось рассказать Давиду все: и про часы наедине с картиной, про страхи, слезы и про ощущение чуда. Хотелось вернуться тотчас же к «Доктору Гаше» и приниматься за эксперимент, падать в обморок и в неизвестность.

Но профессор сказал — не сегодня. Надо еще многое подготовить и обдумать. Получить разрешение на установку аппаратуры для различных замеров и проанализировать имеющуюся информацию. Как какую? Например, где скрипка? Скрипка, для которой соната написана на тех же правах, что и для фортепиано, почему отсутствует в голове? Ну и подготовка к «полету» — отчеты очевидцев, точнее, участников уже случившихся синдромов. Конечно, тех только, кто не сошел с ума после часов или дней, проведенных десятки, сотни или тысячи лет назад, часто не понимая ни слова! Про то, как избегать потенциальных опасностей и прочий инструктаж — все завтра. Встретимся тут же, перед открытием. Обменялись номерами и мейлами и расстались, профессор — в раздумьях, Гийом — в предвкушении.

Он, правда, хотел пойти домой, но ноги сами принесли его на бульвар Клиши. Принесли и оставили в обожаемом постимпрессионистской богемой «Черном коте», предаваться мечтам и порокам. Из пороков, правда, запрет Давида на алкоголь оставлял только сигареты и проходящих мимо красоток, да и те сегодня дефилировали практически невидимыми мимо сфокусированных на веточке наперстянки глаз Гийома.

Он выпил два кофе, один апельсиновый сок и бутылку минеральной воды. За соседним столиком болтали американские, судя по акценту, туристки. — Успеваем еще в Орсе, — говорила одна другой, тыкая пальцем в карту. — Сегодня четверг, открыто до десяти!

Гийом не спеша выкурил сигарету. Заказал еще бутылку «Perrier». Расплатился, одел наушники и всю дорогу слушал свою сонату. Весь обратный путь до музея.

У доктора никого не было. Гийом встал на свое обычное место, отрегулировал громкость и стал смотреть на знакомые мазки. Он, кажется, знал их всех наизусть, каждый сантиметр, каждый полутон. Сердце забилося быстрее, и он подкрутил громкость. Темно-синий сюртук, рыжие волосы, фуражка с желтым околышем. Перед глазами поплыли радужные круги. Громче! Капли пота катились по лбу и обжигали глаза, он моргнул, а когда через миг распахнул ресницы — вместо доктора был чистый сероватый холст, ниже и ближе, прямо на коленях.

* * *

— Ты опять здесь! — зарычал незнакомый голос, рука выронила баночку с краской и стукнула по виску. — Изыди! Изыди, демон! — Перепачканные пальцы промелькнули перед глазами и больно вцепились в волосы. — Оставь же меня, отпусти, проклятый!

До стола с садовыми ножницами было ровно два гигантских шага, преодоленных в один момент. Острие холодом прижало левое ухо.

— Я все одно уничтожу тебя, вырежу, непокорная нечисть, убирайся, сгинь! Взгляд, мечущийся по просторной террасе, споткнулся на холщовой сумке, висящей на гвозде рядом с закрытой дверью.

Рванул ее на себя, разрывая, грохнулся на деревянные доски пола, рядом упал револьвер.

— Что, страшишься, несчастный? Будет, побаловались! — дуло уперлось в грудь, ноги в старых башмаках скребли по половицам.

— Господи, нет! Разве не на пленере? — все тем же не своим голосом воскликнул Гийом. И сам себе ответил испуганно:

— Что это? Ты говоришь по-французски??? А раньше отчего кричал на русском, препятствуя работать «Арльских дам»?

Черт! Это еще что за новости? Русского Гийом, разумеется, не знал. Получается — кто-то приходил до него? Предыдущая жертва синдрома?

— Месье Ван Гог, пожалуйста, положите оружие, я все объясню, но сначала уберите это подальше, — сказал Гийом как можно спокойнее, пытаясь копировать переговорщиков из детективных фильмов.

И отбросил пистолет в сторону.

— Ты кто? Звуковое видение? Говорящий психоз? — встал с пола и прыгнул к висевшему в углу зеркалу.

Винсент Виллем Ван Гог, настоящий, растрепанный, с красным лицом и удивленно поднятыми бровями, пристально смотрел Гийому в глаза.

— Болен, помешан, болен...

— Месье Ван Гог, великий, непревзойденный, гениальный месье Ван Гог! В это трудно поверить, но я — не ваше безумие, я — Гийом Бель, парижский художник, из двадцать первого века.

Конечно, много информации так вот сразу, тем более про будущее, сейчас начнутся вопросы про счетные машины Жюль Верна и полеты на Луну, но надо же как-то отрезать потенциального самоубийцу! Еще не хватало, чтоб из-за него, Гийома!..

Винсент моргнул, снова моргнул и вдруг засмеялся.

— Великий? Я? Что-что, а уж такого мне самому не выдумать нарочно!

— И самый дорогой! — Винсент в зеркале убедительно кивнул головой. — Ваш рекорд — восемьдесят два с половиной миллиона долларов!

— Что? Сколько? Как? — художник сполз на стоящую рядом тумбочку.

В дверь робко постучали. Винсент резко вскочил и, на ходу приглаживая волосы, бросился открывать. На пороге стояла молодая девушка в розовом платье до пола и высокой прической.

— Мадемуазель Марго, я опять вас напугал, простите великодушно.

И это юное создание — Маргарита Гаше? Предмет вечных споров ван-гоговских биографов на тему «было или нет»?

— Мое беспокойство всегда только лишь о вашей здравии, месье Винсент, — сказал кучерявый ангел и слегка поклонился. — Я направлялась к вам узнать, не мешает ли вашему творчеству, если я немного поиграю на фортепьяно?

— Что вы, дорогая Марго, я и сам хотел просить вас позировать, — он посмотрел на чистый холст, — но, кажется, сегодня... уже поздно... из соображений освещения, имеется в виду.

За окном щедро светило солнце.

— В таком случае разрешите откланяться. Папенька нынче к обеду

не будут, просили вас развлекать и заботиться. Не желаете ли чего, прежде чем я начну эзерчиции?

— Благодарю вас, милая мадемуазель Марго, пока нету надобностей, я позже приду к вам в гостиную. — Затворил за гостьей дверь и, пока Гийом решал моральную проблему, стоит или нет выпытывать сердечную тайну, вернулся к зеркалу. Видимо, ему надо было видеть собеседника.

— Как вы явились в мою голову? — строго спросил художник у отражения. — И почему ко мне?

Пришлось рассказать. И про синдром Стендаля, и про резонанс, и про дыру темпоральную. Только дошел до своего самовольного поступка, как из гостиной донеслись первые такты Сонаты. Судя по паузам и ошибкам, девушка ее только начинала разучивать. Так, хорошо, музыка на месте, а где портрет? Портрет доктора Гаше, где он?

— Здесь, разумеется, в доме месье Гаше, я же его тут рисовал, — пожал плечами Винсент и вышел в коридор. Господи Боже! Первым в глаза бросился Писсарро. Чуть дальше на стене висели ранний Моне и Сезанн, штук пятнадцать картин, не меньше. — Вот они, великие... — грустно прокомментировал художник. — А я в библиотеке.

Библиотека оказалась скорее небольшим кабинетом: массивный секретер, шкаф с книгами, кресло у окна. Портрет лежал на ломберном столике, видно, совсем свежий. Гийом осторожно взял его и поднес к свету. И в тот же миг руки его задрожали. Книги на столе, цветок в стакане. Восемьдесят два с половиной миллиона! Нынешний владелец неизвестен. Это же первый портрет! Первый! А где же второй? Тот, который в Орсе? Тот, через который...

— Какой еще второй? — Винсент открыл лежавшую на столе табакерку и принялся набивать трубку. — Не имеется никакого второго, только этот. Хотя я, натурально, намеревался делать копию для месье Гаше, но после не случилось оказии.

Гийом лихорадочно соображал. Картины еще нет? Она датирована июнем, это точно! Как и первая версия, кстати, написанная — судя по письмам Винсента к брату — в начале месяца.

— Какое сегодня число?

— Тридцатое.

Что это значит? — Гийом не заметил, как начал думать вслух. Значит, что завтра — июль. Значит, картины нет, и возможно, никогда не будет! И я все-таки изменил эту чертову квантовую сцепленность, про которую говорил профессор! Завалил единственный пространственно-временной туннель, соединяющий вот это ... с домом. Господи, что же теперь будет? Со мной, с миром, с Ван Гогом?

Ван Гог затаился трубкой.

— Со мною? Постойте, как же это? Если картины не будет, вы останетесь со мною навсегда?

Гийом не знал. Но очень этого боялся. В основном потому, что через месяц, по идее, Винсент вернется с пленера с пулей в животе.

О, Боже... Картина должна была быть. Она должна быть написана!

— Месье Ван Гог, когда я... прибыл, вы что рисовать собирались?

— Мадемуазель Маргариту, конечно. С физгармоникой или фортепьяно, еще не решил.

— Я прошу вас, маэстро, я вас умоляю — напишите второй портрет доктора! Это наш единственный шанс! На мой своевременный уход, так сказать.

Уговоры были излишними — избавления Ван Гог желал всей душой, точнее, на данный момент, обеими своими душами. Он взял портрет доктора, которому суждено будет увидеть Геринга и «Кристис», и понес его через заваленный шедеврами искусства коридор обратно на террасу, где чистый холст ждал своего приговора.

За стеной соната закончилась и пустилась с начала. На холсте, словно волшебные, появлялись первые линии. Гийом смотрел с благоговением и восторгом, как гений набрасывает сразу красками композицию.

— Стоп. Простите, месье Ван Гог, но стакана не было. И книг, кстати, тоже.

Винсент остановился в нерешительности.

— И цвета там другие... И техника...

Боже мой, ужас! Указывать великому Ван Гогу?

Художник, опустив кисть, молча смотрел на начатую картину.

— Кажется, вы представились художником, месье, — произнес он, наконец. — Так покажите же мне!

Холст зашептал: ты не сможешь! Кто ты? Что возомнил о себе? Не выйдет!

Гийом отрицательно помотал головой. Потом потянулся к очкам, и, не найдя, постучал пальцами по колену. Зажмурился, вздохнул несколько раз прерывисто и потянулся к палитре.

Ведь он знал эту картину, знал каждый мазок, каждый полутон. Знал так, как знает заключенный кирпичи в своей камере, как прикованный к кровати больной знает трещины на потолке.

И он начал. Или они начали? Двое? Один? Который? Руки сажали цвета, пальцы лепили форму, ноты вплетались в масло, замирая на лепестках наперстянки и в прозрачных глазах Фердинанда Гаше.

Заходила Маргарита, попросили продолжать эту чудесную музыку, что это? Сезар Огюст Жан Гийом Юбер Франк, мой любимый композитор, — сообщило, очаровательно покраснев, совершенство. — Очень сложное произведение, «Соната для скрипки и фортепиано».

— А-дур, — добавил Гийом с видом знатока. — Ля мажор!

Вернулся из клиники доктор, хотел помешать разговорами, но, увидев, над чем работали, поспешно удалился за дверь. Приходил после звать на ужин, но художники лишь отмахнулись невежливо.

За окном собирался закат, когда был положен последний мазок.

Они смотрели на дышащее краской и грустью произведение, склонив голову набок и засунув кисть в рот.

— Не самое худшее из моих полотен, — резюмировал без особой радости Ван Гог. — Но вы не исчезли, месье Гийом из будущего. Может статься, вы и не существуете вовсе.

Гийому захотелось вспомнить что-нибудь из жизни Винсента этих дней, чтоб убедить его в своем абсолютном наличии, но ничего не лезло в голову.

— Профессор предполагал, что картина «магнитится» ближе к концу, но, может быть, это происходит после, когда полотно высыхает? — предположил он неуверенно.

— Ежели так, нам еще предстоит быть связанными, если можно так выразиться, около месяца? В лучшем случае.

Ван Гог принялся складывать тюбики с краской. Гийом безмолвствовал. Перспектива остаться с Винсентом на месяц его не сильно пугала, если бы была гарантия, что потом — домой. В свое, привычное, родное тело. Тело! Как же он раньше не подумал об этом! Ведь Давид говорил, все происходит в настоящем времени! То есть тело находится в отключке ровно столько, сколько душа, или мысль, или торсионное что-то там, путешествует, как мы знаем теперь, по мозгам художника. Если он заперт здесь на месяц, то что происходит с телом? Кома?

Стало вдруг невыносимо страшно. Если он будет еще здесь 27 июля... А может, именно потому, что он все еще будет здесь...

— Месье Ван Гог, послушайте! Мне нужно рассказать вам кое-что необычайно важное! Скоро, почти через месяц, — он закрыл глаза и сжал губы, не зная, имеет ли право, смеет ли... — не делайте этого, заклинаю вас, весь мир вас заклинает — не делайте этого! Иначе... Печаль будет длиться вечно!

— *La tristesse durera toujours...* *

— Пришел в себя. Ну, наконец-то! — просторная больничная палата, капельница, пульсоксиметр. — Гийом! Гийом, это я, Давид. Ты меня слышишь? — радовался профессор, легонько похлопывая его по плечу. — Они мне сразу позвонили, из музея, я ж им говорил, что работаю над синдромом, про диагностику на ранней стадии и все такое, — торопливо рассказывал профессор. — Но на всякий случай амбуланс тоже вызвали — им лишние проблемы ни к чему. Так что я сразу сюда приехал, волновался ужасно за тебя!

— Тыыынееееееерррдииишьшьсссяяя? — голос был свой, но очень медленное воспроизведение.

— Не волнуйся, это нормально при возвращении: проблемы с речью могут быть, со зрением или слухом, движения бесконтрольные. Но к завтрашнему дню пройдет, щебетать станешь лучше прежнего! Какое сержусь? Да я счастлив, что ты вернулся, герой ты мой! Я так рад! Ты вот что — спи, отдыхай, приходи в себя. Утром я приду, и ты мне все-все расскажешь, подробно! Господи, дожидаться не могу! Все, я пошел, — и пропал за дверью вместе со светом и звуком.

* * *

Утром, как профессор и предсказывал, о физиологических эффектах возвращения в родной организм не осталось и следа. Гийом принял душ,

* Печаль будет длиться вечно! (*La tristesse durera toujours...* Фр.) — последние слова Винсента Ван Гога перед смертью от огнестрельного ранения, произошедшего 27 июля 1890 года.

с аппетитом позавтракал и вышел прогуляться. Больничный садик, конечно, не бульвар Клиши, но погода только в последние дни стала наконец-то майской, по привычке жалко еще каждого луча.

Было странно и сладко вспоминать вчерашнее приключение. Он, Гийом Бель, простой художник, скоро станет — историей! Открыватель! Первопроходец! Первый, кто бесстрашно, — гордость заиграла в интонации, — прыгнул в омут, можно сказать, с головой... Ну, пусть не первый. Чего там Винсент говорил? «Арльские дамы»? Он присел на одну из свободных лавочек и достал айфон. Вот, «Арльские дамы». Они же «Воспоминание о саде в Эдене». Ну, все понятно, почему предыдущий гость говорил по-русски — картина же в Эрмитаже! Но это не в счет, они же не беседовали даже! Не говоря уж о «вместе работать»!

Он подставил лицо теплему ветерку и засмеялся счастливо. Работать — вместе с гением! Шутка ли? А какие перспективы открываются! Можно ведь не только к Ван Гогу «в гости ходить»! Представить только, заявиться к да Винчи! И научить его, что такое парашют, танк, велосипед... Хотя к Леонардо, наверное, другие путешественники отправятся. Надо ж для этого быть изобретателем! Инженером или там механиком. Ведь по рассказам профессора, пророками и апостолами представляют себя только ультрарелигиозные личности, у простых туристов иммунитет... Ой, так это что же? Это ведь означает, что и пророки, и даже, возможно, сам Иисус... существовали!?!

Ладони вспотели, сердце зашло в безумном тиканье, на лбу выступили капли пота. Сначала в горящих ушах появился голос, собственный, и только потом он понял, что это двигаются его губы.

— Что это?!? Где я?! Неужто? Но как?!

Покрутил головой по сторонам, вдруг уставился на айфон, отшвырнул в кусты. Вскочил со скамейки и, озираясь, побежал по аллее. Споткнулся, упал, поднялся, ругаясь, схватил испуганно отшатнувшуюся медсестру.

— Мадам, вы меня не знаете? Смотрите! Я — Винсент Ван Гог, художник! — Вопил, брызгая слюной. — Великий Ван Гог, ну же? «Подсолнухи», «Звездная ночь»? Нет? Да как же, он же сказал... Где доктор? Вы не знаете доктора Гаше? Восемьдесят два миллиона! С половиной, мадам! Долларов!!! Месье! — бросился к мужчине в инвалидной коляске. — Вы должны знать доктора Гаше! Он ведь в музее! Где же музей Орсе? Хочу увидеть своими глазами! Где он?

Народ ручейками разбежался от места, где орущий человек метался между растерянными постояльцами клиники. Кто-то что-то кричал, плакал ребенок, бежали санитары, много, все — к нему. Укололи в плечо почему-то, руки перестали двигаться, ноги заплетались, как у пьяного. Бородатое лицо в очках расплылось перед глазами и скомандовало устало:

— В «Ван Гог»* его давайте, родимого, диагноз — Иерусалимский синдром.

* Vinsent Van Gogh Centre de sant mentale et de r adaptation de Paris (фр.) — Парижский центр психического здоровья и реабилитации «Винсент Ван Гог».

Об авторе

Елена Джеро (Гершанова) родилась в г. Дзержинске Нижегородской области в 1976 году. После окончания ННГУ уехала в Израиль, где получила интереснейший опыт работы в самых разных учреждениях (от медицинского центра до администрации города) и в самых разных областях (от рекламы до частного сыска). Обилие впечатлений и образов генерировало идею о занятии литературой, но претворить ее в жизнь удалось только в 2013 году, уже в Италии. Там Елена и живет в настоящий момент, работая художником, переводчиком (иврит, итальянский и английский языки) и лайф-коучем. Литературные достижения: премия Куприна, публикации в журналах «Крым», «Артикль», «Горизонт». Предпочитаемые жанры: научная фантастика, фантастический детектив.

Анастасия Титаренко

Дети звезд

Джейн любила приходить в этот парк по окончании уроков и читать. После войны в Нью Йорке осталось немного парков, но Центральный чудом уцелел и теперь привлекал толпы народу. Джейн это не слишком мешало — в середине рабочего дня было не таклюдно и ничто не отвлекало от очередной книги. Непонятная война, которая закончилась так же быстро, как и началась, унесла жизнь одной из многочисленных тетушек Джейн. Так что молодой учительнице литературы досталась богатейшая коллекция бумажных книг, которые практически полностью вытеснили модные электронные ридеры. И Джейн с удовольствием осваивала эту сокровищницу, попутно подбирая своим воспитанникам достойные темы для уроков.

Сегодня она пришла в парк позже обычного. Пришлось объяснять Бобби Джонсон, почему нельзя убежать в стеклянную яму, которая осталась от южной окраины Манхэттена. Хоть власти и заверяли, что все зоны нападения абсолютно безопасны, в развороченных районах хватало бытовых опасностей вроде возможности поскользнуться и сломать себе ногу в безлюдном месте, где еще и отказывает сотовая связь. Бобби кивала, соглашалась с учительницей, но Джейн почему-то сомневалась в том, что ее увещевания достигли цели. Вздохнув, девушка открыла книгу и погрузилась в чтение. Она любила убаюкивающий шорох страниц — он позволял отстраниться от окружающего мира и полностью погрузиться в волшебный мир книги.

Но не успела Джейн прочесть и десятка страниц, как ее покой был нарушен. На книгу упала тень. Девушка подняла глаза и увидела неопрятного мужчину, который неуверенно топтался перед скамейкой.

— Не возражаете, если я присяду? — наконец-то решился заговорить он.

Джейн пожала плечами и слегка подвинулась к краю скамейки, чтобы увеличить дистанцию между собой и вынужденным соседом. Мужчина потоптался еще немного, после чего рывком сел и вытащил из кармана пачку сигарет, такую же помятую, как и он сам.

— А против этого я уже возражаю. Если вы хотите курить — выберите себе другую скамейку. Сейчас они практически все пустыют, — чопорно проговорила Джейн, пальцем заложив страницу.

— Нет-нет, простите... — мужчина поспешно спрятал сигареты и угрюмо ссутулился.

Наградив его строгим взглядом, Джейн вернулась к своей книге. Едва она сосредоточилась на перипетиях, осложняющих жизнь героям романа, как загадочный мужчина снова прервал ее чтение.

— Вообще-то... — он закашлялся, отдышался и снова заговорил. — Вообще-то, мне бы хотелось поговорить с вами. Мне очень нужно поговорить.

Голос его дрожал.

Джейн вздохнула и подняла глаза. Взгляд незнакомца был проникнут такой тоской, что девушка, подчинившись долгу педагога, достала из сумки закладку, закрыла книгу, и, развернувшись к мужчине, произнесла:

— Хорошо, я вас слушаю.

— Война... — начал он, потом запнулся. — Как вас зовут?

— Мисс Джейн Резерфорд, — вежливо ответила Джейн. Несмотря на то, что мужчина выглядел крайне неопрятно, да и вел себя весьма странно, он почему-то вызывал смутную симпатию. Учительница уважала людей, которые переступали через свои страхи, и незнакомец производил впечатление именно такого человека.

— Война, Джейн... Вы помните ее? Готов поспорить, что нет. Готов поспорить, что единственное, что отложилось в вашей памяти — это газетные заголовки да сюжеты новостей, хотя все происходило буквально у вас на заднем дворе. Это была нелепая война, Джейн. Глупая и нелепая. Но мы были слишком напуганы, чтобы придумать что-то лучшее. А теперь нас почти не осталось. Мы умираем, Джейн.

«Один из этих, — подумала Джейн. — После войны их так много появилось... Считают себя инопланетными созданиями, а сами родились где-нибудь в Бруклине, бедняги. Если бы они видели этих жутких гигантов, то ничем не стали бы придумывать такую нелепость».

Она видела гигантов.

Джейн вежливо улынулась.

— Я могу вам помочь? — участливо спросила она.

Незнакомец одарил ее странным взглядом, словно проверяя, издевается ли девушка или действительно желает оказать помощь.

— Выслушайте меня. А потом решите сами, хорошо? — он опять потянулся за сигаретами, но вспомнил неодобрение своей спутницы, и положил руки на колени. — Нашим главным грехом стало создание Дитяти. Сейчас я понимаю это, но тогда... Тогда мы просто обезумели от страха и пошли на это. Космос огромен, Джейн, а вы настолько счастливы, что даже представить себе не можете, насколько он огромен. И весь этот непостижимо огромный простор кружит в величайшем вальсе вокруг Котла Вселенной, места, где рождается и погибает все сущее. Мы тоже были рождены в Котле. Совсем иная форма существования, чистая мысль, суть энергии — по вашим меркам, мы были всеильны и вездесущи. Что такое пространство для мысли? Мы пересекали просторы, на которых даже свет погибал от старости, в мгновение ока. Наблюдали, как рождаются и сгорают галактики, как появляются на свет цивилизации... Чтобы потом вернуться в Котел со всеми накопленными знаниями и отдать их ему. Мы переплавлялись, чтобы вселенная могла развиваться. И нас было много.

Каждая крохотная звезда нуждалась в наблюдении, каждый удар сердца нужно было посчитать. Но чем больше мы узнавали, чем сильнее наполнялись наши разумы, тем страшнее было возвращаться в Котел. Он питал нас, но он же и убивал нас, а к тому времени мы уже успели понять, что такое смерть. И мы испугались смерти. Поддавшихся страху было немного, и мы не могли нарушить порядок вещей. Но мы сопротивлялись предназначению и в конце концов нашли способ избежать переплавки. Мы создали Дитя. Поймали едва рожденное дитя звезд, нашего собрата, ищущего знаний и не поддавшегося страху смерти, и заключили его в ловушку из магнитных полей. Дитя билось от того, что не может выполнить свою миссию, страдало, голодая без новых знаний и тосковало от одиночества. Но его эмоции — чистейшая энергия — были настолько сильны, что мы забыли о Котле. Мы больше не нуждались в нем — его притяжение ослабло вместе с той силой, которую мы потребляли от него. Источником нашей силы стало Дитя. Как жестоки мы были...

Мужчина уставился вдаль глазами, полными слез. Медленно, словно во сне, он вытащил сигарету из пачки и взял ее в зубы. Поджечь ее удалось только тогда, когда Джейн, смилостивившись, забрала из его дрожащих рук зажигалку и поднесла ее к сигарете. Жадно затянувшись, незнакомец продолжил:

— Весь страх и всю нашу боль мы оставили Дитяте, а сами были вольны делать все, что нам заблагорассудится. Но познание ради познания вскоре наскучило нам. Ведь у нас больше не было цели, к которой мы стремились, пусть сама цель и пугала нас до потери разума. И каждый из нас сам придумал себе цель. Я и еще несколько моих соратников решили выбрать себе цивилизацию и наблюдать за ее развитием. А ваша планета была так прекрасна и необычна, что наш выбор стал очевидным. И мы прибыли сюда. По вашим меркам это было очень давно, много поколений, но для нас это произошло вчера... И мы нашли цивилизацию, дикую, жестокую, но полную огня буквально в двух шагах отсюда. Они были юны и искали себе богов, достойных поклонения. И мы узнали, что вера — энергия столь же чистая, как и притяжение Котла, как и плач Дитяти, и решили собрать ее всю. Мы обрели плоть — ведь это всего лишь вопрос морфических привычек и построения атомов в верном порядке — и взяли себе имена и воплощения. Меня звали Болон Окте — так себе имечко по современным меркам, верно?

Мужчина болезненно улыбнулся и выпустил большой клуб дыма сквозь зубы.

— Они поклонялись нам, отдавая всю свою веру без остатка. Приносили гигантские жертвы в нашу честь, а мы забавлялись, не осознавая, что все эти смерти подтачивают наше положение. Мы дали им крупницы космических знаний, кое-какие сведения о звездах и планетах, а они считали это чудесами. В конце концов, слепое поклонение наскучило нам, и мы покинули эту планетку. Обновленные необычной энергией, мы чувствовали себя такими же вечными, как и сама вселенная. Мы забавлялись, Джейн, проникая в сердца звезд и ускоряя экзотермические реакции в их ядрах, зажигая гигантские костры в свою честь, и приносили себе в жертву целые

звездные системы. И это казалось нам невероятно приятным занятием. Мы кое-чему научились у людей, но так и не уловили сути. А потом поггло Дитя. Заточенное в своей ловушке, оно не выдержало ужаса одиночества и сожгло самое себя своей же болью. Тех, кто обретался недалеко от центра, сразу же утянуло в Котел. Мы же, болтающиеся на задворках вселенной, остались без сил. Мы больше не могли проникать в любую точку вселенной, и даже воссоздание материи стало непостижимо трудным занятием. Многие из нас, не сумев справиться с морфическим контролем, сгорали в очагах звезд, которые раньше сами сжигали с непопозволительной легкостью. Те же, кто остался, вспомнили про вашу планетку. Вы даже не представляете, насколько она удивительна, Джейн. То, что вы называете ноосферой — весь багаж знаний, опыта и переживаний, накопленный за существование вашей цивилизации — окутывает планету, словно мистическое сияние. Если бы вы только могли это видеть! Это так прекрасно... Планета стала сильнее и богаче с тех пор, как мы забавлялись с аборигенами, и мы обрадовались, рассчитывая на то обилие энергии, которое можно получить от такого гигантского скопления людей. Но мы ошиблись. Вам больше не нужны боги.

— Гиганты? — переспросила Джейн. — Огромные существа с сияющей кожей, перьями и шерстью? Так это были вы?..

Девушка чувствовала себя очень странно.

— Да, — усмехнулся мужчина с именем бога. — Мы зажигали огни, творили материю и показывали другие чудеса, на которые мы были способны. Мы приносили себе жертвы, наивно полагая, что именно это побуждает веру. Только сейчас, приняв форму одного из вас и вместе с ней получив ваши понятия о морали и ценностях, я понимаю, что это были жестокие убийства. И вы ответили. Бомбами и ракетами, и огнем, и газом, и, небо знает, чем еще. Мы же, дети звезд, непривычные к физическому воплощению и лишённые сил, теряли свои тела, теряли концентрацию и превращались в крошечные сгустки страха... Очень немногие догадались принять антропоморфную форму. Остальные рассеялись, умерли... Но мы тоже умираем. У нас больше нет сил. Это вам, людям, не требуется постоянно концентрировать свое внимание на существовании своего тела, нам же поддержание формы дается все дороже и дороже. И здесь совершенно нет энергии...

В отчаянье смяв сигарету в ладони, незнакомец зашвырнул ее за скамейку. Потом уставился на свои ладони.

— Но один из наших... — глухо заговорил он. — Один из наших сказал, что шанс еще есть... Потому что... Потому что любовь дает энергию, даже если более чистую, чем вера. И, Джейн...

Болон Окте с надеждой заглянул в глаза девушке.

— Джейн, вы не согласитесь поужинать со мной?

В его ладонях, сверкая миллионом граней, кристаллизовалась алмазная роза.

Об авторе

Родилась в 1989 году в Киеве. Окончила Национальный авиационный университет по специальности «социология». Публикуется в сети под псевдонимом Анорико Мурасаки (искаж. яп. «фиолетовая Анастасия»). Писатель, лауреат премий Дебют — 2010 и Золотая Мантикора — 2012, романы «Ржавые цветы» и «Когда вскипели камни» можно найти на полках магазинов. Пишет в жанрах фантастики, фэнтези и магического реализма. Работает геймдизайнером: пишет технические и художественные тексты для компьютерных игр, создает диалоги, сценарии и прочее.

Книги прозы: «Ржавые цветы», роман. М., АСТ, 2012. «Когда вскипели камни», М., АСТ, 2014.

Публикации в сборниках: «Мой единорог» (рассказ)//Три желания. М., 2009 (избранное); «Дракон и звезды» (рассказ)//Мантикора 2. Альманах фантастики. Львов, 2013.

Публикации в периодике: «Кокон» (рассказ)//«Уральский следопыт». 2013. № 1.

Альберт Шатров

Дорога на Марс

Сильвестр вышел из кабинета врача раздосадованный. Опять — в который уже раз — он получил отказ. Он так надеялся, верил, честно в течение всего срока с прошлой медкомиссии придерживался предписаний, которые дали ему доктора, — а ему так просто взяли и отказали.

Неужели он так никогда и не побывает на Марсе? Сильвестр почувствовал, как внутри у него пробуждается злость. Чувство, давно ставшее для него родным и обостряющееся каждый раз после очередной неудачно пройденной медкомиссии. Он огляделся по сторонам. В коридоре клиники, кроме него, никого не было.

— Черт подери! — выругался Сильвестр и со всей дури ударил кулаком по стене.

Электронная система безопасности клиники отреагировала незамедлительно.

— Пожалуйста, успокойтесь, — потребовал металлический голос. — Вы в общественном месте и не можете себя так вести. Возможно, вам следует посетить психотерапевта. Адреса ближайших приемных пунктов вы можете получить в справочном окне регистратуры.

— Да чтоб вам всем провалиться, — рявкнул в ответ Сильвестр и ринулся на выход, сопровождаемый пристальным вниманием электронных детекторов.

Свежий весенний ветерок коснулся лица, когда Сильвестр вышел на улицу, и на душе стало легче. В конце концов, он с самого начала знал, что результат будет отрицательным. Он был таковым на протяжении ста сорока восьми лет его жизни и, скорее всего, останется таким до самой его смерти, сколько бы он не прожил — пусть даже те тысячу лет, которые гарантировала современная медицина.

Послушный флаер ждал его возле крыльца. Скомандовав автопилоту быть где-нибудь поблизости, Сильвестр побрел домой пешком: прогулка на свежем воздухе была очень кстати. Надо было развеяться, придти в себя, собраться с мыслями, да и просто размяться.

Порт убытия на Марс — один из десятков тысяч, разбросанных по всей Земле, — находился примерно на полпути от клиники до дома. Поравнявшись с ним, Сильвестр остановился неподалеку и завистливо посмотрел на тех, кто заходил в здание вокзала и выходил из него. Счастливые, подумал он... Все они бывали на Марсе, и наверняка не один раз. А может быть, и не два, и не три, и даже не сто...

Марс, освоенный и благоустроенный, давно уже стал вторым общим домом землян — и все благодаря доступным нуль-переходным технологиям. На всей Земле и в самом деле не было ни одного человека, который не побывал хотя бы один раз на Красной планете — против статистики не поспоришь. Но в любом правиле есть исключения. И этим исключением был Сильвестр.

Причины, по которым Сильвестр не был на Марсе, зависели одновременно и от него, и не от него. Еще в младенчестве родители решили взять его с собой в очередное путешествие на четвертую от Солнца планету. В кабину нуль-перехода они загрузились втроем, только вот прибыли по месту назначения лишь двое — отец и мать. Малыш почему-то остался на Земле.

Родители сразу забили тревогу: таких сбоев в работе сверхнадежной нуль-транспортной системы еще никогда не происходило. Случай невиданный. Но, как показала специальная проверка, проведенная по горячим следам, никакого сбоя не было. Проблема крылась в чем-то другом. Вот тогда-то и взялись за Сильвестра.

Младенца осматривали лучшие специалисты планеты: медики, биологи, биохимики и биофизики. Изучали каждую клеточку. Потом заглянули еще глубже. Причину нашли, лишь когда добрались до квантового уровня жизнеобеспечения. В общем, было там какое-то расхождение между витальной и информационно-энергетической составляющей чуть ли не на суперструнном уровне. Почему, как и зачем — никто так объяснить и не смог, данный феномен занесли во все справочники и энциклопедии, а вот дорога через нуль-пространственные переходы была закрыта для Сильвестра раз и, судя по всему, навсегда. И хотя врачи и давали ему каждый раз какие-то советы, все их усилия ни к чему не приводили.

И на самом деле все бы и ничего, если бы только Сильвестр не увлекся в раннем детстве марсианской романтикой, которой в то время, да и по сей день, было увлечено все человечество.

Сильвестр знал о Марсе все. Добавить «или почти все», было бы абсолютно неуместным. Он прочел все книги о Красной планете. Вел астрономические наблюдения. Ему регулярно привозили с Марса образцы пород, всевозможные сувениры, снимки и карты марсианских ландшафтов — все, что бы он ни попросил и что только можно было доставить на Землю. Сильвестр был влюблен в Марс, он им бредил. Марс заменил ему женщин и друзей. Он ложился с Марсом и с ним вставал. Но больше всего Сильвестр хотел оказаться на Марсе сам.

Теоретически Сильвестр мог бы совершить вояж на Марс на космическом корабле. Но вот незадача: космическая индустрия лет триста как не занималась кораблестроением. Нуль-переходные технологии полностью обеспечивали пассажирские и грузовые перевозки. И даже искусственные спутники планет и те выводили на орбиту, просто «пуля» через пространственные червоточины.

В общем, шансов у Сильвестра не было никаких.

— А может и вправду посетить психотерапевта? Пусть он избавит меня от этого неизбежного желания побывать на Марсе, — свежая мысль про-

неслась в голове у Сильвестра, а освежающее дуновение ветерка помогло закрепить ее в виде приятного ощущения.

Он вызвал флаер, и, сев в кабину, запросил адрес ближайшего психотерапевтического кабинета. Летательный аппарат сорвался с места и устремился ввысь.

* * *

— Итак, ваше навязчивое состояние — это желание побывать на Марсе, и вы хотите от него избавиться, — резюмировал доктор, когда Сильвестр закончил свой рассказ.

— Именно так, если эта задача для вас решаема.

— Думаю, нам хватит одного сеанса, — со знанием дела произнес доктор.

— Неужели? Я столько лет вынашивал эту мечту — а вы избавите меня от нее за один раз?

— В состоянии транса с психикой человека можно творить чудеса. Поверьте моему большому опыту. Итак, если вы готовы, то приступим, — доктор встал из-за стола и, подойдя к пациенту, положил руку ему на плечо.

— Я готов, — Сильвестр сделал глубокий вздох и расслабился, отдавая себя во власть психотерапевта.

— Выполняйте мои команды. Сейчас поднимите руки перед собой, ладони напротив друг друга. Представьте, что между ними — магнитная подушка. Поиграйте с ней.

Сильвестр сделал все, как было велено. Игра с «магнитной подушечкой» увлекла его, комната словно растворилась и исчезла, остались только руки, играющие с невидимой полевой структурой, голос психотерапевта как будто звучал у него в голове.

— А сейчас соберите между своими руками все образы, связанные с вашей мечтой. Если надо, то уменьшите их до нужных размеров, чтобы они все там поместились.

Черeda образов поплыла из глаз Сильвестра в сторону его рук, залипая в вязкой магнитной субстанции: Марс, книги, телескопы, всевозможные сувениры — казалось, этой веренице не будет конца...

— Если вы уже готовы, то начните стирать сложившуюся мозаику своим внутренним ластиком.

Но Сильвестр не был пока готов. Последним его сознание выплеснуло кусок марсианской породы размером где-то с кулак. Он занял положение между рук, затмив собой собранное там месиво из образов, но почему-то не захотел принять нужный размер и вообще был каким-то неуправляемым.

— Боже мой, что это? — услышал Сильвестр сильно приглушенный шепот психотерапевта, в котором угадывались испуг и удивление одновременно. — Пациент, я прошу вас на раз-два-три вернуться в реальность. Раз, два, три...

Подчиняясь просьбе доктора, Сильвестр вышел из транса. Еще несколько секунд он приходил в себя, пока сознание не прояснилось полностью. Он посмотрел на свои руки и... обомлел.

У него между руками что-то висело. И этим «чем-то» был тот самый образец породы, который только что был объектом его воображения.

От неожиданности Сильвестр отдернул руки, и камень с грохотом упал на пол. Сильвестр поднял глаза на доктора, тот стоял с открытым ртом и наблюдал за происходящим. Их взгляды сошлись, в комнате повисло минутное молчание.

— И что это было? — Они задали вопрос одновременно. И оба тут же пожали плечами.

— Похоже, что образ, возникший у вас в голове, материализовался, — первым вышел из оцепенения доктор.

— Но этого не может быть.

— Как видите, может. Кстати, это предмет вам знаком? — в докторе проснулся дух исследователя.

Сильвестр внимательно оглядел лежащий на полу камень.

— Знаком. Это точная копия образца марсианской породы из моей коллекции.

— Очень интересно, — задумчиво произнес доктор. — Мы немедленно летим к вам домой.

* * *

Как только они добрались до дома, то сразу бросились к стеллажу, где хранилась коллекция марсианских камней. И второй раз за день обомлели. Нужного образца на месте не оказалось.

— Так что же получается — это была не копия образца, а сам камень? — спросил Сильвестр, все еще с трудом веря в произошедшее.

— Получается так. Телекинез и нуль-переход в одном флаконе. Похоже, ваш феномен куда многограннее, чем думали раньше. Дайте-ка, я себе-рус с мыслями, — доктор принялся растирать виски.

Полчаса Сильвестр ерзал на стуле, ожидая, когда же доктор даст хоть какое-то объяснение случившемуся. Наконец тот созрел и, приняв позу оратора, начал говорить:

— Итак, моя гипотеза такова. Человек, как мы знаем, продолжает эволюционировать на уровне сознания. Существует предположение, что этот процесс будет идти как минимум в два этапа. Сначала человек обзаведется такими способностями, как ясновидение, телепатия и сможет с помощью сознания заглядывать в самые отделенные уголки Вселенной. Зачатки этих способностей мы встречаем на всем протяжении истории, надеюсь, приводить примеры будет лишним...

— Продолжайте.

— Затем у человека разовьется способность творить с помощью мысли, причем в космических масштабах: терраформирование планет, изменение орбит астероидов и все такое прочее. К зачаткам таких способностей относится тот же телекинез. Теория на грани фантастики, но, согласитесь, она имеет право на существование.

Сильвестр несколько раз кивнул. Лучшего объяснения он предложить не мог.

— Ваш феномен из той же оперы. Вы не просто владеете способностью передвигать предметы на расстоянии, но и можете перемещать их через подпространство. Конечно, не без побочных эффектов — вы сами лишены возможности совершить нуль-переход. Но то, чем вы обладаете, мне кажется, того стоит.

— Но вы уверены, что это явление устойчиво? — спросил Сильвестр.

— А мы сейчас это проверим.

Уже через минуту в руках у Сильвестра был еще один образец породы, добытый из закрытого шкафа. И на этом эксперименты не закончились.

Волшебный магнит притянул еще кучу предметов, о которых Сильвестр знал, что они есть и где они находятся — это было важной деталью, выявленной в ходе опытов. Еще через час выяснилось, что совсем не обязательно входить в транс и концентрировать внимание на невидимой субстанции, и что предметы можно не только притягивать к себе, но и возвращать на место. Затем Сильвестру удалось силой мысли проветрить комнату — притом что окна и двери были закрыты. Потом он уловчился взобраться на удерживаемый в воздухе стол, помог залезть на него доктору — и они немного полетали по комнате. А в завершении, когда они устали и им захотелось перекусить, Сильвестр с огромным удовольствием накрыл стол снедью прямо из закрытого холодильника — конечно, теми продуктами, о которых помнил.

Когда они закончили трапезничать, Сильвестр, до этого даже немного повеселевший, вдруг снова погрузился и спросил:

— А с Марсом-то что делать, доктор? С мечтой-то моей как мне быть?

Доктор задумчиво посмотрел на Сильвестра, почесал затылок и вдруг оживился.

— А разве вы еще не поняли, что эти необычные способности — это ваш билет на Марс?

— Что вы этим хотите сказать?

— Вы только представьте себе, как вы подвешиваете в воздух одну ступеньку, потом другую и по ним поднимаетесь в небо. Вы выходите в открытый космос...

— В открытый космос? Вы смеетесь? Там холодно и нечем дышать, а потом — невесомость, излучения... Я же погибну!

— Какие проблемы? С помощью силы мысли вы обеспечиваете себе приток воздуха, тепла, создаете точку опоры, магнитный щит против солнечного ветра. Строите перед собой участок дороги, а пройдя по нему — удаляете, чтобы не засорять космическое пространство. И вперед, на Марс!

— Пешком на Марс? Но ведь это примерно пятьдесят шесть миллионов километров.

В воображении Сильвестра творилось черт те что. Он с большим трудом переваривал услышанное. Тогда доктор попытался прийти на помощь:

— Вот смотрите. Если вы будете передвигаться более-менее быстро, например, со скоростью восемь километров в час... — доктор что-то прикидывал в уме... — Да неважно, позже сосчитаете, сколько это займет времени. Ведь вам всего сто сорок восемь, насколько я помню, а с учетом

среднего возраста жизни человека в тысячу лет еще, вы и пожить там успеете, и посетить еще и другие поселения людей в Солнечной системе!

— Да, но ведь мне надо будет как-то питаться, брать где-то материалы для строительства дороги. Положим, воздух представить мне будет не сложно, его много и он везде. А все остальное?

Идея путешествия на Марс пешком все еще не укладывалась в голове Сильвестра. А вот фантазия доктора включилась на полную катушку:

— Опять же все решаемо. Вы сможете в любое время воспользоваться стереовизиром, на который будут транслироваться изображения всех заказываемых вами предметов. На Земле они будут всегда доставляться в одно и то же место, о котором вы будете помнить, и всегда сможете проконтролировать его вид по тому же стереовизору. Там же устроят склад материалов, резервуар с чистой водой...

— Но кто займется этим?

— Можете быть уверены — все! Вас поддержит все человечество! Это будет самый невиданный аттракцион. Можно будет запустить целое интерактивное шоу. Вы станете самой настоящей звездой воистину космического масштаба! — указательный палец доктора взметнулся к небу.

Доктора понесло. Сильвестр смотрел ему в рот, не отрываясь, словно загипнотизированный — и постепенно понимал, что он действительно находится в каком-нибудь миллиарде шагов от своей мечты...

* * *

Свой путь Сильвестр начал, конечно же, не прямо с земли. С помощью воздушного шара, на котором крупными буквами было написано «Мечты сбываются», он поднялся на максимальную высоту и уже оттуда, из стратосферы, начал возведение первых ступенек своей небесной лестницы. В качестве самого первого ее пролета он «повесил» в воздухе длинный железный трап с перилами, схватился за них и, торжественно попрощавшись с родной планетой и еще более патетично произнеся «Ну, пошли!», сделал свой первый шаг в неведомое. За ним другой, третий...

...Выйдя из земной сферы притяжения, Сильвестр начал экспериментировать с «дорожным строительством». Все шло по плану. Дорога возникала перед ним прямо из вакуума, и в нем же растворялась у него за спиной. Покрытие можно было выбирать на любой вкус и цвет, будь то земля, песок, асфальт, бетон, гравий, брусчатка. Воздух он тоже менял по настроению: хочешь — морской, хочешь — лесной, хочешь — горный, прохладный, теплый, с добавлением любых ароматов. Захотел с ветерком — пожалуйста, с ветерком. Дождик? На тебе дождик.

Однако Сильвестр оказался еще предусмотрительней. На Земле он собрал целый парк из средств передвижения, правда, из тех, что попроще. И теперь устраивал тестовые заезды. Скейтборд, роликовые коньки, самокат, велосипед — во всем ему сопутствовала удача. Теперь он подумывал о зимних коньках, о лыжах, и даже о верховой езде на лошади — почему бы и нет. Почему бы не устроить на этом островке материи среди бескрайних

просторов космической пустоты заплыв на байдарке? А еще лучше развалиться на надувном матрасе, заказать вкусный коктейль и позагорать под открытым солнцем. Ведь путь на Марс может быть и водным.

Раз в месяц состояние здоровья Сильвестра проверяли лучшие земные специалисты, которых он телепортировал туда и обратно вместе со всем необходимым оборудованием. А еще за жизнью «межпланетного пешехода» в его космической обители наблюдали стереокамеры. Двадцать четыре часа в сутки на всех населенных телах Солнечной системы транслировалось это необычное шоу. На досуге Сильвестр выступал с лекциями о Марсе, пропагандировал здоровый образ жизни и рекламировал всякие товары, чаще полезные, но иногда и бестолковые. Лучшие производители поставляли ему все необходимое, в лучших ресторанах Солнечной системы ему готовили еду. Самые привлекательные женщины Земли мучились теперь, что не были знакомы с ним раньше, а лучшие из обитательниц Марса мечтали пригласить его к себе в гости по прибытии.

А однажды на связь с Сильвестром вышла одна симпатичная особа. Она предпочла не раскрывать своего имени, но уж больно похожа была на титулованную «Мисс Вселенную» этого года. Она спросила:

— Не будете ли вы против, если иногда, — это слово она произнесла с какой-то особенной интонацией, — я буду скрашивать ваше одиночество в пути?

Сильвестр был мужчиной свободным, а потому противиться судьбе не стал. Стоит ли отказываться от дополнительных бонусов?

Об авторе

Родился в Москве в 1972 году. По образованию политолог. Занимался политическими технологиями, журналистикой. Публиковался в общероссийских и региональных СМИ. Работал редактором различных изданий и интернет-проектов. Член Союза журналистов РФ. В настоящее время — директор рекламно-полиграфической компании. Коуч, тренер личностного роста. Первые «бумажные» публикации рассказов были в № 1 за 2008 г. «Знание-сила: Фантастика» — рассказ «Компьютерра», № 4 за 2008 г. — рассказ «Колодец», в № 1 за 2010 г. — рассказ «Путешествуйте по созвездиям!», в № 1 за 2012 г. — рассказ «Поселенная» и в № 2 (19) за 2014 г. — рассказ «Фоторобот преступника».

Александр Марков

Мой первый космический корабль

повесть

Господину Г. У. посвящается

Сложное это дело — покупать космический корабль. У меня голова кругом шла от обилия моделей, представленных в интернете. Я уж и сам был не рад этой затее, но с детства я ведь мечтал стать космонавтом и теперь хотел эту мечту осуществить, благо неожиданно на меня свалилось наследство в виде скромной двухкомнатной квартиры в Московском районе.

Располагалась она всего лишь в ста километрах от Кремля, и в центр города от нее на пневмоэлектричке можно было добраться минут за пятнадцать, но переезжать я туда не собирался. Не люблю я эту людскую суетность. А оставлять эту квартиру в своей собственности выходило накладно, потому что налог на жилье, в котором ты не живешь, съедает бы не только всю арендную плату, вздумай я эту квартиру кому-то внаем сдавать, так еще пришлось бы доплачивать из своего кармана. Такая головная боль мне была не нужна.

Денег, которые я смог выручить от продажи этой халупы, хватало как раз на космический корабль экономического класса, но довольно скоро я выяснил, что таких моделей в свободной продаже практически нет. За ними записывались в очередь, и свой корабль приходилось ждать от трех месяцев до года.

Удрученный таким открытием, я кликал на изображение той или иной модели, и ее голография тут же появлялась над моим столом, кружилась, показываясь мне во всех своих ракурсах, а у меня сердце биться сильнее начинало, когда я думал, что смогу купить что-то подобное и поставить во дворе своего дома.

Одновременно я изучал комментарии под фотографиями. Кто-то писал о том, что у него прохудился бак с топливом, когда он летел к Меркурию, и если бы не спасательный бот МЧС Российской Империи, то этот отпуск стал бы для него последним и закончился пикником на Солнце. Другие комментаторы начинали обсуждать уже этот рассказ, постепенно скатываясь на взаимные оскорбления и не утруждая себя даже ставить точки вместо нецензурных слов.

Постепенно я зарывался во всем этом словесном хламе, ни на шаг не продвигаясь к решению основной задачи — на какой модели остановить свой выбор и как ее заполнить.

Ждать даже три месяца я был не в состоянии, потому что к тому времени, как очередь до меня дойдет, я не был уверен, что по-прежнему буду хотеть обзавестись космическим кораблем. Да и деньги уйдут на что-то другое.

На вторичном рынке спрос тоже заметно опережал предложение, и поэтому в число не дефицитных попали только одно и двух местные европейские корабли повышенной комфортности. Они стоили столько же, сколько годовой бюджет какой-нибудь из слаборазвитых африканских стран, и позволить их себе могли разве что топ-менеджеры моей родной манчегорской нефтяной компании. К их числу я не принадлежал. Я до самой смерти не накоплю на такой корабль, даже если перестану есть, пить и дышать, и начну откладывать в кубышку все заработанные деньги. Все остальные корабли, если только продавец не ставил заведомо завышенную цену, улетали с такой же скоростью, как горячие туры на египетские курорты в сезон отпусков.

Попадались еще какие-то самодельные конструкции. Но добрые люди, оставлявшие на разных форумах свои комментарии, писали, что, купив такой корабль, ты становишься летчиком-камикадзе. Возможно, ты и взлетишь, но вот посадить свой корабль уже не сможешь. Эти корабли просто созданы для склонных к суициду людей, чтобы они наконец-то смогли осуществить свою мечту.

Положим, большая часть высказываний была лишь черной завистью тех, у кого руки растут не из того места и сами они корабль смастерить не могут, вот и вынуждены выливать ушаты грязи на тех, кто все ж сумел его сделать.

Сообщений о крушениях таких кораблей было не много и все — без летальных исходов, но все ж я не чувствовал к ним доверия.

Надо было хвататься за первое более-менее сносное предложение о продаже серийной модели. Но вот как угадать — сносное это предложение или нет? Ведь мало чего там продавец напишет о том, что в космос он лишь один раз поднимался, да и то — до Луны, так что пробег у корабля совсем маленький и даже миллиона километров нет. На поверку-то окажется, что он гонял его по всей Солнечной системе, израсходовал весь ресурс двигателя, и его надо перебирать.

«Будь что будет, иначе я съеду с катушек».

Обозначив предельную стоимость корабля, я поставил компьютер на постоянный поиск объявлений о продажах и стал ждать — когда же удача мне все ж улыбнется. Спустя два часа она явилась ко мне в виде пятилетнего корабля с труднопроизносимым китайским названием, которое я не берусь воспроизвести, потому что обязательно ошибусь. Переводилось оно как «Великий путь 2».

В нем был минимальный набор опций. Отсутствовала даже голографическая стюардесса, но вот что-что, а голографические стюардессы меня несколько не интересовали, да и какой мне от нее прок, если она будет

говорить на китайском? Дальность полета ограничивалась Луной, но мне больше было и не нужно.

Какой-то остро слов, выступавший в инете под ником «Пересмешник», успел написать про этот корабль — «Китайское барахло». Прежде чем этот комментарий исчез, оппоненты успели написать; «а у тебя какой дебилый дебил?», «убить Пересмешника», и «свободу народам Тибета».

— Надо брать, — засосало у меня под ложечкой и, не очень вдаваясь в конструктивные особенности корабля, я поспешил, пока меня не обогнали конкуренты, заключить контракт на его покупку и доставку.

Сдвоенную железнодорожную платформу с кораблем я пришел встречать на вокзал, предварительно арендовав большегрузный тягач. Доставать его оказалось целой проблемой, потому что машина с требуемой грузоподъемностью нашлась только в армейской части ракет стратегического назначения. Первоначальный срок годности всех ракет на этой базе истек лет десять назад. Но ее командиру полковнику Арсению Прилипало все время удавалось доказать членам комиссии, приезжавшим из штаба округа на инвентаризацию, что ракеты сделаны на совесть, имеют большой запас прочности и прослужат гораздо дольше, нежели отпущенный им на заводе-производителе срок. Аргументы свои он подкреплял материальным стимулированием в виде денег, застолья и бани, да и сами члены комиссии дураками не были и понимали, что если они спишут эти ракеты, то проверять им будет нечего и их самих вскоре отправят в отставку. Так что если помимо металлических корпусов от ракет ничего и не останется, они все равно будут стоять на боевом дежурстве, охраняя небо страны, а вернее, давая полковнику Арсению Прилипало по-прежнему занимать не самое плохое место в этой жизни. Он уверял, что ракеты могут долететь даже до Луны, а уж до территории предполагаемого противника и подавно. И если кто в этом сомневается, то полковник готов привязаться к любой из них проволокой, все-таки кабины для пилота-смертника в них не предусмотрели, и совершить полет до земного спутника, прогуляться по морю Спокойствия и вернуться обратно. Такой жертвы от него не требовали и верили на слово.

Тягач полковник предоставил мне только после длительных просьб и увещаний в виде изрядного количества наличности, превосходившей его штатный годовой оклад, и ящика элитного коньяка из армянских провинций. За более скромную сумму он выделил мне еще и кран, и уже совсем бесплатно — двух бестолковых сержантов, в обязанности которых входило следить за тягачом и краном, а то вдруг я намылюсь их угнать и помчусь сквозь непроходимые леса в сторону границы, чтобы продать это барахло тридцатилетней давности на металлолом.

Сержанты согласились подождать тягач и кран к платформе, на которой покоился космический корабль, лишь после того, как я пошуршал у них перед носами несколькими крупными купюрами, пообещав, что отдам им деньги, сразу как они доставят корабль к моему дому.

В глазах сержантов начал разгораться алчный блеск, который явно в них не появился б, продемонстрируй я им не наличность, а банковскую карточку, и заяви, что переведу на их счет обещанную сумму. Сержанты стали еще

требовать от меня и ужин в самом престижном ресторане Манчегорска «Северное сияние» со стриптизом, но по лицам их я видел, что корабль они повезут и без этих уступок с моей стороны.

— Нет! Хватит! Вы итак из меня все соки выпили!

В разговоре с такими типами надо твердо отстаивать свои позиции, иначе дашь один раз слабину — от тебя уже не отстанут и будут требовать еще и еще, пока не вгонят в долговую яму.

Для сохранения достоинства в собственных глазах, они еще немного потянули время, изображая на лице бурную мозговую деятельность, после чего сказали мне, что согласны на мои условия, и мы ударили по рукам.

Сопровождающий корабль молодой человек в сером итальянском костюме с серебряным отливом взял у меня автограф на бланке доставки товара, вручил инструкцию по пользованию, документы на корабль и поинтересовался — не имею ли я каких-либо претензий.

В конструкциях космических кораблей я ничего не понимал. Привези мне его лишь с тремя дюзами вместо четырех, я поверил бы в уверения, что так первоначально и задумывалось и корабль исправен.

— Как на нем летать-то? — все-таки спросил я.

— О, проще простого. Коробка скоростей автоматическая. Автопилот есть. Можете вообще ничего не делать. Садитесь в кресло, вводите в бортовой компьютер информацию о том, куда хотите долететь, и все.

— И все? — не поверил я.

— До Луны и четверти бака хватит. А дальше нельзя. Ограничения стоят и если вы на Венеру или на Марс задумаете лететь — на этот модели ничего не выйдет. Она ж для ближнего космоса рассчитана. Автопилот включится автоматически и повернет корабль обратно, — и он хитро улыбнулся, вероятно, намекая на то, что в России испокон веков всякие ограничения на иностранной технике мог снять любой алкаш. — У вас в Манчегорске есть заправочные станции?

За кого он нас считает? Да у нас тут собственный нефтеперерабатывающий завод есть, и нефти под ногами — залейся по уши. Качают уже лет пятьдесят и все никак не выкачают, хоть под каждым домом бури скважину и устраивай маленьких заводик по ее переработке. Он понял свою оплошность и чуть поправил свой вопрос:

— Заправки с топливом для космических кораблей.

— Понятия не имею, — стал размышлять я. На бензоколонках я, кажется, подобных объявлений не встречал. — Э, ну я думал, что топливо к кораблю прилагается. На один полет хоть.

— Что вы? Корабль нельзя перевозить заправленным. А топливо заказывается отдельно. В совершенно других фирмах. Вот. Рекомендую, — и он протянул мне рекламные проспекты, в которых предлагалось самое разнообразное космическое топливо, соответствующее международным стандартам. — Там вам посоветуют, что лучше приобрести. Заказывать будете, не забудьте сообщить — от кого вы про фирму эту узнали. Вам тогда скидку сделают в пять процентов. Вот на всякий случай моя визитка, — сопровождающий протянул мне пластиковую карточку.

— Спасибо, — буркнул я, повертел карточку в руках, делая вид, что

читаю, оттиснутые на ней имя и фамилию, но конечно их не запомнил и запихнул карточку в карман куртки. Скидка это конечно обычный маркетинговый трюк, чтобы заманить клиента.

Я сидел в кабине тягача и с удовольствием наблюдал за тем, какие взгляды бросали на мое приобретение прохожие. Прежде подобного внимания удостоивался лишь гендиректор местного филиала нефтяной компании «Манчегорск-оил» Борис Вальштейн, когда он купил новую модель «Ламборджини». Посадка у нее была слишком низкой, и новый владелец смог проехать на ней лишь несколько сотен метров, после чего машина встала, потому что дорожные кочки и ухабы разбили ее днище так же хорошо, как если бы по нему проехали огромным напильником.

Испорченный автомобиль ремонтировать гендиректор не стал. Легче было проложить новую дорогу, но этого он тоже не сделал, опасаясь, что слухи, будто он бюджетные средства использовал в личных целях, могут дойти до головного офиса компании и за это его по головке не погладят. Правда, его должность, как и у большинства топ-менеджеров компании, вот уже третье поколение по наследству переходила к старшему сыну в семье. Даже совет директоров не мог отправить его в отставку, но и нервы свои трепать не хотелось, ведь всегда найдется какой-нибудь блогер, оплаченный недоброжелателями, который исказит реальность. Поди докажи тогда, что заботился ты исключительно о народонаселении, о том, чтобы в районе дороги наконец-то стали хорошими, а вовсе не о том, чтобы твоя машина с низкой посадкой могла доехать до офиса компании.

На свои деньги прокладывать дорогу он категорически отказывался, и когда на пресс-конференции какой-нибудь неопытный репортер задавал Вальштейну подобный вопрос, тот в шутку говорил, что вся сила Российской империи как раз в плохих дорогах, потому что все враги, которые приходили в наши края, из-за плохих дорог здесь навсегда и оставались. В этом контексте он вспоминал, что большинство из российских высокопоставленных чиновников, вместе с потомственной должностью, получают и потомственный запрет посещать страны Евросоюза, Североамериканские штаты, Британию и ее прихлебателей.

— Ну и черт с этой Европой и Америкой! — кричал тогда Вальштейн. — Не хотят, чтобы мы туда ехали, сами приедут!

Он вовсе не намекал на то, что надо ввести свободное хождение евро и долларов на территории нашего дистрикта. Вовсе нет. Он покупал старинные европейские замки, которые привозились к нам в Манчегорск в разобранном виде, а потом собирались здесь, строил копию Статуи Свободы в натуральную величину и копии прочих мировых достопримечательностей, которые воочию увидеть не мог.

Он и пирамиды Египетские возвел бы.

— Сделайте лучше, чтоб столовая нефтеперерабатывающего завода работала по принципу все включено, — предложил кто-то из горожан на митинге, отговаривая гендиректора строить пирамиды. Все ж чуть ли не весь Манчегорск по несколько раз уже перебивал на египетских курортах, пирамиды эти повидал и хотел от них хоть на родине отдохнуть.

— А и сделаю, — распалился Вальштейн.

И ведь сделал. После всех этих трат и забот об улучшении инфраструктуры нашего города, как-то язык не поворачивался упрекнуть его в том, что руки у него не доходят до дороги.

К слову, гендиректор нашел способ, как решить проблему, вовсе дорогу не ремонтируя. Слуги вытаскивали «Ламборджини» из гаража вручную, впрягаясь в нее, как бурлаки, водружали на платформу, на которой обычно перевозили разную гусеничную технику, цепляли к тягачу, гендиректор забирался в салон, садился за руль и после наслаждался триумфом, который производила на улицах эта конструкция.

Мой триумф был не меньшим. Чтобы его закрепить, следовало зайти в какой-нибудь бар, заказать там чашечку кофе и пообщаться с тамошними посетителями. Но мне очень хотелось быстрее поставить корабль во дворе своего дома и посидеть в кабине, вот я ни на минуту и не хотел оттягивать эти счастливые мгновения.

Сержанты сгружали корабль, будто это железобетонная плита. Приходилось то и дело на них покрикивать, чтобы они не смяли дюзы.

— Не бойсь, — успокаивали они меня, — Скоко раз всякие ракеты сгружали и ничего. Не поломали.

Не стал я с ними спорить, доказывать, что в ракетах, с которыми они прежде встречались, давно уже нет никакой электронной начинки.

— Эй, хозяин, добавить бы надо! — сказали хором сержанты, когда я стал с ними рассчитывать.

— Как договаривались! — отрезал я, строго посмотрев на них.

— Ты если что — сообщай. Поможем.

— Непременно.

Как и следовало ожидать, на манчегорских бензоколонках космические корабли не заправлились. Топливо для моего приобретения пришлось выписывать через интернет. На оплату нового счета денег уже не хватило. Пришлось выкручиваться, распродать кое-что из бытовой электроники. Бочки с топливом обещали привезти через три дня. За это время я решил изучить инструкцию. Она была на китайском. Пару минут я смотрел на нее с таким же интересом, с каким археолог смотрит на неведомые письмена. Отсканировав текст, я натравил на него программу-переводчика и спустя всего пятнадцать минут получил русскую версию инструкции. Текст получился немного кривобоким. Попадались фразы вроде «жать лево очень сильно». Подобными по стилю надписями жители Турции или Египта снабжают фотографии девушек на сайтах знакомств.

То же самое я проделал и с надписями, которые значились под приборами и на стенах салона. Переписывать их от руки я не решился. Воспроизведешь чуть не так какую-нибудь закорючку и смысл фразы или слова — изменится и в результате во время полета, вместо кнопки «ускорение», нажмешь на кнопку «экстренная эвакуация». Так рисковать я не мог.

Корабль, вероятно, делали для внутри китайского использования. Его внутренности изобиловали абсолютно необъяснимыми с функциональной точки зрения разноцветными пластиковыми вкраплениями. Я подумал, что

если включить в корабле все приборы, то в нем можно будет устраивать ретро-дискотеку.

Надписи я отсканировал, перевел, а потом распечатал их на клейкой ленте и залепил ею иероглифы, чтобы впредь они меня не смущали. В корабле стало сразу уютнее.

Изучать инструкцию мешали повадившиеся ходить в гости соседи. Они прямо хороводы вокруг корабля водили, будто это новогодняя елка. Смотрелся он не очень экзотично. Семиметровая труба диаметров в четыре метра с заостренным носом. Перед продажей его даже не удосужились заново окрасить, чтобы он выглядел попрезентабельнее, нежели сейчас. Корпус покрывал слой нагара. Изредка кто-то просил разрешения забраться внутрь, но я оставался непреклонен.

— Когда полетишь-то, Гагарин? — спрашивали соседи.

— Скоро.

— И куда?

— Далеко.

— Покупку-то обмыть надо, — не унимались соседи.

— Обязательно, — огрызнулся я.

— Когда?

— Сообщу.

— Ну, будем ждать.

После столь содержательного разговора соседи, еще с несколько минут поглазев на корабль, уходили удовлетворенные посещением.

Много места на корабле занимал туалет, шкаф со скафандром и запасом баллонов с дыхательной смесью. Помимо голографических стюардесс, в корабле не предусмотрели таких излишеств, как микроволновая печь и холодильник. Оказалось, что ни хранить продукты негде, ни разогревать. Чтобы с голоду не помереть, придется набирать с собой консервов и бутербродов, пакетиков с соком и термосов с кофе и чаем. Я подумывал, а не прихватить ли с собой электрический чайник, тогда можно ограничиться сублимированными продуктами и водой, но автономного работающего чайника в моем хозяйстве не было, а в корабле не было розетки, куда я смог бы воткнуть вилку от чайника. Может такой чайник был у кого-то из моих соседей, но ведь они взамен попросят в кабине корабля посидеть, а то и взять их в полет. Обойдутся. И я обойдусь.

Я слишком поздно вспомнил о том, что существует такая полезная вещь, как пища в тубиках. В местном супермаркете такой конечно не оказалось. Ее тоже надо было заказывать и ждать доставки дня два-три. Такое ожидание выдержать я был уже не в силах. Этак потом отыщется еще одна причина отложить старт, следом появится другая, третья, и в результате я никуда не полечу, а корабль прирастет днищем к земле и превратится в нечто схожее с «Ламборджини» Вальштейна, то есть в бесполезную грудку металла. Не уверен, что мне на нее будет так же приятно смотреть, как ему.

Экскурсантов день ото дня прибывало. Они мне до того надоели, что я уж подумывал ввести плату за осмотр корабля. Он, правда, все равно был виден с улицы, но если кто его поближе осмотреть захочет, я смогу немного пополнить свой истощенный банковский счет. Я буду говорить, что деньги

их идут на закупку топлива, то есть они финансируют некий благотворительный фонд под названием «В помощь первому космонавту Манчегорска», но претворить эту идею в жизнь я не успел. Мне привезли бочки с топливом.

Произошло это под вечер. На время полета я взял отпуск и готов был лететь хоть ночью, сразу же, как перекачаю топливо из бочек в баки, но все равно пришлось отложить старт до утра. Я не хотел будить соседей. Им завтра на работу. Спросонья они могли принять рев работающих дюз за какое-нибудь стихийное бедствие, выбежать на улицу в чем спали, а выяснив, что на самом-то деле причиной их беспокойства стал я, пожелать мне не доброго пути, а ... ну, что-нибудь похожее на то, что желают авто-лихачам: «Чтобы провалился!», «Чтоб ты сгорел!».

Мне будет стыдно возвращаться.

С этими мыслями я заснул.

Пока я спал и уже видел себя в космосе, какой-то хулиган, перебравшись в ночи через мой забор, подобрался к кораблю и нарисовал на нем красной аэрозольной краской приличных размеров надпись «Нефтяник-чемпион».

Обнаружив ее поутру, я разозлился, стал оглядываться по сторонам, будто хулиган все еще прятался где-то поблизости и наблюдал за моей реакцией, но он, конечно, давно испарился, а за футбольную команду «Нефтяник» болел весь город и надпись эту мог написать кто угодно.

С полминуты я обдумывал ситуацию, потом решил, что не стоит идти домой и искать там растворитель, разбрызгивать его содержимое поверх аэрозольной краски и стирать надпись. Никто ее не увидит, а когда я буду взлетать — она сама исчезнет, сгорев в плотных слоях атмосферы, и наконец — я ведь тоже болел за «Нефтяник» и, будучи чуть помоложе, несколько раз ездил следом за любимой командой на матчи в другие города.

Хулиган ведь мог написать какую-нибудь гадость про своих одноклассников или про губернатора области, или про его любовницу. Вот тогда мне точно пришлось бы стирать эту надпись.

Жаль только, что «Нефтяник», несмотря на то, что там играли очень дорогие бразильские футболисты, так и не поднимался в первенстве Российской Империи выше пятого места. Болельщики других команд всегда издевались над нами, спрашивая — а что, всех футболистов «Нефтяника» в нефти купают, прежде чем они на поле выходят? Этим они намекали на их темный цвет кожи.

Как сообщалось в инструкции — в радиусе пяти метров от корабля выхлопные газы становились абсолютно безопасными. От моего старта в худшем случае у соседей зазвенят стекла в окнах, а шума будет меньше чем при раскате грома.

Но когда я завел двигателя, подо мной будто бомба взорвалась, а в кабине стоял такой грохот, что я почувствовал себя бароном Мюнхгаузеном, как раз в тот момент, когда его отправили на пушечном ядре осматривать турецкий лагерь.

— Поехали! — крикнул я, улыбаясь, как лягушка.

Пожалуй, старт мой принес соседям больше неприятностей, нежели

только дребезжащие стекла. Глядеть в иллюминатор я боялся — вдруг увижу под собой пылающие дома. Тогда пришлось бы просить политического убежища по другую сторону планеты. Избавлен я был от этого зрелища еще и потому, что перегрузка вжала меня в кресло, я с трудом мог пошевелиться, чувствуя, как стекает по лицу кожа, собираясь складками на скулах.

Через несколько минут эти неприятные ощущения закончились. Я почувствовал невообразимую легкость, выйдя на околоземную орбиту.

Сперва я хотел ограничиться несколькими витками вокруг Земли, но, увидев насколько она красива и как прекрасен вид Луны из космоса, решил отправиться к спутнику и высадиться на его поверхности — благо топлива в баках хватало, чтобы совершить без дозаправки подобную экспедицию раза три.

Увидев, как плывет неподалеку от меня термос, я захотел попить кофе и немного взбодриться. Я отстегнул страховочные ремни, оттолкнулся от кресла, но сделал это слишком сильно, врезался в термос, пролетел дальше, таща его за собой, и сильно стукнулся о стену кабины.

Не выстави я перед собой руки, амортизируя этот удар, заработал бы перелом ребра или в лучшем случае приличные синяки и ушибы. Рядышком стукнулся в стену термос, отлетел в сторону и задрейфовал к противоположной стороне кабины.

На этот раз я поймал его элегантно, бросившись к нему вперед руками, как вратарь, перехватывающий навес в его вратарскую площадку, обхватил, но когда прижал к груди, то почувствовал, что в термосе что-то гремит, поднес его к уху и взболтнул. Так и есть. Он был наполнен битыми стекляшками, в которые превратилась колба.

Отказываться от кофе не хотелось. Разбитый термос я запрятал, чтобы он не попадался мне на глаза, отыскал другой, отвинтил у него крышку, стал осторожно наливать кофе, но как ни старался, несколько капель улетели, и теперь, собравшись в коричневые дрожащие шарики, перемещались по кабине, как неведомые науке насекомые. Я решил их изловить попозже, а пока устроился возле иллюминатора, попивая вкусный кофе из герметически закрытого стаканчика.

Блаженное это состояние — перелетать от стенки к стенке. Поначалу я этим так увлекся, что забыл о времени. Путешествие к Луне заняло восемь часов, и уже к его середине я притомился, уселся в кресло и занимал свой ум тем, что слушал записи любимых групп. Можно было включить какую-нибудь голографическую постановку, но ее я мог и дома посмотреть. Лучше уж пялиться в иллюминатор. Когда еще Землю с такой высоты увидишь?

Я уж со счета сбился — сколько раз навстречу мне попадались космические корабли, возвращавшиеся с Луны. Не менее сотни. Траектории наши проходили друг от друга на расстоянии не более нескольких километров. Но вероятность столкнуться с ними была близка к нулю. За безопасностью следил авто-навигатор. Кто-то мигал мне бортовым освещением. Жест этот воспринимался как приветствие, а не по аналогии с наземными дорогами, как предупреждение о том, что за поворотом прячется сотрудник гос-автоинспекции. Я тоже мигал в ответ.

Такая загруженность трассы навела меня на мысль, что на Луне сейчас

и ступить будет негде, как на популярном пляже в купальный сезон. Вышло не совсем так. Совершив оборот вокруг Луны, я обнаружил позывные нескольких тысяч небольших кораблей на ее поверхности. Видимость была превосходной, и порой я наблюдал, как солнечный свет отражается бликами от их поверхности. Они словно мне подмигивали.

В скафандр я облачился заранее. Когда корабль прилунился, двигатели затихли, а поднятые ими клубы пыли осели, я тут же выбрался наружу.

Место посадки на Темной стороне специально я не выбирал. Сел, как говорится, куда получилось, даже место с картой не сверил и поэтому не знал, как называются местные кратеры и горы.

— Вы что слепой? Не видите, что здесь люди?

Китайский мне еще в школе не давался. Оказываясь за границей, я не сильно улучшил его знание, объясняясь по большей части знаками, но все ж фразу, которая у меня в наушниках возникла — разобрал. Голос был мужским, человек, похоже, говорил без акцента.

Я вздрогнул от неожиданности. Я-то полагал, что никого здесь не потревожу, но оказалось, что ошибся, и пока я ступал на лунную поверхность, радостно прыгал по ней, оставляя свои следы, все это время на меня взирали два землянина в запыленных скафандрах. Чтобы найти их, пришлось головой во все стороны вертеть. Хорошо, не стал вверх смотреть, принимая этот голос за Глас Небесный.

— Простите. Я вас не увидел, — сказал я вежливо.

Один землянин решительно двинулся ко мне, но из-за низкой гравитации движения были мягкими и комичными, и прыгал человек будто мячик, по которому так и хочется заехать ногой. Похоже, точно такие же мысли, но по отношению ко мне, пришли и ему на ум.

Я приготовился достойно встретить наглеца.

Теперь замурлыкал что-то женский голос. В скафандрах-то и не определить, что это разнополая парочка, габаритами они друг от дружки совсем не отличались и были существенно меня пониже, так что не заговори со мной сперва мужчина, я принял бы этих туристов за двух женщин.

Девушка обращались не ко мне, а к какому-то Чену. Что она говорила — я совсем не понял, но после ее слов направлявшийся ко мне землянин остановился, развернулся и двинулся обратно.

Превосходно. Голова на плечах у него есть, иначе он нарвался бы на неприятности. Я же с честью вышел из затруднительного положения, а искать себе какое-либо другое место, чтобы дать этой парочке вовсю насладиться одиночеством, не собирался.

Впрочем, долгое пребывание на Луне в мои планы не входило. Изрядно наследив по округе, я сходил на корабль, нашел среди инструментов молоток, отколол от скал несколько кусочков, потом набрал в маленькую коробочку лунный грунт, но посчитав, что на этом моя миссия будет не завершена, выбил на скале собственное имя и только после этого отправился восвояси.

При старте я, кажется, вновь окатил поднятой выхлопными дюзами пылью китайскую парочку, но нисколько себя в это не винил. Взлети они пораньше, то пыль досталась бы мне. Вероятно, им очень не хотелось воз-

вращаться домой, где плотность населения не в сравнении больше, нежели на Луне, так что они готовы были терпеть временные неудобства.

На обратном пути меня потянуло в сон, и я проспал в кресле почти до самой посадки. Встреченные путешественники, видимо, считали меня невеждой и грубияном из-за того, что я не отвечал на их приветствия, но ведь я не мог этого сделать.

Из состояния сна меня вывел голос автопилота, сообщивший, что мы готовы к посадке, и он ждет от меня соответствующего приказа. Над моим домом была уже ночь, вернее приближался рассвет. Мое возвращение так рано грозило перебудить всех соседей, но не буду же я кружиться вокруг Земли ближайшие пару-тройку часов, дожидаясь, пока они соизволят проснуться. Знакомых в тех частях планеты, где сейчас был день и где я мог бы немного погостить, а домой вернуться попозже — у меня не водилось.

— Валяй, — подбодрил я автопилота.

— Простите, не понял? — послышалось в ответ.

— Разрешаю посадку, — сказал я, придавая голосу своему строгость и уповая на то, что выхлопные дюзы будут извергать топливо не столь громко, как при старте.

Меня в очередной раз вдавило в кресло. Однажды корабль дернулся, изменил траекторию, как впоследствии выяснилось, чтобы не столкнуться с авиалайнером. Я пролетел рядом с ним огненным метеором, а когда пассажиры лайнера поняли, что никакой я не метеорит, они стали сопровождать мое возвращение на Землю ругательствами и проклятиями. Слышны они были лишь соседям по салону да стюардессам, а до меня донесся только рев реактивных двигателей авиалайнера. Пассажиры снимали меня через иллюминаторы на свои гаджеты.

Как же изменились времена.

Раньше космонавтов встречали совсем не так.

Приземлиться незаметно я уже не надеялся.

Хорошо, что вообще приземлился, а то, признаться, у меня душа ушла в пятки, когда я видел — с какой скоростью на меня накатывается земная поверхность и заполняет весь иллюминатор. Стало так страшно, что хотелось уткнуться лицом в подушку. Подушки у меня не было, но глаза я все ж закрыл и открыл их, только когда понял, что корпус корабля перестал конвульсивно дергаться и затих. В ушах все равно гудело, но не из-за того, что работали двигатели, а потому что я оглох.

— Где я? — спросил я, приоткрывая сперва один глаза, а затем второй.

Никого из архангелов или рогатых ребят с вилами, нависавших надо мной, я не увидел, а это значило, что я не промахнулся и угодил ни на небеса, ни под землю, а точнѐхонько на ее поверхность.

Вывалившись из корабля, я опустился перед ним на колени, но не от того что захотел помолиться, а потому, что ноги мои, отвыкнув всего за несколько часов от земного тяготения, уже не держали тело. На меня из серой предрассветной тьмы надвигалось с десятков соседей. Они проникли в мой двор через выломанную калитку. Поскольку улетела она не во двор, а на улицу, я догадался, что это не они ее выбили, а скорее всего я выхлопами из дюз. Сам забор немного покосился.

— Хватит землю целовать, Колумб хренов, — это были первые слова, которыми меня встретили на земле, но уши мои все еще не могли отойти от шума посадки, в них стоял гул, я видел, что соседи что-то говорят, но ни слова из их речи не понимал.

Все еще воображая, что они решили-таки поприветствовать меня, сейчас поднимут на руки и начнут качать, хватаясь за теплый борт корабля, я встал на ноги, чтобы не встречать их на коленях.

— Привет, земляне! — сказал я, широко улыбаясь и махая рукой.

Как приятно оказаться в кругу знакомых. Они моих чувств не разделяли.

— Какие, на хрен, земляне? Ты чего Николаевич, префигел? А, блин? Ты знаешь, что нам все стекла выбил. Блин. Мы их только вставили, — кричал буровик из соседнего дома. Он был облачен в майку с надписью на груди: «Если я суну, то так польется..», и пузырящиеся на коленях тренировочные.

— Нам чё, больше тратиться не на что, как чтобы стекла вставлять, а? — вторила ему супруга с растрепанными волосами, помятой щекой, на которой виднелись глубокие полосы, оставленные подушкой. На ней был не застегнутый халат, брошенный на ночную рубашку. — Вон Машке новые ботинки купить надо и чё теперь?

— Ты чё молчишь то? Онемел? Все мозги повышибало? — подключилась к разговору еще одна соседская семья.

Им всем сопровождали две собаки. К их лаю последовательно подключились все остальные четвероногие обитатели Манчегорска, а заодно и те, кто в этот момент кроме как на четырех конечностях стоять не мог. Они подняли такой гам, что город всполошился и в тех домах, где не зажгли свет во время моего приземления, включили его сейчас.

Какие тут цветы, оркестр, да девушки в кокошниках с хлебом и солью? Не побили бы. Вообще-то, с соседями мы не ссоримся по пустякам и стараемся жить дружно.

Я подумывал, как бы мне вырваться из их окружения, сделать бросок к дому, запереться там как в крепости и переждать осаду. Не будут же они митинговать и штурмовать мою цитадель. На работу ведь скоро, пора завтрак готовить и кофе варить, а я, между прочим, сделал доброе дело — всех разбудил вместо будильника. Намекать на то, что всем уже пора по домам, я не стал, опасаясь, что еще больше разозлю соседей, и они меня точно побьют.

Я думал, что если вместо меня здесь приземлится инопланетянин, то, как только он выйдет из своего корабля, чтобы землян поприветствовать, мои соседи и слушать его не станут. Не разобрав — кто перед ними, они ударят его скалкой по голове, повалят на землю и начнут колотить ногами, выясняя — оплатит он счет от стекольной компании или нет? Инопланетянин ведь ни слова не поймет и ответить не сможет, а такой первый контакт будет чреват серьезными осложнениями, вплоть до межгалактической войны, которая оставит от земли лишь выжженную пустыню. Я-то все проблемы улажу.

— Оплачу. Оплачу, — отмахивался я, вновь опустившись на колени.

То ли эта поза, то ли моя последняя фраза успокоили соседей. Они пошли восвояси, кто кофе себе утренний готовить, а кто прерванные сны досматривать.

Не окажи мне соседи такой теплый прием, то, увидев свой дом с выбитыми стеклами, я вообразил бы, что это сделали хулиганы. Воспользовавшись моим отсутствием, они пробрались в дом и выкрали все ценные вещи. Сердце бы мое из груди выскочило от таких мыслей, а сейчас был на удивление спокоен. Никакие это не хулиганы, ничего они не украли, да и красть то у меня особо нечего. Сам виноват.

В доме было чуть прохладно. По комнатам гулял ветер. Хорошо еще, что все случилось летом. Зимой с выбитыми стеклами дом быстро промерзнет, превратится в ледышку и, прежде чем прогонишь поселившийся в нем холод, отогреть его придется не один час.

Битые стекла я выметал целый день, вроде все убрал, но маленькие крупицы впивались в подошвы ботинок еще месяца два. Все это время приходилось ходить по дому в тапках — иначе можно было получить небольшую травму.

Волосы мои вставали дыбом от счетов, которые несли мне соседи. Оценив мою щедрость, они заказали самые дорогие стекла — полимерные, не бьющиеся, заодно сменив и оконные рамы, заявляя, что и они пострадали во время моего взлета и приземления. Хотели еще всучить мне счет за лечение престарелой тещи буровика, то есть мамы его жены. Якобы у нее из-за меня случилось сердечное расстройство. Но в больницу она слегла за два дня до моего полета, так что я причиной ее заболевания стать никак не мог.

Трава во дворе выгорела. Пришлось сажать новый газон.

Помимо этого были — покраска закоптившихся стен, восстановление помятых крыш и упавших заборов. Соседи не утруждали себя поисками экономных предложений и транжирили мои деньги направо и налево. Я стал причиной короткого расцвета деятельности ремонтных фирм города. Впору им было даже открывать свои филиалы возле моего дома.

Попробуй я заикнуться соседям о своей неплатежеспособности. Они ведь меня тогда проклянут, затаскают по судам, все равно выиграют все процессы, благо свидетелем моего триумфального возвращения на Землю был чуть ли не весь Манчегорск, и добьются, что судебные приставы наложат арест на все мое движимое и недвижимое имущество, в том числе и на корабль. Только продав его, я и мог погасить все счета. Беспроцентную рассрочку они не предусматривали. Чтобы не накопились проценты, мне надо было погасить счета как можно быстрее.

Я связался с фирмой, которая продала мне корабль, и сообщил тамошнему менеджеру, что хочу его вернуть. Но всучить корабль за те же деньги не вышло. Мне, вернее, моим наследникам, не вернули бы их в полном объеме, даже взорвись корабль во время полета из-за каких-то неполадок и разметаи мои останки по космосу. На проявление человеческих чувств у менеджера я и не надеялся, поэтому не стал ему объяснять, в какой ситуации оказался, а то узнай он об этом, обобрал бы меня до нитки. Но, похоже, он обо всем знал.

— Если хотите получить деньги уже сегодня, то мы его готовы выставить на торги...

Сумма, названная им, была на треть меньше той, которую пришлось вложить мне всего несколько дней назад. На все мои протесты менеджер

спокойно объяснял мне про амортизацию корабля и про то, какой процент берет фирма за посредничество при продаже.

— Мы рискуем, мы переведем деньги на ваш счет сразу же после подписания контракта о продаже, а ведь неизвестно — сколько мы его продавать будем.

— Да за день он улетит.

— Вы можете сами заняться его продажей, — посоветовал мне менеджер. Этот аргумент меня окончательно добил.

— Я согласен.

Забирать корабль приехал уже знакомый мне сопровождающий. Не буду вдаваться в подробности, как я свел его с полковником Прилипало и тот выделил для перевозки корабля от моего дома до железнодорожной станции тягач, кран и все тех же двух сержантов. Меня не интересовало — развели ли они сопровождающего, помимо заранее оговоренной оплаты своих услуг, еще и на ужин в ресторане со стриптизом. Не стал я его предупреждать его об их ненасытных желаниях. Пусть для него это станет «приятной» неожиданностью.

Для меня космическая эпопея закончилась. Чтоб меня хоть как-то утешить, соседи звали меня в гости на шашлыки и говорили, что мне повезло: голову не сломал и то хорошо. После оплаты счетов денег у меня осталось еще на покупку поддержанного китайского внедорожника, сделанного по японской лицензии. На нем я и теперь, спустя два года после покупки, разъезжаю по окрестностям и даже совершаю марш-броски в соседние населенные пункты. Он гораздо дешевле «Ламборджини» и функциональнее.

Но мой скоротечный полет имел ощутимые последствия в масштабе всей страны и даже планеты. Манчегорск ТВ сделало о нем большой сюжет, используя съемки с видео-регистраторов, камер наблюдения и гаджетов пассажиров самолета. Соседи прославились, давая интервью, а вот к телевизионщикам я не вышел, как они меня не упрашивали, и во двор их не пустил. Мой дом и корабль, пока он еще находился во дворе, они снимали из-за забора или с крыш соседских домов.

Готовя сюжет, репортеры преследовали меня повсюду, и стоило мне отправиться за покупками в супермаркет, как за мной мчалась съемочная группа, будто я труднодоступная звезда эстрады.

Депутаты областной думы решили, что давно настала пора упорядочить частные космические полеты, и вышли с этой инициативой на федеральный уровень. Инициативу дружно поддержало большинство законодателей Госдумы и поставило этот вопрос уже перед своими европейскими коллегами.

В результате ввели права на право управления космическим кораблем. Чтобы получить их, надо собрать кучу справок, пройти практические занятия, сдать правила вождения, а помимо этого еще и разбираться в устройстве корабля на тот случай, если придется устранять какую-то неполадку. Поскольку этот вопрос был уже из области высоких технологий, то надо всем, кто в нем разберется, помимо прав, давать еще и на научную степень.

Я не представлял — во сколько обойдутся права, если просто их купить, а не следовать всем правилам. Даже у Вальштейна не хватило на них средств. Однако космическими кораблем он все ж обзавелся, выписав вместе с ним еще и опытного пилота, у которого были все необходимые для полетов документы. Космический корабль, как и неисправная «Ламборджини» услаждает взор Вальштейна. Он не летает на нем. Уж слишком дорого обошлось ему это украшение.

Если он только посмеет прислать ко мне кого-то из своих слуг, требуя частичного возмещения затрат, — ведь именно я стал причиной многих осложнений, — я вытолкаю его взащей, с настоятельным советом более ко мне с подобным не приходите...

Сам-то я не скоро решусь покупать космический корабль.

Во-первых, денег нет, а во-вторых, мне вполне хватает китайского внедорожника. Да. Дорого мне обошелся кусок лунной скалы и шепотка пыли. Я держу их в серванте, но давно уже не смотрю на них и подумываю выбросить...

Об авторе

Родился в Москве в 1971 году, окончил Московский инженерно-строительный университет по специальности инженер-эколог, работает на телевидении корреспондентом и ведущим информационных программ.

Первый роман вышел в 2002 году в издательстве «Вече» — «Там, где бродит смерть», под таким же названием «Вече» его переиздавала в 2012, а «Эксмо-Яуза» печатала его в 2008-м под названием «Вернуться из ада». С той поры вышло еще 9 книжек, среди них «Сотри все метки», «Пирровы победы», за роман «Гроза над Цхинвалом», написанном совместно с Виталием Пищенко, получил премию Союза писателей «Во имя Отечества». Рассказы печатались в журналах «Звездная дорога» и «Космопорт».

Иосиф Письменный

От прилета до улета

повесть

*Писать юмористическую
научную фантастику
очень непростое дело,
а продавать законченные
произведения еще труднее.*

Гарри Гаррисон, писатель-фантаст

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИЛЕТ

Заранее предупреждаю: прославленный бард, поэт и писатель Булат Окуджава, так же, как и его знаменитая песня, о которой пойдет речь, здесь совершенно не причем. На их месте запросто могли бы оказаться и любой другой поэт-песенник, и любая другая песня. Но так уж случайно (или все-таки неслучайно?) получилось, что перст судьбы ткнул в них. Поэтому я заранее приношу свои извинения Булату Шалвовичу.

Есть такие конфеты — ириски. Если вы по забывчивости или по недоразумению возьмете их в рот, все, пищи — пропало. Конфеты немедленно прилипнут к вашим зубам, небу или деснам, и избавиться от ириски и дискомфорта во рту будет нелегко. Так же бывает и с песнями. Прилипнет к вам мелодия, и вы будете напевать песню дома, на работе и по дороге между ними, варьируя слова. Пока не ухитритесь незаметно даже для себя подбросить ее кому-нибудь другому.

Молодой инженер, назовем его условно Васей, рано утром ехал на работу и по привычке напевал песню. На этот раз ею оказалась песня Булата Окуджавы, подхваченная Василием у приятеля, аспиранта по прозвищу Шприц:

И лишь один гусар, / В красавицу влюбленный,
Весь день стоит пред ней / Коленопреклоненный.

Не знаю, пел ли он эту песню на работе (думаю, что пел), но могу уверенно утверждать, что после работы по дороге домой он опять напевал эту же песню.

«Вот прицепилась», — подумал Вася, в который раз повторяя привязавшийся куплет.

По приезде домой, он снова принялся напевать слова приставшей

к нему песни, причем вслух. У Марины, Васиной жены, после работы было скверное настроение, и она попросила Василия не орать на всю квартиру.

— Не понимаю, почему тебе не нравится такая классная песня, — миролюбиво возразил Марине ее муж.

— Не понимаешь? Ты только послушай сам себя. Разве это рифма? «Гусар» и «перед ней» не рифмуются!

Василий не стал спорить:

— Сейчас мы это поправим.

И он принялся подбирать рифму. Промучившись полчаса, Вася пропел:

И лишь один гусар, / В красавицу влюбленный,

Залез на писсуар / Коленопреклоненный.

— Дался тебе этот гусар! — засмеялась Марина, у которой за полчаса тишины настроение немного улучшилось. — Ведь есть еще и другие рода войск.

— Точно! — обрадовался Василий и тут же выдал экспромт:

И лишь один драгун, / В красавицу влюбленный,

Рукой коснулся струн, / Коленопреклоненный.

— Вот видишь: ведь можешь, если захочешь! — Марина в меру поощрила Василия и тут же засомневалась. — Хотя, причем здесь струны?

— Струны здесь — намек на гитару в руках влюбленного, — пояснил Вася и немедленно сочинил новый экспромт:

И лишь один кадет, / В красавицу влюбленный...

Марина не дала мужу закончить куплет и пропела свой вариант:

Помчался в туалет, / Коленнопреклоненный.

Выслушав жену, Василий, тут же съязвил:

— А без туалета ты не можешь?

— Могу, — заявила жена. — Слушай!

И тут Василий с удивлением и одновременно с облегчением обнаружил, что зуд варьировать куплет у него частично уменьшился, однако переключился на Марину: Васина жена ходила по кухне и громко распевала.

* * *

Первый раз от автора. Далее, в целях экономии места и времени, я постараюсь приводить только две первые строчки каждого куплета, а две следующие, — конечно, при желании, — читатель может придумывать сам.

* * *

Итак, Марина приступала к активному песнотворчеству.

Ночью она ворочалась в постели, напевая вполголоса:

И лишь один ишак, / Влюбленный в кобылицу,

Кричит на весь кишлак — / И никому не спится.

«А может быть так: “кричит на весь кишлак и с горя пьет водицу”? Именно пьет водицу, а не водку! Или еще лучше: “и с горя пьет... водицу?” Обязательно с паузой мужду “пьет” и “водицу!”» — думала она, уже засыпая.

* * *

Рано утром следующего дня Марина отправилась на работу в свою контору, по привычке напевая нечто, похожее на песню Булата Окуджавы.

Не знаю, пела ли Марина эту песню на работе (думаю, что пела), но могу уверенно утверждать, что вечером, после работы по дороге домой Алина, подруга Марины, напевала очередной вариант этого куплета.

* * *

Второй раз от автора.

1. Читатель, прости меня, но теперь спасти Алину от мук творчества можешь только ты своим варьированием любимшего тебе куплета.

2. В таком виде я записал эту историю и успокоился. Однако, как оказалось, напрасно, ибо события, помимо моей воли, продолжали разворачиваться дальше, причем в нескольких направлениях одновременно.

* * *

Прошло три дня с того момента, как Алина заразилась вирусом песнотворчества. С начала рабочего дня и до звонка, извещающего об его окончании, все сотрудники здания, в котором трудились Марина и Алина, сочиняли куплеты, основанные на песне Окуджавы. Большинство продолжало заниматься песнотворчеством как по дороге с работы и на работу, так и, вернувшись домой, и даже, отходя ко сну.

...Еще через четыре дня песнотворчеством занялись сотрудники нескольких учреждений, работающие в стоящих рядом зданиях.

* * *

Через несколько месяцев аспирант по прозвищу Шприц сделал доклад на заседании кафедры инфекционных болезней медицинского университета. Изложив признаки и особенности болезни, охватившей город, Шприц заявил:

— Как видим, мы имеем четко выраженное инфекционное заболевание. Мы можем выделить три периода: период инкубационный, период обострения, или собственно болезни, и период выздоровления.

— У меня, кажется, сразу же, минуя инкубационный период, начался период обострения, — заявил доцент Уколов, известный на кафедре своей мнительностью, и в качестве доказательства прочел стихи, сочиненные им во время доклада:

И лишь один больной, / Врачами исцеленный...

— Поздравляю, коллега, — сказал доценту Уколову под общий смех профессор Обмылов, — Оформляйте себе больничный.

Затем профессор подвел итог докладу Шприца:

— Срочно делайте статью и посылайте ее в журнал!

* * *

Примерно в то же время на заседании кафедры мировой литературы местного гуманитарного университета выступил с докладом аспирант Лобов:

— Нами была проведена классификация сочиненного по первым строкам, называемым нами стартовыми. Приведу только некоторые варианты нашей классификации.

— По национальному принципу: «И лишь один француз (узбек, туркмен, таджик, еврей, цыган, грузин, ...)»;

— По домашним животным и птицам: «И лишь один осел (козел, кабан, баран, индюк, гусак, скакун, ...)»;

— По диким животным и насекомым: «И только крокодил (бегемот, павиан, шимпанзе, каракурт, таракан, махаон,..)»;

— По воинским званиям: «И только старшина (лейтенант, капитан, генерал, адмирал, ...)»;

— По профессиям: «И только продавец (массажист, визажист, модельер, кутюрье, прокурор, ...)»;

— По специализациям внутри профессий: «И только ортопед (психиатр, акушер, терапевт, окулист, горло-нос, ...)»;

— По ступеням роста ученого: «И только лишь студент (аспирант, препод, доцент, завлаб, членкор, ...)»;

— И даже по персонажам детских сказок: «И только Карабас (Мойдодыр, Дуремар, Серый Волк, В Сапогах, Без Сапог, ...)».

— Отдельную группу составляют те, кто не подходит ни под какую графу нашей классификации: «И только лоботряс (разгильдяй, домосед, клопомор, дырокол, небоскреб, куроед, гусекрад, ...)». Но мы работаем над тем, что с ними делать дальше! — оптимистично завершил аспирант Лобов.

Как только доклад окончился, вскочил ассистент Хореев и от избытка чувств прочел:

И только канарей, / Влюбленный в канарейку..

— Нет такой птицы канарей — есть кенарь! — прервал Хореева завкафедры мировой литературы местного университета профессор Псаломов, о котором среди преподавателей и студентов ходили легенды, будто он прочел всего Гомера.

— Хорошо, — охотно согласился Хореев. — Можно исправить:

И только соловей, / Влюбленный в соловейку..

— Нет такой птицы соловейка — есть соловыха! — снова прервал его профессор Псаломов. Но ассистент никак не мог успокоиться и начал читать третий вариант:

И только попугай, / Влюбленный в попугайку..

— Дальше можете не продолжать... — засмеялся профессор. — А вы, батенька, — одобрительно улыбнулся профессор Псаломов аспиранту Лобову, — молодец. Набрали для кандидатской достаточно материала. Оформляйте!

И неожиданно для себя и для всех присутствующих закончил:

Отважный Одиссей, / Объездив пол-Европы,

Стремится поскорей / В объятия Пенелопы.

Тем самым профессор не только подтвердил справедливость утверждений, что он прочел всего Гомера, но и козырнул перед коллегами свежей рифмой к затасканному слову Европа.

* * *

А между тем, рядом с нашими персонажами разворачивались не менее важные события.

— Докладывайте! — приказал Командир инопланетного корабля.

— Мы получили задание свести к разумному минимуму число жителей города, которые могли бы наблюдать посадку нашего корабля на планету Земля. Вот каких результатов мы достигли. На сегодняшний день 54% жителей города основное время по вечерам обычно посвящают телевизору, компьютеру и приготовлению еды на следующий день, т. е. работе на кухне. Все они поэтому в вечернее время не выходят на улицу. Примерно 10% горожан занято распитием алкогольных напитков в помещениях и поэтому, даже выйдя на улицу, они на небо не смотрят.

— А если и посмотрят, кто им поверит? — вставил реплику Первый пилот.

Все понимающе рассмеялись.

— Продолжайте!

— 33% жителей города мы вовлекли в песнотворчество, и поэтому они тоже на небо не смотрят. По сравнению со вчерашним днем, число жителей, занимающихся песнотворчеством, снизилось на один и две десятых процента. Изменений этой тенденции не предвидится. Считаю, что более благоприятной обстановки для приземления не представится, — отрапортовал агент номер 635-й.

— 635-й! Поздравляю вас с успешным выполнением задания. Благодаря блестяще проведенной вами операции под кодовым названием «Ириска», мы, как и планировалось, сможем приземлиться так, что практически никто из землян этого не заметит. Особая благодарность 396-му за удачно подобранную песню.

— Но все-таки можно ли подсчитать, сколько человек могут увидеть (я не говорю «увидят», а «могут увидеть»!) нашу посадку? — спросил Первый пилот.

— Можно, — ответил Главный Математик. — По нашим расчетам получается не более двух и семи десятых.

— Чего не более двух и семи десятых? — спросил Второй пилот.

— Как, чего — не более двух и семи десятых? Землян, конечно.

— Для круглого счета — три, — сказал Первый пилот.

— Нет, не три, а не более двух и семи десятых, — настаивал Главный Математик.

— Не вижу разницы между двумя и семью десятыми и тремя.

— Ну, как же не видите? Три — это более двух и семи десятых. Не более двух и семи десятых — это значит, что увидят нас или один, или два человека — не больше.

— Все. Посадку объявляю на завтра на 22–00, — подвел итог Командир инопланетного корабля.

* * *

На следующий день Василий, его приятель Шприц и приятель Шприца Лобов возвращались домой из ресторана, где они втроем обмывали удачные доклады обоих аспирантов. Уже удалившись от ресторана на приличное расстояние, перед тем, как разойтись в разные стороны, они остановились, и аспиранты заспорили о том, достаточно ли вина они заказали, или надо было заказать еще бутылочку. Как и положено, мнения разошлись. Василий, чей голос был в данном случае решающим, не знал, чью сторону принять, и в раздумье задрал голову вверх, как будто там он мог прочесть ответ.

— Братцы! — неожиданно закричал Василий. — Посмотрите на небо! Там НЛО!

Но оба аспиранта отказались смотреть куда бы то ни было.

— Все, Вася, — в один голос заявили спорщики. — Ты дошел до кондиции и ответил на кардинальный вопрос современности. Вина мы заказали в самый раз!

В результате ничем не мотивированное упрямство двух аспирантов, не пожелавших взглянуть на небо, привело к тому, что посадка НЛО на Землю никем не была зафиксирована документально.

* * *

Третий раз от автора. Василий, Шприц и Лобов так никогда и не узнают, что по расчетам инопланетных математиков они втроем в тот вечер составляли не более двух и семи десятых землян. А увидел НЛО, как и предсказал Главный Математик инопланетного корабля, только один из них — герой нашего рассказа Василий. Хотя, по мнению инопланетянина, с равной вероятностью могли бы увидеть и один, и двое. Однако то, что два аспиранта согласятся задрать головы и посмотреть куда бы то ни было, Главный Математик посчитал невозможным.

Так снимем же шляпы перед высокой точностью расчетов наших гостей.

* * *

Послесловие 1. Автор рассказа не подозревал, что описанное выше инфекционное заболевание может передаваться бесконтактным способом.

Однако с удивлением обнаружил в Интернете четверостишие, в котором поэт, скромно назвавшийся Классиком, сумел зарифмовать десятичную дробь, что не каждому пишущему стихи под силу. Вот это четверостишие:

Лишь Васе повезло / На небе средь пернатых

Заметить НЛО, / Став две и семь десятых...

Послесловие 2. Дорогой читатель! Если ты подхватишь описанную выше инфекцию, не переживай: как авторитетно установил аспирант Шприц, данное заболевание всегда заканчивается выздоровлением.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОСЛЕ ПРИЛЕТА

Молодая симпатичная женщина по имени Алина возвращалась домой вечером после работы. Она «подцепила» у своей подруги Марины странную инфекцию, вследствие чего шла и варьировала сочиняемые ею на ходу стихи:

Восторженный поэт, / Красавицей сраженный, сраженный, сраженный...

«Нет, не так, — думала она, — попробуем по-другому.. Опять не так, не так ...Поэт дарил Луну, поэт дарил Луну, поэт дарил Луну, Луну, Луну...»

И тут она пропела:

Когда-то, в старину, / Стрелой любви пронзенный,

Поэт дарил Луну / Коленопреклоненный.

— Сударыня! Если вас не устраивает маленькая Луна, то я готов подарить вам Большую Медведицу. А может быть, вы желаете Малую Медведицу? Впрочем, не стесняйтесь, пользуйтесь моей щедростью — берите сразу обе!

Произнесший эти слова мужчина возник неожиданно. Алина даже не заметила, когда и откуда он появился.

А неизвестный не терял времени даром. Он любезно подхватил Алину под локоток:

— Позвольте, я провожу вас домой. Час уже поздний, и молодой очаровательной даме рискованно ходить по улицам одной.

«Ну, да, — иронически подумала Алина. — С первым встречным незнакомым мужчиной будет безопаснее».

— Напрасно вы сомневаетесь, — словно прочел ее мысли неизвестный. — Да, я, действительно, первый встреченный вами сегодня мужчина, но что касается того, что мы не знакомы, то это не так. Я знаю о вас все: вас зовут Алина, фамилия...

И он без запинки сообщил молодой симпатичной женщине ее фамилию, вес, рост, домашний адрес и место работы.

— Возраст ваш я называть не буду. Женщины обычно не любят об этом говорить.

«Все, что он сейчас сообщил, мне и без него давно известно, — подумала Алина. — А вот о себе он почему-то ничего не рассказывает»

И еще она подумала, что не мешало бы ей сбросить пару-тройку килограммов веса, тогда бы она выглядела моложе.

— Ни в коем разе! — запротестовал мужчина. — В вашем нынешнем весе вы мне особенно нравитесь! Я, можно сказать, из-за него без ума от вашей красоты.

«Ишь, как запел! — подумала Алина. — Ну да, есть мужчины, которым нравятся полные женщины. Только почему он ничего не говорит о себе?»

И, словно прочитав ее мысли, незнакомец заявил:

— Разрешите представиться. Меня зовут 635-й, но вы можете называть меня сокращенным именем — Пятый. Или лучше ласковым — Тый.

Алина искоса, через плечо, скептически посмотрела на него и подумала: «А парень-то низковат».

Ее спутник начал буквально на глазах расти вверх.

«Теперь слишком худой».

Спутник стал расширяться.

«Живот надо убрать».

Живот исчез, и грудь незнакомца стала широкой, как у профессионального спортсмена.

«Как это у него получается?»

— Ну, это элементарно Я настроился на программу выполнять все ваши желания.

— Все? — вслух удивилась Алина.

— Абсолютно все! — заверил ее спутник.

— Вы так любезны, — засмушалась молодая женщина.

Дальнейший разговор опять стал вестись в непривычной для нее манере. Она что-нибудь про себя думала, а он читал ее мысли и отвечал на них словами или действиями.

«Расскажу завтра Маринке — умрет от зависти», — подумала Алина.

А 635-й продолжал рассыпаться в любезностях:

— Глядя на вашу аппетитную фигуру, я могу представить себе, как вкусно вы готовите. Я мечтаю попасть к вам на кухню, чтобы своими глазами лицезреть этот увлекательный процесс.

«Ну, да, — подумала Алина. — Сначала пригласи его на кухню, а потом он и в спальню попасть захочет».

— Верьте мне, я ограничусь созерцанием приготовления вами волшебной еды.

«Какой там процесс приготовления волшебной еды, если в холодильнике у меня нет ничего, кроме вчерашних макарон и докторской колбасы».

— Ну, и прекрасно, я как раз о них мечтал все время полета.

Вот так, за приятной куртуазной беседой они незаметно приблизились к подъезду дома, в котором проживала Алина. У входа в подъезд, как обычно, сидели три старушки-пенсионерки.

«Не хватало, чтобы они меня увидели с посторонним мужчиной, — подумала Алина. — Ведь я как-никак замужняя женщина».

— Алиночка, с кем это вы?

— Да ни с кем, — вслух ответила Алина, а про себя подумала: — «Что я теперь Петьке скажу? Да катись этот инопланетянин отсюда к чертям собачьим».

Кто такие черти собачьи, инопланетянин не знал, но, поскольку он был настроен на программу выполнения любых пожеланий Алины, то тут же улетел, вернее, укатился от нее подальше и скрылся из виду.

Старушки с удивлением отследили глазами странную траекторию,

по которой катился неизвестный им спутник Алины, затем переглянулись, в который раз старательно изучая близлежащую территорию, и многозначительно замолчали.

Таким образом, хотя контакт с инопланетянами в тот день и состоялся, но из-за одного, всего одного неосторожного пожелания молодой, симпатичной, но напуганной пожилыми соседками женщины, в историю контактов с другими цивилизациями он занесен не был.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОТЛЕТ

Аспирант кафедры мировой литературы местного гуманитарного университета Лобов, по прозвищу Лоб, со своим приятелем аспирантом-медиком по прозвищу Шприц, прихватив приятеля Шприца инженера Василия, решили выбраться на природу на старой развалюхе Лобова, имея целью наловить раков.

Лобов давно уже звал их с собой, утверждая, что знает заветное озерцо, где этих раков мерено-немерено. Тем более, что у Василия имелся бредень, припрятанный еще с тех времен, когда он, будучи неженатым, гонял на мотоцикле по окрестным местам. Шприц тоже решил не отставать от друзей и закупил в универсаме ящик свежего пива.

Друзья отмахали по асфальту от города чуть больше тридцати километров, и Лоб уже приготовился свернуть на заветную проселочную дорогу, но они увидели, что проселок таинственным образом исчез. Или лучше сказать не исчез, а превратился в прекрасно асфальтированное шоссе, но ехать по нему они не смогли, поскольку въезд на шоссе был перекрыт шлагбаумом, рядом с которым стояли будка и столб со щитом «Частное владение. Въезд запрещен».

Когда друзья поравнялись с будкой, из нее вышел мужик в камуфляжной одежде и спросил:

— Грамотные?

— Грамотные, — ответили друзья. — Может, договоримся?

— Нет, — заявил мужик в камуфляже. — Себе дороже. К тому же сегодня Хозяин должен приехать. Так что проваливайте отсюда, да поскорее.

* * *

— Что делать будем? — спросил Шприц, когда друзья отъехали от шлагбаума.

— Я предлагаю проехать еще несколько километров, оставить машину в кустах, все равно на нее никто не позарится, — ответил Лобов. — А самим добираться до озера вкруговую.

Друзья так и сделали. Проехав несколько километров, они вышли из машины.

Лобов взвалил на плечи мешок, в котором находились котел и продукты, Василий поднял бредень и палки, именуемые клячами. Шприц попробовал поднять ящик с пивом и заявил:

— Я один все бутылки не унесу.

Лобов и Василий взяли у Шприца часть бутылок, и друзья бодро зашагали к заветному озеру.

* * *

Через пару часов к шлагбауму подкатила кавалькада машин. Не успели они подъехать, как шлагбаум был поднят. Машины, не сбавляя скорости, пронесли мимо и вскоре подкатили к трехэтажному зданию. Из машин вышла охрана, а затем губернатор, областной прокурор и еще несколько важных персон губернского масштаба, приглашенных губернатором половить рыбу и отведать тройной ухи из пойманной ими рыбы. Все они тут же вошли в здание.

Охрана немедленно рассыпалась по своим местам, а часть охранников отправились к озеру, прихватив с собой несколько шашек тринитротолуола.

Губернатор пригласил гостей поплескаться в бассейне. Прокурор попытался уклониться от плавания в бассейне, сославшись на то, что не захватил плавков.

— Не проблема, — засмеялся губернатор, — ради тебя мы все будем купаться без ничего.

После этого он снял свои плавки и бултыхнулся в воду.

Вообще-то у него были приготовлены плавки на всю компанию, но в последний момент он передумал и решил, что купаться без всего будет веселее.

Все гости, включая прокурора, последовали его примеру.

Раздался звук от взрыва, потом еще одного.

— Побежали ловить рыбу, — закричал хозяин, и гости вслед за ним подались на берег озера собирать глушенную рыбу.

Ладные парни из охраны умело собрали улов и пошли готовить уху, а хозяин с гостями снова отправились в дом, чтобы заморить червячка, пока сварится тройная уха.

Спустя еще пару часов на вахту заступила вторая смена охранников, а освободившаяся смена отправилась в беседку, прихватив воблу, копченых лещей и несколько бутылок чешского пива.

* * *

Между тем за это время Лобов, Шприц и Василий вышли к озеру, натянули бредень на клячи, и принялись ходить в воде вдоль берега. Вскоре они набрали два мешка раков, разожгли костер, зачерпнули в котел озерной воды, добавили соли и специй, бросили первую порцию раков в котел с водой и принялись ждать, когда закипит вода.

— Чем зря сидеть, пошли еще разок окунемся в воду, — предложил Шприц.

Друзья его поддержали. Через четверть часа они вернулись к костру, но котла с раками они не увидели. Более того, не было также двух бутылок водки и двух мешков с живыми раками, дожидавшимися своей очереди лезть в котел...

— Куда все подевалось? Если бы кто здесь появился, мы бы его увидели и услышали, — удивились друзья. — Прямо мистика какая-то!

* * *

А в это время один из охранников вышел из беседки и сказал приятелям: — Подождите меня. Я схожу за пакетами, чтобы было, куда мусор от шелухи складывать.

— Заодно захвати бумажных салфеток для рук, — попросил его другой.

Когда охранник вернулся с пакетами и салфетками, на столе ничего не было — ни рыбы, ни пива.

— Да будет вам шутить, — сказал вернувшийся коллегам.

— Уж какие тут шутки, — стали уверять его остальные. — Прямо на глазах все исчезло неизвестно куда. И лещи, и бутылки с пивком.

* * *

А в это время повар опустил черпак в большущую кастрюлю и попробовал уху.

— Класс, — сказал он. — Можно кого угодно кормить — хоть губернатора, хоть президента.

— Дай и мне попробовать, — потянулся к кастрюле большой деревянной ложкой главный охранник. Это было одной из его обязанностей — пробовать еду прежде, чем подавать ее на стол губернатору и его гостям.

Но кастрюля с горячей ухой исчезла у него на глазах. Как будто ее здесь не бывало.

— Кто взял кастрюлю? — заорал главный охранник.

И уже тише спросил:

— Кто видел, куда девалась кастрюля?

* * *

Оставим в покое сидящих у костра аспирантов Лобова и Шприца, заодно с их дружкой Василием, так и не узнавших, куда девались раки.

Оставим сидеть в беседке рядовых охранников, так и не попробовавших ни воблы, ни копченых лещей, ни пива.

Оставим в покое повара, главного охранника и кучу поваров рангом пониже, так и не узнавших, куда девалась кастрюля с ухой.

Не будем доискиваться, как реагировали на случившееся губернатор, областной прокурор и десяток важных персон губернского масштаба.

В конце концов, это их проблемы.

А мы займемся более глобальной задачей — судьбой исчезнувшего котла, лещей, кастрюли с ухой и бутылок с пивом и водкой.

* * *

Экипаж межпланетного корабля, известного на Земле под названием НЛО, собрался за праздничным столом.

— Друзья мои! — торжественно начал командир корабля. — Позвольте мне на правах старшего по возрасту и по званию первым сказать пару слов. Наивные жители других планет считают, что целью наших экспедиций

является повышение их знаний о вселенной. Это типичная ошибка примитивных созданий с эгоцентрическим мышлением. Они вбили себе в головы, что мы хотим повысить их уровень знаний. Хотим передать им какую-то важную информацию. Хотим научить их тому, чего они не знают.

Командир сделал паузу и продолжил:

— Наша цель прямо противоположная. Мы хотим позаимствовать у жителей других планет то, чего мы сами не знаем или не умеем. Многолетние полеты на Землю показали, что ее жители превосходят нас только в одном — в кулинарии.

Все присутствующие удивленно переглянулись.

— Я не имею в виду то варево, которое им подают в столовых, кафе и даже в ресторанах. Я имею в виду ту еду, которую готовят земляне, отдыхая на природе. Я имею в виду ту божественную еду, которую вы сейчас доставили сюда. Увы, довести ее на нашу планету в первоизданном виде, сохранив при этом всю ее вкусовую прелесть, мы не сможем. Поэтому я принял решение отпраздновать успешное завершение нашей миссии уже сейчас. Внесите яства!

Под свадебный марш Мендельсона в зал внесли дымящуюся уху, красных раков, воблу, копченых лещей и бутылки с охлажденной водкой и охлажденным пивом. Инопланетяне приступили к смакованию шедевров Земной кулинарии.

— А как поступим с содержимым бутылок? — спросил кто-то из присутствующих.

— А чего тут думать? — раздался дружные голоса. — Перемешаем все и разольем по фужерам!

Так и поступили, хотя делать этого ни в коем разе не следовало. Получилась смесь, именуемая ершом. Как известно, от ерша пьянеют даже привычные ко всему жители Земли. А инопланетяне к таким напиткам не приучены, они быстро пришли в возбужденное состояние, стали крутить навигационные приборы, от чего их корабль сбился с курса и улетел неизвестно куда в пространствах вселенной.

Вероятнее всего, к чертям собачьим, как того, не подумав, пожелала одному из членов экипажа мужняя жена Алина. Пожелала-то она одному, а укатить за компанию пришлось всему экипажу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕ ОТЛЕТА

Ранним утром выходного дня, когда Василий собирался выспаться за всю неделю, его поднял звонок в дверь.

Едва он успел нащупать ногой тапочки, как звонок повторился.

«Кого это несет в такую рань?» — подумал Вася и открыл дверь. У двери стоял Николай, Васин шапочный знакомый из соседнего подъезда.

— Приятель, выручай, — сказал гость, входя в квартиру. — Друзья всегда должны друг друга выручать. Ты меня, я тебя. Одолжи энную сумму до зарплаты. Мне тут опохмелиться требуется.

Василий сходил в спальню, принес брюки, полез в карман, достал деньги и протянул их гостю.

— Ты не бойсь. С зарплаты отдам, — пообещал гость, уходя.

— Не отдаст, — сказала Марина, жена Василия. — А ты безвольный интеллигент.

— Отдаст, — ответил Василий, — иначе потеряет возможность брать у нас деньги займы.

* * *

Прошло 5 дней, и Коля опять стоял перед дверью Васиной квартиры:

— Не бойся, я не денег пришел просить. Ты капни мне, пожалуйста, подстаканчика беленькой — и все. Я тут же уйду.

Когда сосед ушел, Марина снова возмутилась мягкотелостью мужа и заявила категорично:

— Ты, что, не понимаешь? Он потихоньку спивается! Хватит потакать алкогольной зависимости твоего приятеля!

(Николай не был Васиным приятелем, и Марина это знала, но сказала так, чтобы отучить мужа разбрасываться деньгами.)

— Я согласен! Что же ты предлагаешь?

— Почему я должна думать об этом? Твой друг — ты и думай!

— А что тут думать? Нужно наладить производство безалкогольной водки, — неожиданно брякнул Василий.

— Ты это серьезно?

— Вполне. Есть же кофе без кофеина, соевое молоко вместо коровьего...

— ...колбаса без мяса, — подхватила Марина ехидно.

— Вот именно! Колбаса без мяса, сахарин вместо сахара, маргарин вместо масла...

— А что? Безалкогольная водка — в этом что-то есть! — согласилась жена.

* * *

В тот же день Василий позвонил своему приятелю Антону, химику по образованию и по роду деятельности:

— Тоша, приходи ко мне. Есть о чем поговорить! Во сколько? Лады!

Он положил трубку и сказал Марине:

— Процесс пошел. Антон будет у нас сегодня вечером. Приготовишь нам чего-нибудь закусить!

Марина уже хотела сказать что-то введливое насчет закуски, вернее насчет той жидкости, для которой закуска обычно готовится, но вспомнила, что сама велела мужу думать, и ответила:

— Ладно уж. Для благого дела можно и пострадать.

* * *

Вечером того же дня, Василий с Антоном, как обычно при встречах в домашних условиях, уселись за кухонным столиком (чтобы Марине не таскать еду из кухни в комнату и грязную посуду обратно на кухню).

В отличие от других встреч, Марина не стала уходить, а придвинула к столу третий стул и села на него.

— Значит, так, — выслушав хозяев, спросил гость. — Вы предлагаете создать безалкогольную водку?

— Да. Есть же кофе без кофеина, чай без сахара, фруктовые напитки не из фруктов, сигареты без никотина, искусственное молоко вместо коровьего и колбаса без мяса, — пояснила Марина.

— А зачем?

— Как зачем? Чтобы люди не спивались!

— И какие свойства натуральной водки вы хотите сохранить в искусственной?

— Ну, прежде всего, горечь. Водка обязательно должна быть горькой.

— И это все?

— Не все. Еще, чтобы от нее слегка кружилась голова.

— И больше ничего?

— Для начала ничего больше. А испытания покажут, что еще надо добавить.

— И кто будет проводить испытания?

— Обязательно специалист по употреблению водки!

— И где вы найдете такого специалиста?

— А мы не будем искать. Он уже есть — Николай из соседнего подъезда!

— Ну, что ж? Я подумаю, как можно сделать искусственную водку, — подвел итог Антон. — А испытания будете организовывать вы.

* * *

Вскоре Антон принес Василию коробку, в которой были уложены маленькие бумажные пакеты с каким-то белым порошком.

— Это концентрат, — пояснил он. — Один пакет высыпается в полулитровую бутылку с простой водопроводной водой. Бутылка взбалтывается, концентрат растворяется в воде. Все, можно разливать и пить.

Говоря это, Антон проделал нужные манипуляции.

— А мы не отравимся?

— Не извольте беспокоиться. Я уже проверял на себе.

Вася полез в холодильник и достал соленые огурчики.

Антон наполнил до половины два стакана искусственной водкой; первооткрыватели чокнулись за успех изобретения, выпили и заели огурцами.

— Мерзость какая, — сказал Василий.

— Действительно, мерзость, — подтвердил Антон. — Что и требовалось доказать.

Осталось ждать, какие результаты будут получены с участием специалистов.

* * *

Когда Николай в очередной раз посетил Василия, тот, молча, достал из холодильника бутылку, отлил из нее полстакана прозрачной жидкости и протянул гостю. Коля выпил, крякнул, занюхал рукавом, заел огурцом,

поблагодарил и покинул гостеприимную квартиру. Впрочем, благодарить он начал еще до того, как Василий стал ему наливать.

Через пару дней Николай снова пришел к Василию и с порога потребовал:

— Ты, сосед, не скупись, наливай не полстакана, а целый. А то в прошлый раз твоя водка была разбавленной и меня не взяла.

Василий послушно налил гостю полный стакан.

Но на следующий день поутру, явившись к Василию, Николай развил свое критическое замечание:

— Дружище! Я оказался прав! Что-то твоей водкой не того. Определенно, ее начали разбавлять, факт. Раньше, как выпью, так в пляс идти хочется. А сейчас — выпьешь, и никаких эмоций.

Антон учел замечание, добавил в водку какой-то компонент. Они с Васей попробовали новый рецепт и пустились в пляс. Компонент оправдал свое предназначение.

* * *

При следующей встрече компаньонов было решено увеличить число участвующих в испытаниях.

— А я уже связалась с председателем районного общества трезвости, — радостно сообщила Марина. — Они нашу идею поддержали и решили опробовать на ближайшей свадьбе или поминках. Что будет раньше. Приготовьте на всякий случай десять бутылок.

* * *

Раньше отмечались поминки. Антон приготовил десяток бутылок. И тут произошел конфуз. Вместо того, чтобы оплакивать покойника, все сидящие за столом так бурно веселились, что покойнику пришлось урезонивать их. Хотя некоторые очевидцы уверяют, что урезонивал их вовсе не покойник, поскольку его к тому времени уже погребли, а вдова покойника, что, впрочем, не так уж важно. Антон учел свою недоработку и заменил в водке веселящий компонент на скорбящий.

При следующей проверке искусственная водка попала на свадебный стол. И жених, и невеста, и родители, и гости впали в такое расстройство и устроили такой невиданный плач, что пришлось вызывать неотложку, и медики не знали, кого успокаивать раньше.

— Вот что, друзья, — заявила Марина. — Надо класть в концентрат оба компонента, и веселящий, и скорбящий, а они уже самостоятельно будут действовать по необходимости.

Добавили в концентрат оба компонента и опробовали новый рецепт на чьем-то юбилее. Тут вообще произошел скандал: часть гостей пустилась в пляс, а часть начала рыдать. Естественно, что обе группы гостей не ладили друг с другом и устроили драку. Жена юбиляра стала оплакивать пострадавших, а сам юбиляр, наоборот, начал радоваться этому событию, говоря, что давно ждал этой минуты, чтобы расквитаться с теми, кто мешал

его продвижению по службе. Пришлось вызывать милицию и скорую помощь.

* * *

— Это все поправимо, — подвела итоги Марина. — Будем выпускать водку нескольких наименований на все случаи жизни: для праздников «Водку праздничную» и «Водку свадебную», для похорон «Водку поминальную» и «Водку горестную»...

— А также «Водку именинную», «Водку юбилейную», «Водку универсальную» и другие, какие потребуются трудящимся и не трудящимся массам, — поддержал жену Вася.

— А обычную водку можно будет продавать под названием «Водка натуральная» или «Водка обыкновенная».

Однако этим радужным мечтам не суждено было сбыться.

* * *

Вскоре раздался нерадостный звонок из общества трезвости. Оказалось, что правление общества решило активизировать свою деятельность. Оно самостоятельно изготовило и выбросило в продажу через кафе безалкогольных напитков на праздник «День города» пару ящиков «Водки праздничной». Как сказал председатель общества, в порядке эксперимента в разлив по 100 грамм. Однако добрая половина остограмившихся не испытала прилива праздничной энергии. Посыпались жалобы в администрацию губернатора со стороны тех, кто не ощутил должного подъема энергии. Губернатор велел назначить комиссию по факту отсутствия у трудящихся масс праздничного энтузиазма. Правление общества заподозрили в нелояльности к местным властям...

— А мы тут причем? Где вы взяли концентрат для производства безалкогольной водки? Мы ведь его вам не давали.

— Ну, — замялись на другом конце телефонной связи, — мы не стали дожидаться конца ваших экспериментов и наладили производство сами.

— Вот сами и расхлебывайте! Нечего нас впутывать в ваши делишки. И номер нашего телефона забудьте, — отчеканила Марина.

Таким образом, эту неприятность наши герои стойко выдержали. Но тут же случилась новая неприятность. Там, где ее никто не ожидал.

* * *

Через пару дней снова пришел Николай. Он сходу заявил Василию, что Васина водка нормальным людям не подходит, поскольку от нее по утрам не болит голова, рвать не хочется и опохмеляться огуречным рассолом не требуется. Кроме того, отсутствуют провалы в памяти и, что особенно огорчительно, не повышается сексуальная активность.

После этого он попросил денег взаймы.

— Я лучше куплю ее в магазине и получу полноценное удовольствие.

Такого удара изобретатели не ожидали.

— Если у тебя упала сексуальная активность, то наша водка здесь не причем. Пить меньше надо. Вообще не надо пить, — возмутилась Марина. — Больше к нам не приходи.

Вася позвонил Антону и передал тому смысл Колиной критики.

— Что же ты думаешь, я сам этого не знаю? Если бы мог, то давно бы осуществил в нашей водке опохмельный синдром. А так придется признать эксперимент неудачным и прекратить все работы.

— Как? Совсем прекратить?

— Пока не знаю, — смягчился химик. — Вполне возможно, что временно.

Вот так, из-за отсутствия в новой водке похмельного синдрома, — с одной стороны, и непроявления жителями одной отдельно взятой губернии после употребления этой водки должной лояльности к властям, — с другой стороны, было прекращено в масштабах целой губернии производство так нужной населению безалкогольной водки.

А, возможно, что было прекращено в масштабах не одной губернии.

* * *

Прошло 120 лет. Государственная Дума приняла в третьем чтении новый Закон о борьбе с пьянством. Согласно этому закону, с целью искоренения пьянства среди несознательной части населения и оздоровления нации, запрещалась продажа всех видов водки, содержащей этиловый спирт. Поставщики обязывались производить, а торговля заказывать исключительно безалкогольную водку. Жаль, наши герои не дожили до этого радостного дня.

Однако знающие люди утверждают, что принятие закона лоббировали производители и поставщики виски, джина, коньяка, рома, мартини и что в некоторых элитных ресторанах, да и в буфете самой Думы можно, не афишируя, заказать натуральную водку и даже традиционный самогон.

Об авторе

Родился в 1937 году в Украине. В 1960 году окончил Московский авиационный институт. В 1960–94 годах работал в конструкторском бюро Генерального конструктора Н. Д. Кузнецова, участвовал в разработках двигателей для самолетов А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, О. К. Антонова и ракетного комплекса Н-1. Доктор технических наук. С 1995 года — старший научный сотрудник Хайфского Техниона (политехнического университета) в Израиле.

Научную фантастику пишет с 2000 года. Научно-фантастические произведения печатались в журнале «Наука и жизнь», «Кольцо А». Воспоминания о коллегах по работе, об авиаконструкторах — в журнале «Самарская Лука». Автор книг «Спасибо, бабушка!», «Палатка Гаусса», «Это аномальное время», «Вторая встреча». Повесть «Маневр на орбите» опубликована в № 7 и 8 за 2005 г. журнала «Знание-сила». В литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» № 1 (14) за 2012 г. вышел рассказ «Профессор и смежники», в № 1 (16) за 2013 г. — повесть «После возвращения».

Владимир Благов

Чего только не сделаешь для любимой

— **Х**очу жить долго, — сказала Она, и я улыбнулся.
— Хочу жить долго и никогда не болеть, — добавила Она. — Дорогой, придумай что-нибудь, чтобы я жила очень долго и никогда не болела.

Я перестал улыбаться и задумался.

— Как долго ты хотела бы жить, дорогая?

— Достаточно долго... Пока не надоест, — лучисто улыбнулась Она. — И я хочу, чтобы ты тоже жил долго и был все время рядом со мной.

— Хорошо, я постараюсь тебе угодить, — пообещал я и подумал:

«Чего только не сделаешь ради любимой»...

Моя профессия — выдумывать то, чего не было раньше. Моя работа — облекать мысли плотью. Мое призвание — дарить обыкновенное счастье...

Я постарался угодить любимой. Я дал ей долгую жизнь и уничтожил болезни.

В любви и согласии мы прожили долгих двадцать пять лет.

Но однажды Она посмотрела на себя в зеркало, ахнула и сказала:

— Милый! Какой ужас! Я превращаюсь в старуху! Верни мне молодость! Сделай так, чтобы мы с тобой никогда не старились.

Я был готов к этому разговору. Две пробирки с эликсиром молодости вторую неделю лежали в моем портфеле. Мы выпили бессмертие на брудершафт и помолодели.

Она была почти счастлива и весело щебетала, но я чувствовал какую-то недоговоренность. Поэтому поспешил с вопросом:

— Что-нибудь еще, дорогая?

— Да, мой бессмертный, — ответила Она, немного смущаясь оттого, что требует от меня слишком многого. — Сегодня утром я резала овощи и поранилась, — она показала порезанный пальчик. — Это было так неприятно, что навело меня на грустные мысли. Согласись, бессмертному будет обидно умереть в результате банальной аварии или ранения. Можешь ли ты сделать мое тело неуязвимым?

— Легко, — с улыбкой ответил я.

Я сделал Ее тело пластичным и гибким, способным по Ее желанию занимать любой объем пространства, свободно перетекать с одного

места на другое и там — на новом месте — восстанавливать исходную форму. Я покрыл наноброней Ее кожу. И сделал все для того, чтобы Ее природная красота ничуть не пострадала от такого апгрейда.

На первых порах новое тело позабавило мою драгоценную. На время Она превратилась в неугомонную шалунью и выдумщицу.

Но вскоре по выражению Ее лица я понял, что Ей скучно и как-то неуютно в новом теле. Она долго терпела, но однажды не выдержала:

— Это Бог знает, что такое! Я не хочу течь, я не хочу делаться плоской и изгибаться змеей. Милый, сделай так, чтобы у меня совсем не было тела.

Я взялся рукой за подбородок. Задача казалась сложной, но решение было где-то рядом.

— Изволь, — сказал я. — Я лишу тебя тела. Ты будешь невесома, прозрачна, но по-прежнему обворожительна...

Я отделил Ее душу, а тело заморозил. На всякий случай.

«Кто знает, — подумал я. — Вдруг Ей не понравится в образе привидения?»

Но ей понравилось. Перемещаться со скоростью мысли, все знать, все видеть и предугадывать события — было сродни настоящему волшебству. Но, видимо, этого Ей было мало.

* * *

— Милый, мне бы очень хотелось находиться в нескольких местах одновременно, — заявила Она однажды. — Сделай меня богиней, иначе я умру со скуки.

— Любимая, ты требуешь невозможного, — развел я руками. — Боюсь, я никогда не смогу исполнить такого желания.

— Ах, вот как! — вспыхнула Она. — В таком случае верни мне тело. Мое старое доброе тело. Я соскучилась по нему. Мне надоело любоваться излучениями. Я хочу видеть только семь цветов радуги! Я хочу улыбаться и слышать свой смех! Я хочу вдыхать аромат роз и колоться их шипами! И, в конце концов, я хочу целовать тебя...

— Но в таком случае ты опять станешь смертной.

— Пусть!

— Ты опять будешь уязвимой.

— Пусть!

— Ты состаришься...

Она с минуту подумала и, улыбнувшись, кивнула:

— Пусть...

* * *

Это было непросто, но я вернул все на круги своя. Чего только не сделаешь ради любимой!

Зато теперь она, кажется, довольна. Печет пироги, выращивает фиалки и возится с внуками.

Я продолжаю выдумывать то, чего не было раньше. Но теперь уже — на бумаге.

Об авторе

Владимир Благов (Меркушев) родился в 1962 году в Куйбышеве. Работает на производстве электромонтером. Пишет давно, но публиковаться начал с 2007 года. Пишет в основном для детей. Печатался в журналах «Мурзилка», «Миша», «Пионер», «Юный техник», «Юный натуралист», «Техника-молодежи», альманахе «Искатель». Изданные книги: «Свободу Змею Горынычу!», М. «Самовар», 2007; «Добро пожаловать в Сказку», М. «Самовар», 2009; «Психадж» (роман) — альманах «Искатель» (Москва) № 1—2009, «Марсианские кошки» (сказка) в сборнике «Современные писатели — детям-2», М. «РОСМЭН», 2012, «Юбилей Деда Мороза» (сказка), М. «Аквилегия-М», 2013, «Синяя комета» (сказка) в сборнике «Современные писатели — детям-4», М. «РОСМЭН», 2014, «Повелитель крылатого диска» (фант. повесть 9 а. л.), М. «Аквилегия-М», 2015.

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание-сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

ЛИТЛАВКА
LITLAVKA.RU*Литературный магазин*

В наших Интернет-магазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»:

Юридический адрес:

109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д.13

ИНН / КПП:

7723339052 / 772301001

БИК:

044525219

Банк:

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

Расчетный счет:

40702810800670000380

Корр. Счет:

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — *Степанов Е. В.*

**В следующем выпуске
литературного приложения:**

Повесть

Карл Левитин

«Палиндром» (окончание)

Повесть

Павел Веселовский

«Мой друг клоyder»

Рассказ

Анна Михалевская, Елена Постернак

«Время Же»

Рассказ

Александр Фимочкин

«Конфеты “Полет”»

Рассказ

Вадим Волобуев

«В клетке»

Рассказ

Анна Райнова

«История одной кочерги»

Рассказ

Фёдор Титарчук

«Креативное Бюро Его Святости»

п р е д с т а в л я е т

Электронный архив

за 2011 год

за 2010 год

за 2009 год

Заказать архив можно в редакции.
Для этого надо перевести деньги на счет редакции
через любое отделение Сбербанка России

Получатель АНО «Редакция журнала «Знание–сила», г. Москва.
ИНН 7705224605, КПП 77501001, ОКАТО 45286560000,
р/с 40703810738250123050, к/с 30101810400000000225

Банк ОАО Сбербанк России, Москва БИК 044525225

Назначение платежа Приобретение электронного архива за xxxx год.

Сумма 700 руб. – архив 20 лет/300 руб. – архив 2012/250 руб. годовой архив – 2007– 2011
(включая почтовые расходы)

Четко укажите на квитанции свой адрес, включая почтовый индекс

п р е д с т а в л я е т

Мультимедийный диск

Открытие Вселенной

об изучении ближнего
и дальнего космоса

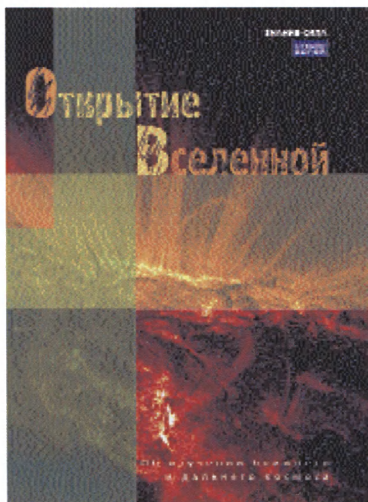
на диске вы найдете:

лучшие статьи из архива журнала

изображения планет, звезд,
туманностей и галактик

видеорассказы об инструментальном
изучении Вселенной

документальный фильм
«Весь космос «Энергии»

Назначение платежа Приобретение мультимедийного диска

Сумма 450 руб. (включая почтовые расходы)

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал
ЗНАНИЕ-СИЛА!

www.znanie-sila.su

